

Элла Леус

ДРЕЙФ КОВЧЕГОВ

Роман

Одесса
«Астропринт»
2024

УДК 821.161.2(477)-3
Л529

Леус Э.

Л529 Дрейф ковчегов : роман / Элла Леус. — Одесса : Астропринт, 2024. — 268 с.

ISBN 978–617–8381–50–9

«Дрейф ковчегов» — экспериментальный роман, утопия и анти-утопия, трагедия и фарс в одном органичном тексте.

УДК 821.161.2(477)-3

ISBN 978–617–8381–50–9

© Леус Э., 2024

*Моим обожаемым Алексам,
похожим и разным,
мужу и сыну*

Парадигма свободы

«...свобода есть сущность каждого, и потому всё, что ее ограничивает, должно быть отмечено прочь, будь то традиция, суеверие или любое другое ограничение в какой угодно форме».

Ричард Бах

Нечасто встречаются литературные произведения, столь свободные по форме, стилю, и одновременно густо наполненные пряной смесью философии, мистики, иронии, одновременно оптимистические и апокалиптические, оставляющие острый привкус чего-то потустороннего. Настоящий глинтвейн, настоянный на живой воде правы, со вкусом трав, выросших в нави, явленный нам, нашей привычной и необычной яви. Явь, правь и навь, собранные воедино в сравнительно небольшом по объему романе.

«Дрейф ковчегов» невероятно метафоричен, пронизан аллюзиями, общечеловеческими параллелями-меридианами, и, скажем прямо, для понимания требует подготовленного читателя. Но вчитавшись, начинаешь слышать ту особенную «музыку сфер», которая резонирует где-то глубоко внутри, неизменно отражаясь в «*окружающем мире с его сутолокой, абсурдом и развивающейся биполярной демократии*». В сущности, весь роман — это извечный сакраментальный вопрос: что есть разум, что есть человек и, собственно, сама жизнь. Временами эти вопросы кажутся исходящими из уст законченного мизантропа, иногда — ученого или философа, иронично и с глубокой любовью внимающего этой далекой от совершенства реальности. Своеобразная литературная эсхатология, психологическая, мифологическая и философская, чем-то близкая современной теории трансгуманизма и в то же время по сути своей отрицающая ее.

Собственно говоря, текст все же можно свести к одной общей парадигме, состоящей в том, что человек — это не логиче-

ский механизм, тем более, что в «дурдоме» логика не действует. Саркастический поиск смысла в бессмыслице, в очередной раз подтверждающий, что жизнь в целом подчиняется различного рода флюктуациям, определяющим эмоциональное и физическое состояние во времени и пространстве. Но иногда *«кажется, что все мироздание целиком существует в одном единственном мгновении. Оно как ослепительная вспышка, как взрыв. Такой силы, что находящиеся внутри ничего не ощущают. А волны во все стороны от взрыва — это и есть мы и все сущее. Все со всей нашей памятью, озарениями, болью и бедами»*.

«Дрейф квочегов» можно было бы назвать эпической «историей безумия», бездонной бездной, в которой сходятся воедино множество стилистических, герменевтических, исторических линий повествования; по мере прочтения возникают все новые слои, во многом кажущиеся парадоксальными, антиномичными, но которые в итоге становятся органичным синтезом значений и смыслов. На поверхности лежит понимание того, что все внутренне стремятся к счастью, но для одних это — превосходство над окружающими, непрерывное самоутверждение, атмосфера крупной игры. Для других же — подчинение, нередко сознательный уход в выдуманную реальность. Кажущаяся простота вырастает до уровня метафизического гротеска, корни которого зримо уходят в повседневную жизнь. Автор сознательно и свободно оперирует разноуровневыми архетипами, но даже при использовании какой-либо мифологической модели в тексте полностью отсутствует религиозная сакральность. Вместо этого — некий обратный филогенез на фоне событий, зачастую лишенных стандартизированной морально-нравственной подоплеки. Более того, многие персонажи имеют амбивалентное начало, при этом авторская шкала ценностей не всегда соответствует общепринятой: что, собственно, в романе может быть определено как зло в чистом виде? Мир кажется постмодернистским хаосом, в котором зло так гротескно нелогично и нелепо, так иронически очеловечено, что теряет свою изначальную суть, не является абсолютной категорией. И все же глубокие философские проекции не могут

не затронуть читателя изнутри: *«Люди постепенно просыпались, в сильном волнении выходили из домов и зачарованно смотрели в темень небес. Наверное, даже ярые атеисты в те часы истово молились какому-то избранному богу».*

Ирония в романе — некий трансцендентальный троп, стилистическое средство, с помощью которого создается инобытие. Ирония выражено драматическая, направленная именно на силу восприятия текста: читатель гораздо глубже осознает происходящее, чем сами персонажи. Помогает в этом интертекстуальность, завуалированная отсылка к известным произведениям, усиливающая авторский замысел и в конечном итоге отражающая само общество. Смещение реализма и причудливой фантастичности, экспрессионистичная описательность, ярко выраженная эрудиция автора делает «Дрейф ковчegov» романом постмодернистским: он заставляет думать, сопоставлять мистику и реальность, мысленно дорисовывать то, что показано легким намеком. *«История вечно повторяется, — сказал Че. — Вновь при потопе спаслись не те, кто достоин».*

Роман не оставляет иллюзий о роли и месте человека в мироздании — более того, ясно дает понять ограниченность человеческих существ, слишком занятых самими собой: *«...настоящему богу человек всегда бывает должен смерть — свою или чужую, людскую или ангельскую».*

«Дрейф ковчegov» — удивительное произведение, помогающее человеку преодолеть линейное мышление: открывая читателю нечто загадочное, фантастическое, автор незаметно переводит его в разряд обыденного, лишая мистической окраски. Взмывая ввысь силой воображения и таланта, Элла Леус ведет за собой читателя, даруя редкую возможность подняться над привычным ракурсом видения мира. *Alta alatis patent*, небо для крылатых. Ибо только там, в горних высях духа, гнездится настоящая свобода.

ИННА КОВАЛЬЧУК,
писатель

ДРЕЙФ КОВЧЕГОВ

Когда мы забыли о солнце, о боге и снеге,
когда совершенство — редчайший в природе изъян,
мы спали в ковчеге, мы женщин любили в ковчеге,
а после — кормили жирафов, слонов, обезьян.
И ливень протопал вдвоем со всемирным потопом,
вай-фай барахлил, и в планшетах — то фейк, то баян,
но чья-то душа добиралась до нас автостопом,
пока мы кормили медведей, волков, обезьян.
Дремучие волны, их бедра — в хозяйственном мыле,
библейские мифы, молчания новый словарь,
и надо признаться, когда мы животных любили —
рождались кентавры, сирены и прочая тварь.
Нам снились квартиры, в которых вы жрете и спите,
как спят в морозилках пельмени и царь пеленгас,
фонарь на корме и такой же фонарь на бушприте,
а третий фонарь в капитанской каюте погас.

АЛЕКСАНДР КАБАНОВ

Можно было бы начать с того, что «Голова профессора...» весьма забавная и, главное, провидческая книга об обособленном функционировании головы. Можно было бы... Еще можно было бы начать с того, что гильотина не самый лучший способ отделения голов, несмотря на ее механическое совершенство. Ведь после нее голова неизменно превращается в головизну, притом в головизну мертвую. А наилучший способ отсековнения все-таки хирургический. Старый добрый скальпель, твердая рука и пара-тройка унций медицинского спирта per os перед операцией даруют новую жизнь, не обремененную телесными заморочками. Можно... Да и нужно же как-то начинать.

А начнем так: голове категорически воспрещается чихать и хохотать. Потому что при данных слабо контролируемых процессах она (голова) рискует потерять устойчивость, оторваться от опорной поверхности и укатиться прочь, куда-нибудь в угол комнаты, чтобы там необратимо почить. Пожалуй, это и есть главный пункт инструкции.

* * *

Понимание того, что нужно сделать с его свежим трупом, пришло ко мне внезапно. В полночный час, когда он, наконец, испустил дух. Именно — испустил. Я в изумлении увидел легкий беловатый парок над каменеющей ухмылкой оттенка индиго. Инсайд случился, как инсульт! И весь я превратился в одно желание: остаться с покойником наедине. Однако нашему едва намечавшемуся интиму мешали заспанные медсестра и нянечка. Для вида пришлось потерять пару драгоценных минут на напрасную дефибрилляцию. А потом — понеслось.

Несясь по длинному ночному коридору госпиталя и толкая впереди себя каталку с кахексичным мертвецом под простыней, я чувствовал себя возницей, которому загадочный седок верил свою жизнь и смерть без особой надежды на спасение. Седок спокоен, все возможное он уже предпринял, ответственность удачно делегирована вознице. Теперь уж его очередь тревожиться и торопиться.

Хотя исход поездки был непредсказуем, одно я осознал точно. Стало абсолютно очевидным, зачем я, реаниматолог и прирожденный исследователь, подрядился патологоанатомом местного морга. Совсем не ради солидной прибавки к жалованию или бесплатного жилья в прозекторской подсобке, нет. Ради иного.

...Я назвал его Кранцером. Айсмаусом Кранцером. Он меня — Черным Человеком, коротко — Чече. Из-за моего пристрастия к одежде черного цвета или из-за пристрастия к черному юмору. До сих пор не пойму. Только очень скоро я и вправду превратился в Чече, предав забвению свое настоящее имя. Но это случилось уже потом, после операции отсекования, спустя дни и ночи после первичного погружения головы в раствор, приготовленный по моей секретной рецептуре. Впрочем, секрета никакого не существует. Просто потому, что хранить его не от кого — интересующихся нет. Но они обязательно появятся. Когда-нибудь. Кто-то непременно спросит — как тебе удалось так ловко и виртуозно отрезать голову кадавра и заставить ее жить дальше? Что ему ответить, я придумаю позже, когда спросит, а пока... Пока можно полистать мои записи, сделанные в рассветные часы того утра.

«Люди любят отделенные от тел головы. Ритуальные головы тсантса, головы казненных на эшафоте, заспиртованные головы кунсткамер и анатомических музеев, головы врагов на пиках. Колобок, на худой конец, им тоже нравится с детства. Им кажется это самым ужасным, а значит, самым занимательным на свете. К такому пристрастию могу добавить немного, лишь одно: безусловно, гораздо лучше живая голова без тела, чем мертвое тело без головы. Допускаю, что все дело в шаро-

образной форме. Шар особо притягателен. Способен катиться по тропинке, кататься сыром в масле, перекашиваться в поле, скатываться с вершин... Но шар редко бывает совершенным. Тем более голова. Однако голова, даже откуда-нибудь скатившись, легче находит равновесное положение. Напоследок хочу акцентировать, что головы рубят не из любви к идеальной геометрии, а по большей части с целью заткнуть голове рот...» Дальше я описываю произведенную мной операцию. Но это скучновато. Любой протокол отнюдь не развлекательное чтиво, если он не полицейский, а научный. Тем более скучна рецептура раствора для «купания» головы, идея которого состоит в насыщении тканей питательными и консервирующими веществами.

Рецепт не был записан тогда по нескольким причинам — пора было вынимать голову из купели и оживлять током, а еще мне взбренилось сохранить интригу, вдруг пригодится. К тому же никогда не был силен в латыни и фармакологии. Вечно канючил зачеты в академии. Хорошо, что для моего эксперимента это не имеет ни малейшего значения, потому что солюцио я предпочитаю готовить импровизируя, как в джазе, и пробуя на вкус, как маринад.

Позже, когда Айсмаус безгортанно прогундосил первые слова, взглянув на меня прояснившимися глазами, в журнале появилось несколько восторженных и пустопорожних записей триумфатора (понятия не имеющего о последствиях своих открытий), которые приводить здесь нет никакого смысла. А вот в день начала наших бесконечных споров и перепалок я записал: «Да, головы рубят с целью заткнуть рот, вот только не всегда это удается. Случается, что голова, лишенная тела, не перестает трепаться».

* * *

— Болит правое колено! А вчера болело левое. Артрит разыгрался не на шутку. Наверное, на погоду, черт меня раздери... Натри мне колени скипидаром.

— Забудь о скипидаре. И не морочь мне голову, голова. Нет у тебя коленей ни правых, ни левых, никаких! Фантомные боли. Только и всего. В моем журнале одни твои жалобы на них и записаны. И не отвлекай меня понапрасну. У меня до полного распада личности осталось не так много времени. Я шизофреник со стажем. Сто раз тебе говорил.

— Насрать мне на всех шизофреников мира! — обиделся Айсмаус Кранцер, вращая глазами.

— Страшно смешно! Кроме фантомных болей имеют место фантомные позывы к дефекации. Так и запишем...

Чече сгорбился над толстым потрепанным журналом, до конца которого оставалась добрая половина пустых желтоватых страниц с закрученными уголками.

— На хрен записывать? Кому это нужно? Все равно никто не верит, что я живой... что я живая... что моя голова жива... что моя голова продолжает жить. Да, вот так правильно. Они ходят мимо меня каждый божий день, снуют туда-сюда. Смотрят на голову, стоящую на сервировочном столике со свалки, и свято верят, что я — удачный опыт начинающего скульптора и сделан из воска. Или чья-то не менее удачная посмертная маска. Или что ты там им наплел про меня? Чего я только не предпринимал — и рожи корчил, и пел дурным голосом, и бранился. Пугаются, сердешные. Но не меня, а себя. Дурачье! У кого передоз, у кого климакс, у кого бред вырисовывается. Вот и спрашивается, кого они видят, кто я такое?

— Какая, к монахам, разница? Поздновато искать идентификацию, — бормотал Чече, старательно вписывая в журнал наблюдения. — Все равно отделенной от тела голове не избежать деперсонализации, дереализации, а также, возможно, диссоциации. И уж, конечно, не избежать дисморфофобии. — Чече заметно возбудился, бросил писать, вскочил, прошелся по подсобке и, склонившись к столику, на котором торчала голова, воззрился на Айсмауса близоруким взглядом. — Тебе ведь и раньше казалось, что отсутствующие напрочь части тела принимают необычную форму, а окружающие предметы пре-

вратились в декорацию, а ты перестал быть собой и превращаешься... превращаешься...

Зрочки Айсмауса съехались к переносице:

— Кажется, у меня эрекция, — прошептала голова доверительно.

— Так и запишем! Фантомная эрекция! — Чече бросился к журналу.

* * *

Очень многое начинаешь понимать о человеческой голове, оставаясь с ней наедине долгое время, заведя с ней добрую дружбу. Голова, как говорится, предмет темный и исследованию не подлежит. Но я, Черный Человек, Чече, сумасбродный ученый и шизофреник на адекватной медикаментозной терапии, никогда не искал легких путей.

Невзирая на ряд открытых мной интереснейших свойств мозга, не тратящего силы на балластную часть организма (по сути выполняющую лишь функцию штатива для головы), мы с моим другом Айсмаусом прозябали в подвале госпиталя, в подсобке прозектуры. Мы мечтали об исследовательском центре, об индустрии живых голов, которым не нужна пища, а только еженочное купание в особом растворе. Об улучшении человеческой природы, о выходе на новый уровень свободы разума... А вынуждены были выполнять рутинную работу.

Я трудился патологоанатомом, борясь с соблазном отсечь еще пару наиболее симпатичных свежепредставленных голов. Останавливала меня только самоотверженная преданность другу Кранцеру. Ну и возможные неприятности из-за исчезновения головы какого-нибудь добропорядочного гражданина аккурат накануне его похорон.

Из реаниматологии я ушел. Причина крылась в кардинальном изменении моего взгляда на саму концепцию возвращения к жизни. Традиционная настаивала на оживлении организма, так сказать, целиком, что с некоторых пор казалось мне

вовсе не обязательным. Сами понимаете, почему. Хоть я и не жалел о прежней карьере, в морге мне было как-то спокойнее. Кротость пациентов не могла внушать чувства бесконечной благодарности.

Вообще-то все было бы вполне сносно, если бы Айсмаус не хандрил так часто. Настолько же часто, как и бредил. Если это можно назвать бредом. Какое-то странное состояние озарения: сначала он нес несусветную высокопарную чушь, а затем ловко и логично обосновывал ее.

Например, однажды Айсмаус картинно закатил глаза (я даже насмерть перепугался, что он помрет) и начал декламировать нараспев примерно следующее: *«Никогда и ни за что не целуйте жабу. Рискуете привыкнуть. Поначалу это невыразимо мерзко. К тому же от ядовитой слизи терпнут и деревенеют губы. Но если преодолеть первичную брезгливость, можно очень скоро впасть в счастливое бесчувствие. Словно вся боль, которая пряталась в теле, дремала и грозила напасть в роковую минуту, вся без остатка боль, не израсходованная до сих пор, улетучилась до последней молекулы. Затем вы испытаете мгновенный необъяснимый приступ паники. Но она тоже испарится и тоже навсегда. Притом следует учесть — лучшее, что может дать жизнь, это убежденность в абсолютной и безоговорочной безопасности розового марева колыбели: на границе блаженства и просветления. И, заметим, все удовольствие — за невинное жабье лобзание. Практически безвозмездно».*

После драматического спича он, плюнув на пол, заявил, что под дверью бродит наркоманка, которую следовало бы умертвить из гуманности. Естественно, я выскочил в коридор и впрямь наткнулся на раскумаренную девицу опущенного вида, сидящую на корточках или в позе прачки — точно не разглядел. После того как я не без труда выпроводил ее из нашего, с позволения сказать, лечебного учреждения, меня одолели, прямо раздавили меня, думы. Да, я предался задумчивости, которая длилась несколько дней. Мой друг рисковал остаться без купели. Только его всхлипывания, мольбы и ругань выводили меня из транса на время.

В результате терзаний, опасений, сомнений и прочего деструктива я пришел к выводу, что просто не имею права оставить дар Айсмауса без применения, а его самого — без реализации. Пришлось придумывать ему занятие.

— Говорят, если человек лишается какого-либо члена, оставшиеся становятся сильнее. Голова вобрала в себя силу твоего отсеченного тела, — подытожил я.

— Радикальная ампутация! Можно было бы еще и уши ампутировать. Если бы не оставалась надежда, что однажды я научусь летать, хлопая ими вместо крыльев!

Он буквально покатился со смеху. Мне пришлось наспех подпереть его щеки рулонами туалетной бумаги. (Вот ведь полезная во многих отношениях вещь!)

Потом мы долго обсуждали дальнейшие действия, и в ходе данного столь занимательного процесса мне открылась абсолютная непригодность моего гомункула к выполнению тривиальных функций. Казалось, дело зашло в тупик. Но не таков был Айсмаус Кранцер, чтобы отступить.

— Да что тут гадать! — заявил он. — Мы с тобой можем выступать на ярмарках и в цирке шапито. Не слишком престижно, зато весело и всегда в кармане свежая копейка. Иллюзион футуризма! У меня намерен третий глаз открылся — могу предсказывать будущее, равно как и угадывать прошлое. И, хочу особо отметить, обладаю неоспоримым конкурентным преимуществом — в моем случае это вовсе не фокус.

— И ты молчал?!

У меня не было слов. И явно подскочило артериальное давление.

— Не моя вина, что ты дурак и не замечаешь очевидного. А еще ученый!

— Вот это сейчас было обидно, — пробормотал я и с тоской осознал собственную ничтожность.

— Но не надо самобичеваний! У меня сегодня отличное настроение! Найди-ка мне кубинскую сигару для полного счастья. Подымлю изо всех... отверстий.

Разумеется, ни о каких сигарах не может быть и речи. Довольно! Накурились. Как-то я позволил Кранцеру попыхтеть. Пустив дым из носа, ушей и, pardon (но иначе не скажешь), из-под себя, он посинел и позеленел подобно символу Дня святого Патрика. Но едва придя в норму, мой любимый гомункул безапелляционно сообщил, что никогда не испытывал ничего подобного. С тех пор я с легкостью даю ему клятву, что сигара ждет его завтра. Он радуется и пребывает в добром расположении духа целую неделю, совершенно не настаивая на выполнении обещаний. Думаю, что в глубине души он побаивается разочарования. Да и в конце концов, это всего лишь сигара...

Очевидно — нам бывало весело и радостно с Айсмаусом. К тому же все шло к неперемennomу успеху в цирковой или религиозной карьере, всемирной славе гениев ясновидения, прорицаний, а также чревоуещательства. Я уже мнил себя реинкарнированным великим венетрологом Калиостро, а Кранцера — последователем Нострадамуса или Ванги. Но даже им всем, вместе взятым, было бы не под силу предугадать случившееся впоследствии! А вот мой оракул Кранцер, следует отдать ему должное, незадолго до вестей апокалиптического толка впал в тревожное уныние посреди безмятежного вневременного существования в атмосфере патины, кракелюра, ржавчины и прочих душевностей запущенного подвала прозекуры. Понятное дело, я не мог оставаться в стороне и тоже затосковал. Впрочем, это продолжалось всего ничего. Каких-нибудь несколько муторных дней. Я почти не ел и плохо спал, раздраженно переругивался с угрюмым беспрерывно брюзжащим гомункулом. А потом, отчаянно желая отвлечься, включил радио и впервые за многие годы прослушал сводку новостей. Лучше бы я этого не делал...

Глава 1

ПОТОП НА БЕДОВУЮ ГОЛОВУ? ПОТОП ВРЕМЕННО ОТМЕНЯЕТСЯ

Сквозь ворох совершенно бесполезных унылых сведений о ходе голосования на выборах президентов, терактах в жилых кварталах, традиционных школьных драках и перестрелках и местных погодных катаклизмах типа затопления погребов в селе из-за паводка или обрыве электропроводов из-за ураганного ветра, незаметно и обыденно проклюнулось сообщение по поводу внезапного появления во всеми благополучно забытом Бермудском треугольнике десятка судов, исчезнувших не менее ста лет назад. Впрочем, сообщалось, что добрую половину из них никто не может идентифицировать. К тому же люди на судах поголовно имеют все признаки помешательства. Говорят на малопонятных наречиях, истерят без повода и вообще смахивают на маньяков, твердящих кто о морских чудовищах, кто о невиданной мощи тайфунах, кто о гигантских воронках в океане, то с невероятной силой затягивающих, а то и, напротив, выталкивающих все и вся. Затем между прочим сообщалось о массовых самоубийствах китов, выбросившихся на берег.

— Знаешь, не нужен нам цирк, — заявил Айсмаус, услышав все это.

— А что нам нужно? — прошептал Чече.

— Яхта. Или крейсер. Или... Что-то, что плавает. Дредноут какой-нибудь. Короче, ковчег.

— Зачем? Отправимся к Бермудам?

— Не исключено. Какая разница? Считай, что мне надоело мокнуть в твоем полупроокисшем солюцио. Желая океанской купели! Понял?

— Понял...

Кранцер зажмурился и беззвучно зашевелил губами, как делал всегда перед пророчествами.

Чече пребывал в сильном испуге. Интуиция подсказывала ему, что оное на этот раз будет касаться чего-то глобального. Что Айсмаус больше не станет размениваться на мелочи вроде прогноза погоды для фермеров или улаживания чьих-то семейных неурядиц.

* * *

Одним ярким удушливым утром, наступившим на горло после такой же удушливой ночи, Айсмаус не открыл глаз. Чече ужаснулся. Но подрагивания мимических мышц выдали прикрытие бестелесного партнера. Чече подергал Айсмауса за ухо. Тот не удержался от недовольной гримасы, но век так и не поднял. Еще и губы сжал плотнее.

— Бойкот вздумал мне объявить? Хоть моргни, чтобы я не думал, что ты помираешь.

Кранцер зажмурился. Чече вздохнул с облегчением.

— Мне один старикашка на базаре сказал, что в нашем порту продают списанные катера по цене металлолома. Я подумал...

Айсмаус с протяжным воплем вскинул ресницы:

— Беги скорее на причал! Возьми все деньги! Нет, оставь немного на покупку припасов в дорогу.

— Может, все-таки обойдется? Не так все катастрофично. Ну, затопило сотню островов. Ну, десяток цунами отутюжили побережья. Ну, пожары лесные потрескивают то там, то сям. Эка невидаль. А киты нас вообще не волнуют. Где они, а где мы...

— Не мели ерунды! Или мы уйдем в море, или я откажусь говорить раз и навсегда. Будет у тебя очередная мертвая голова. Выбирай — такой тебе мой ультиматум.

— Пф-ф...

— Мне терять нечего, учти. У меня даже воспоминаний нет. Промыл ты мне мозги, нечего сказать.

— Пф-ф...

— Ты же исследователь, Чече! Я тебя не понимаю. Давай отправимся навстречу приключениям! Последний раз спрашиваю — пойдешь?

- Ладно, пойду, — сдался Чече.
— И поторопись! Катера разберут.

* * *

— Как же я тебе завидую, бетонный лоб! — заметил, пыхтя, Чече, преодолев подъем на катер под грузом баулов с вещами и легкого рюкзака с Айсмаусом.

— Зачем? — буркнуло из рюкзака.

— Тебе так легко быть точкой. Знай себе, сверкай как сверхновая. И никакие багажи не нужны.

— Да-а... А еще мне никогда больше не дергаться марионеткой. Веревочки не к чему привязывать, — прозвучал сдавленный сарказм из-за спины Черного Человека.

Щуплый небритый матрос подозрительно покосился на рюкзак.

— У вас в рюкзаке дыра, сударь, — предупредил он Чече. — Добро пожаловать на палубу «Наяды». И тут дыра... И вот тут... В таком хорошо домашних животных возить, чтоб не задохнулись.

Чече отпрянул и поспешил вверх по трапу на мостик, к капитану. Пока поднимался, тридцать раз пожалел, что затеял разговор с рюкзаком на людях. Впрочем, все равно скоро узнают — Айсмауса в рюкзаке не утаишь. Тем более в продырявленном. Кстати, никто так и не догадался, зачем голове без легких дыры для воздуха, в том числе и сам Чече. Но Кранцер был доволен. Он подглядывал в одну из прорех с целью контроля маршрута к порту и причалу.

Капитан пообещал доставить путника куда угодно, хоть на край света, в уплату за спасение старого катера от плачевной участи. Он был очень пожилым, отягощенным отвислыми щеками и животом, но еще на многое способным, о чем говорил блеск глаз и каверзная ухмылка местечкового будды.

Отчалили сразу же. Словно боялись, чтобы пассажир не передумал. Чече из каюты не выходил до самого вечера и даже в иллюминатор не выглядывал, словно и в самом деле боясь

передумать. Айсмаус покоился на тумбе, косясь то вправо, то влево, пока не надоело разглядывать аскезу каюты.

— Капитан нам свою уступил, — сообщил Чече.

— Да слышал я. Любезно как! Прямо интеллигент.

— Ворчишь? Как угодно. И снова я тебе завидую.

— Чего опять?

— Морская болезнь тебе не грозит. Печально.

— Это почему? Фантомная очень даже может быть.

И действительно, Айсмаус заохал и заахал, как только катер качнуло. Но Чече так и не понял — притворялся он или нет.

* * *

Ближе к вечеру и востоку Чече поинтересовался у капитана, нет ли на горизонте островка из судов, затопленных и недавно поднятых спецтехникой, а потому до поры бесхозных. Но оказалось, что в пределах досягаемости такого нет. Пришлось довольствоваться планами на старое китобойное судно, выставленное на продажу славным новоявленным агентством «Бермуд-инвест». Исчезнувший давным-давно в треугольнике и возникший из небытия внезапно, китобоец болтался на привязи в ближайшем проливе, непрерывно отдаляясь от берегов. Вернее, это берега отдалялись, поглощаемые разлившимся морем пядь за пядью.

— Обоснуемся на «Циклопе». Прекрасный корабль. Железный. Почти дредноут. Даже пушка есть. Гарпунная. И стоит он дешево.

— Но у нас нет ни гроша, Айсмаус. Ты забыл?

— Выйди в эфир, размести сообщение об услугах говорящей головы на светских банкетах. Деньги — не проблема. Деньги заработаем.

— Попробовать можно... Однако... — усомнился Чече.

— Размести, говорю. Аристократы с олигархами устали выдумывать себе увеселения в честь грядущего светопреставления. А тут мы. Покатит как по маслу.

Предварительный осмотр «Циклопа» не оставил сомнений, что судно обитаемо. Когда «Наяда» приблизилась к нему, на его палубу высыпал народ. Они кричали, махали руками и подпрыгивали.

— Весело у них, — заметил Чече капитану.

— Слухами земля полнится, а теперь и море тоже. По слухам, там временно размещен сумасшедший дом, лишившийся из-за наводнения своего дома, — пояснил капитан, не отрываясь от бинокля.

— В агентстве ничего об этом не сказали.

— В наше время за такие деньги кораблик без изъяна не приобретешь. Зачем об этом говорить? Только настроение портить.

— Резонно, — согласился Чече.

В каюте ждал его Айсмаус в тревожном нетерпении.

— Ну что там? Какая живность на борту? Рыдающие крокодилы?

— Люди. Душевнобольные. Филиал бездомного дурдома.

— Мило. И весьма кстати.

— Думаешь?

— Конечно. Среди такого контингента легче легкого подыскать нужную компанию. Человек несколько.

— А остальных куда денем?

— Посадим на катер и отправим к берегу. Капитан нам не откажет за вечное право владеть своей посудиною. И не спрашивай, что с ними со всеми потом будет.

— А я и не спрашиваю. Нынче все кругом сплошь умалишенные. Время такое настало. Так что эти мало чем от остальных отличаются. Лишь окончательностью диагноза.

* * *

Выступление оракула заказали практически сразу. Откликнулись на объявление несколько океанских лайнеров и две яхты, принадлежащие растленным толстосумам. Пришлось устроить аукцион. Больше всех посулил плавучий клуб джентльменов, фешенебельный и абсолютно закрытый.

Прибыв по заданным координатам, изрядно пошарпанный катер «Наяда» отважно и гордо подгрел под высоченный белый борт яхты.

Серые волны бултыхали посудину, грозя расшибить ее о сверкающую стену металла, высокомерно покачивающуюся рядом. Чече так боялся подъема, что, влезая в спущенную с лайнера кабину, зажмурился и втянул голову в плечи. Айсмаус, напротив, был несколько возбужден, бранился, целился взглядом в дырку рюкзака, не попадал и снова бранился. Нужно сказать, что брань Айсмауса отличалась красочными сравнениями и жуткими пожеланиями. Чече порой чудились замысловатые картины казней, козней и проказ из речей партнера. Поэтому когда Айсмаус разошелся и раскричался, бывший реаниматолог как можно незаметнее стукнул по рюкзаку локтем, рискуя навлечь на себя еще больший поток ругательств. Но рюкзак, на удивление или от удивления, умолк. И молчал вплоть до самого прибытия на палубу яхты.

Когда затихло жужжание лебедки, Чече осмелился открыть глаза и выглянул из подъемной кабины. На палубе стояли три буржуа холеного и надменного вида. Вопреки представлениям Чече о богатеях они были стройны и даже поджары. Да и сигара была только у одного, самого незаметного. Двое других снисходительно взирали на Чече, излучая флюиды безнадежно здорового образа жизни.

— Голова со мной, — предвосхитил он их вопросы.

— Натуральная? — спросил олигарх с сигарой.

— Конечно. Какая же еще? — старался приободриться гость.

Они без лишних слов удалились, оставив прибывших на попечение юркого стюарда в зеленой форменной курточке.

В просторной кают-компании, щедро отделанной красным деревом и инкрустированной серебром, собрался весь клуб. Джентльмены рассредоточились на бархатных диванах, креслах и оттоманках. Они потягивали виски и шампанское в предвкушении спектакля.

Чече волновался и в волнении жаждал поскорее начать, чтобы поскорее завершить.

Столик для говорящей головы установили в центре зала. Бывший реаниматолог дрожащими руками выудил Айсмауса из рюкзака. Публика ахнула при виде интенсивно подмигивающей головы. Необычное зрелище заставило сидящих поблизости невольно отшатнуться.

— Здесь нет ни одного счастливого человека, — обыденным тоном произнес Айсмаус, изобразив на лице отвращение. — Но нужно отдать вам должное, притворяетесь отменно. Bravo!

Аудитория зачем-то захлопала. Чече поклонился.

— Что вам интересно узнать, друзья мои? Наверняка о прогрессирующем потопе, не так ли?

Снова раздались аплодисменты. Джентльмены закивали и загалдели.

— Вот что я вам скажу: потоп отменяется. Скоро схлынет. И вам пора будет снова браться за дело — зашибать барыши с еще большим энтузиазмом. Продавать пресную воду, чистый воздух и сопутствующие товары. Никто, кроме вас, не сможет это сделать с таким эффектом. Правильно я говорю, Черный Человек?

Чече многозначительно улыбнулся.

— Автоматон, сплошная искусная механика, — позевывая, бросил кто-то из задних рядов.

— Лучше раскройте секрет данной иллюзии! — слышались возгласы.

— Секрета никакого нет. Иллюзии тоже. Я жив без тела. Как ни прискорбно признать.

Воцарилась тишина. Словно раньше это было не очевидно.

— Чече, друг мой, покатай меня по столу для пущей важности, — потребовал Айсмаус угрожающе.

Активное катание головы по столу возымело определенное действие. Зал, похоже, наконец проникся доверием к происходящему. Между выступающими и публикой завязалась оживленная беседа. Чече бегал, собирая записки, зачитывал их торжественно и кланялся после каждого ответа Айсмауса.

Вопросы были преимущественно саркастически-ироничными, имеющими целью блеснуть остроумием. А ответы — сплошь уклончивыми и обтекаемыми, дабы от одного остроумия не отвлекаться. Будто высоколобая голова намекала, что яснovidение не главное. И гвоздь программы — самое существование живой головы. Джентльмены охотно соглашались.

В середине представления в зал допустили дам. Нарядные и блестящие, они расселись со своими мужчинами, сверкая бриллиантами, источая ароматы парфюмов и щебеча на все лады. Вот кого не слишком озадачила живая голова на столе! По всему было видно, что дела, заботы и помыслы леди были гораздо весомее в их собственных глазах, чем какое-то затеянное мужчинами скучнейшее шоу.

Впрочем, одна дама, остановившаяся у самых дверей, сосредоточенно наблюдала за Айсмаусом. Могло показаться, что представление наводит ее на некие глубокие размышления. Но перед самым финалом она хмыкнула, пожала плечами и довольно громко высказалась:

— Не поверю, что волосы на этой голове растут для красоты. Они даже не причесаны. Какой моветон! Тогда для чего же эта седая копна? Не лучше ли голову обрить? Ручаюсь, что будет стильно.

— А ведь и правда! Обрею его завтра же! — раздухарился Чече.

Айсмаус закатил глаза, но собственную шевелюру так и не увидел.

Успех шоу был огромный. Столик окружили плотным кольцом. Все норовили прикоснуться к голове. Особенно женщины. От запаха духов у головы закружилась голова. Айсмаус громко чихнул, покатился и непременно бы упал на пол, не подхвати его сразу полдюжины рук.

Заплатили наличными и без обмана. Теперь у Чече было два рюкзака. От обеда он отказался, резонно полагая, что с такими деньгами сможет позволить себе и не такой обед, да еще и в спокойной, благоприятствующей пищеварению, обстановке.

Провожали артистов всей честной компанией. Даже свободные от вахты моряки вышли на палубу поглазеть. Сидя в кабине, Чече махал обеими руками, а Айсмаус горлопанил песню из-за его спины. Слова песни были о расставании и скорой встрече, на которую в любом случае стоит надеяться.

Катер «Наяда» принял триумфаторов гораздо спокойнее. На палубе был один матрос. Как только пассажиры покинули кабину, он крикнул, чтобы ее поднимали обратно. Катер тут-же отвалил от борта яхты.

Чече не хотелось спускаться в каюту. Он стоял на ветру и смотрел, как удаляется в фиолетовую мглу белый лайнер, весь в лучах от белых огней. Левое плечо приятно отягощали деньги. Будущее рисовалось в розовой дымке. Настроение портило лишь усталое брюзжание Айсмауса, которому возмечталось незамедлительно окупиться в прохладные воды океана.

* * *

Пока имеется цель, брезжит и мучительно дразнящая надежда. Целью был старый китобоец «Циклоп». Компаньоны надеялись весьма рьяно, что и говорить. Айсмаус вообще считал, что судно не просто станет их домом, оно даст все необходимое для достижения настоящих целей. Но чего вождедел Кранцер, Чече понял не сразу.

— У меня нет тела, — хныкала голова. — Я несчастный колобок, обритый тобой налысо, которым каждый может поиграть в футбол при желании. У меня уже никогда не будет секса. Ты гадкий, ты злой Черный Человек. Самый черный на свете! Оставь же мне хоть что-то на память о бренном существовании!

— Чего ты хочешь? Говори прямо.

— Я требую мирового господства. Только и всего. Согласись, не слишком высокая цена за издевательства. И пускай это банально — владеть миром, пускай! Хочу, и всё тут!

— Я думал, что ты шутишь, головная боль. Послать бы тебя подальше! Но нельзя, увы.

— И что же?

— Что? Придется потакать тебе.

— Потакай! Начинай прямо сейчас. Не то на меня нахлынут воспоминания и затопят нас с тобой в один миг.

— Ни черта ты не помнишь. Давно известно, что ты пуст, как бубен.

Чече призадумался. Глупейшая затея с пресловутым мировым господством никак не входила в его планы. Но как-то само собой получалось, что его намерения с некоторых пор не имели первостепенного значения. Брала верх планы и чаяния Айсмауса. Да и с чем останется Чече, лишись он своего бестелесного друга? В кого превратится? В ничтожество, в шизофреника, отчаявшегося в страхе окончательного распада личности. «Времена теперь апокалиптические, тревожные и нестабильные, — думал он. — Лучше все же использовать все шансы, нежели потом сожалеть. Таки придется потакать этому тирану ушастому, что бы он ни придумал. Иного выхода нет».

...Время на пути к «Циклопу» шло тихо. Всегда одинаково. Если даже быстро. Или медленно. Или очень медленно. А если быстро и очень быстро, почти улетаая, то тоже очень тихо. В такой тишине, сопровождаемой несмолкающими громкими звуками плавания, они добрались до пролива, где дрейфовал китобоец, боясь слишком удалиться от берега.

Прощаясь с капитаном «Наяды», Чече крепко пожал мозолистую руку и спросил больше для профформы:

— Куда теперь подадитесь?

— Подумываю пенсионерить в море.

— Это то есть как?

— Теперь появились такие пираты-попрошайки. Промышляют вблизи белых пароходов. Те им богоугодно скидывают снесь и прочие припасы на бедность. Выгодно и не зазорно. Главное границ по договору не нарушать, а то коллеги обидятся и потопят.

— И договор о границах уже есть?

— А то как же? Я задекларировал здешние воды вплоть до тридцатого меридиана. Так что о нас не беспокойтесь. Ежели что, телефонируйте, прибудем.

Китобойное судно было не столь густо заселено, как показалось со стороны. Кроме команды, всего-то полтора десятка больных, санитар и опытный психиатр. Ступив на мостик и оценив преданные взоры встречающих, новые владельцы молниеносно и без лишних слов решили проявить великодушие и оставить на судне всех: и амбала-гарпунера, и больных вкупе с медперсоналом, и щуплого радиста. Все члены команды были одновременно пациентами врача из-за психических расстройств после загадочного исчезновения и не менее загадочного появления в треугольнике. Гарпунер, выполнявший также и роль капитана, был почти сплошь татуирован. Разглядывать его можно было неделями. Только никто не рисковал. Прежде чем принять лекарство, он страшно тарашился.

Санитар тоже принимал. Но что именно, держал в секрете даже от психиатра. Хотя они были неразлучны, вместе беседовали с больными, вместе куховарили на камбузе за неимением кока.

Все это Чече узнал сразу же по прибытии на борт от немного взьерошенной девчонки из пациентов по прозвищу Юнга. Она сама себя так нарекла. И вовсе не из-за юности или приверженности к корабельной службе, а потому что мнила себя сексуальной и к тому же видела сновидения, описанные Карлом Густавом Юнгом в книжке, взятой ею у психиатра, но так и не возвращенной ему. Конечно, нахалка нисколько не была похожа на портрет автора в книжке. Впрочем, никто против такого псевдонима не возражал. Все вскоре напрочь забыли ее прежнее имя.

Еще на судне был дантист. Тоже из пациентов. Но с инструментами и ловкими руками, что, конечно, стало востребовано в плавании. В первый же вечер на «Циклопе» Айсмаус пожаловался на зубную боль. Пригласили дантиста, который при виде живой головы не преминул упасть в обморок. Но это не помешало ему позднее виртуозно запломбировать каналы крупного айсмаусовского моляра на веки вечные. Еще дантист заметил

разрушение зубной эмали и предположил неизбежность данного процесса в связи с очевидным недостатком кальция у головы. Чече пообещал попробовать чистить зубы Айсмауса экстрактом человеческой роговицы, чтобы они, подобно ей, начали питаться прямо из воздуха. Кранцеру их разговор показался очень забавным. Он широко ухмылялся и даже посвистывал.

Первым вопросом Айсмауса психиатру было:

— У вас здесь есть изобретатели?

— Есть, сколько угодно, — ответил вместо врача санитар, потирая руки.

— Давайте сюда. Возьмем на вес.

— На самом деле только один, — поправил санитар врач извиняющимся тоном. — Это наш самый старый во всех отношениях больной.

— Давайте же. Пригодится.

Изобретатель явился в кубрик с трогательной деликатностью. Сначала он постучал, потом постоял на пороге, долго вытирая ноги. И только после этого вошел. Свет из иллюминатора упал на него и перед всеми предстал щедедушный старичок с козлиной желтоватой бородкой. Он всем своим видом стеснялся: смотрел в сторону, заламывал руки, закусывал губу. И мычал, мычал что-то нечленораздельное.

Айсмаус сходу взял быка за рога:

— Ты что изобрел?

— М-м-м... Многое.

— Главное-то что?

— Что значит главное? Я не вполне понимаю... — Старик сильно съежился, явно мечтая поскорее закончить разговор с говорящей головой.

— Дак он одно изобрел, — подсказал санитар. — Всю плешь проел своим этим... Забыл название. Говори, что изобрел, кретин! Живо!

Санитар пнул старичка.

— У меня сердце болит. Артрит у меня. Артрит сердца. И почек, — бесстрастно сообщил изобретатель и энергично поче-

сал крючковатым пальцем в ухе. А затем безо всякого перехода сказал: — Движитель универсальный безопорный. Для него тоже подойдет. — Он ткнул тем же крючковатым пальцем в Кранцера. — Для него в наивысшей степени.

— Только я не согласен, чтобы моим движителем управлял кто-то посторонний, — предупредил Айсмаус.

Чече хмыкнул и обиделся.

— Никто не нужен. Малейшего движения ушей или губ будет достаточно, чтобы взмыть в небеса. — Глаза старичка заблестели. — Но придется обходиться без мимики. Она же будет прочно связана с полетом. Понял, колобок?

— Мне сильно хочется тебя убить, дед! И я могу это сделать, — процедил сквозь зубы Айсмаус.

— Оскорбился? Зря. — Старик зевнул. Он необычайно разговорился, что его несколько утомило. — Колобки не оскорбляются. Они уходят. От всех на свете. Помнишь? А каким образом они это делают, сказка умалчивает. Зато знаю я. Тебе же не хочется кататься по палубам мира твоей интеллигентной рожей? Тогда молись на меня, колобок. Будешь свободен.

Старик улегся прямо на палубные доски, вытянулся и ментально захрапел.

Санитар махнул рукой:

— Все, амба, аудиенция закончена.

Он сгреб спящего и вынес из кубрика.

* * *

Уже заканчивался девятый месяц той невероятной осени, когда все в природе пошло наперекосяк. Зима не наступала. Зима, похоже, была необратимо мертва. О смерти зимы толковали каждый день. Чече утверждал, что зима придет рано или поздно, хоть на час, но придет: завоюет, завьюжит, заморозит. Айсмаус сеял скепсис и порывался заключать пари об абсолютной невозможности пришествия зимы.

Мир окончательно запутался в ужасающей приторной осени, растопившей невыпавший снег и незастывший лед. Авто-

клавное тепло катастрофически отнимало способность пугаться катастроф. Все исподволь искали забытый во вчерашнем дне воздух и затерявшийся свободный вздох во всю грудь, слушали железные запахи моря. А море, вздымая свои бархатистые лапы, урчало так редко, что могло показаться — оно тоже умерло и, застуденившись, окоченело. Море синело, теряя зелень и надежду. Цианоз моря не мог не убаюкивать. Но это была отнюдь не зима, а оттепель. Оттепель после оттепели.

— Я чувствую себя совсем голым перед этой голой осенью, в сущности — даже вылезшим из собственной кожи, — бубнил Айсмаус.

— Стриптиз какой-то, — бездумно поддакивал Чече, вперившись в оглушительную бирюзовую даль иллюминатора.

Впрочем, все это было не принципиально. Все это говорили ради ожидания. Чтобы скрасить и скоротать.

Ждали результатов эксперимента Старика-изобретателя, который самозабвенно колдовал над латунным круглым кофейным подносом, снабженным двойным дном и тремя тонкими проводками, торчащими из дырочки в самом центре. Поднос то носился обезумевшей летающей тарелкой по кают-компанию, то лежал неподвижно камнем. Старик в такие моменты злобно чертыхался и неопрятно плевал на поднос. Подгонять его было совершенно бесполезно. Оставалось просто ждать.

Дождались. Настал день, ясный и теплый, когда Старик притащил поднос и с земным поклоном протянул его Чече.

— Теперя подсоединить к нерву, и всё!

— И всё? — не поверил Чече.

— Ну.. Может.. Я...

— Ладно. Надо пробовать, — предложил Айсмаус, сдерживая нетерпение.

Старик с помощью Чече (или наоборот — они толкались и переругивались) произвел малую операцию. Они вшили проводки в остаток спинного мозга Айсмауса. Оставалось закрепить голову на подносе и — вуаля! — летай на здоровье. Айсмаус хихикал от щекотки. Наконец все удалось, и голова взлетела

под подволок. Стукнулась о переборку, отскочила вправо, стукнулась о противоположную переборку, перевернулась вниз макушкой и шмякнулась на кресло. Старик с охами и вздохами схватил голову и поставил на стол.

— Замри! Теперь медленно прикрой правый глаз, за ним — осторожненько — левый. Пошел вверх. Приоткрой медленно рот, чтобы выше... Так, получается.

— Нужно тренироваться, — резюмировал Чече, страхуя плывущий по воздуху поднос с Айсмаусом обеими руками.

— Только оставляй эмоции при себе, колобок. Вздумаешь сделать радостное лицо — вляпаешься снова мордой в потолок, — предупредил Старик, внезапно погрузился и оставил тренировки на попечение Черного Человека.

— Как же быстро теряет автор интерес к своему детищу, — заметил Айсмаус, стараясь не шевелить губами. — Бьюсь об заклад, он больше не появится на тренировках.

Чече только пожал плечами.

...Как только Айсмаус освоил воздухоплавание вдоль и поперек, Старик заметно сдал: посинел и замкнулся. Сидел в углу на корточках и вздрагивал от малейшего звука или резкого движения. А как-то поутру выполз на верхнюю палубу, стал хватать ртом воздух, прозрачно поглубел и упал замертво.

— Чече! Чече! Околел наш старикашка, — загундосил Кранцер, кружа над окаменелым лицом Старика. — Отрежь ему голову! Быстро! Отрежь, говорю! Спаси!

— Ни черта не выйдет. Видишь, какой он лиловый — кровь свернулась. Поздно...

— И-и-и, — тоненько запищал Айсмаус, что означало отчаянье и скорбь.

Он подлетел к телу и, рискуя отскочить далеко в море, страстно чмокнул Старика в холодеющий лоб.

* * *

Раскаянье Черного Человека в собственном махровом трансгуманизме не имело границ. Стоило Кранцеру залихват-

ски упорхнуть на мгновение, соратник начинал сокрушаться и тревожиться. Совсем как кудахтающая мамаша.

На ночь Чече фиксировал поднос с Айсмаусом на тумбе при помощи двух свинцовых болванок, ранее подпиравших двери камбуза. К данной уловке приходилось прибегать на всякий случай. Ведь во сне Кранцер мог невзначай скорчить рожу или поморщиться. И — прощай покой и сон. Пришлось бы ловить голову в неизвестном направлении. Как тогда, вскоре после кончины Старика: Кранцер не находил себе места, метался по каюте с перекошенным лицом. Оттого и летал боком и криво. В итоге выпорхнул в распахнутый иллюминатор, «не справился с управлением» и занырнул в море на целый час.

Спасла Черного Человека безоговорочно и всецело преданная Юнга. Она не могла долго взирать на своего плачущего Черного бога, в сердцах бодающего переборку капитанской каюты.

— Что же ты так убиваешься? Достанем мы его, — пообещала она тихо и прыгнула солдатиком за борт.

— Не бойсь, — успокоил Санитар, налаживая снасти для рыбной ловли. — Она у нас плавает лучше всех. Хотя и наглухо пришибленная.

— Будто здесь другие есть, — проворчал Психиатр, проходивший мимо.

Чече носился вдоль леера левого борта, бормотал молитвы и периодически всплескивал руками. Команда не обращала на него ни малейшего внимания. А он всматривался вдаль, чтобы заметить плывущую Юнгу или Айсмауса.

— Подсматриваешь за купальщицами, бесстыдник? — рявкнул ему на ухо Айсмаус, подлетевший сзади.

Чече от неожиданности рухнул на палубу. Он молча пожирал глазами фыркающую летающую голову, с которой струями стекала морская вода.

Санитар оставил снасти, встал с бухты троса и, сложив из ладоней рупор, крикнул:

— Юнга-а! Вернись!

И добавил осуждающе:

— Вот потонет она из-за вашего психоза на двоих... Ну-ка слетай, голуба, позови ее назад. Только не ныряй, не то Чече придется укол сделать, а доктор этого не любит. Он все норовит психоанализ внедрять вместо зуботычин и душеисцеляющие беседы вместо нейролептиков.

— Ладно, не буду нырять. Я чуть не захлебнулся в море свободы, — хихикнул Айсмаус, отчего сильно дернулся в сторону. Чече болезненно вздрогнул, глядя на него снизу вверх.

Но слетать на поиски Юнги Айсмаус не успел. Она неожиданно выбралась на палубу, мокрая, но счастливая.

— Теперь одежду стирать не нужно. И душ принимать тоже. Все откисло в рапе океана. Терпеть не могу шастать по судну голяком в банные дни, — объяснила она, протягивая руку Чече, чтобы помочь ему подняться на ноги.

— Мечтаю стать водолазом, — доверилась она ему вполголоса. — Говорят, их услуги сейчас в большом дефиците. Из-за потопа.

— У водолаза кровь должна кессоново кипеть от жажды быть утопленным с почестями, — вмешался планирующий рядом Айсмаус. — А ты не годишься, слишком восторженная! Играй на расческе, у тебя здорово получается, — резюмировал он добродушно.

Юнга не обиделась. Она достала из глубокого кармана гребешок. И вместо того, чтобы расчесать им спутавшиеся волосы, приложила к губам и подула. Двигая зубчатый ряд расчески вдоль губ, она извлекала из нее дребезжащий жалостливый звук, мелодию зудящего звона в голове после попойки. Чече слушал, как зачарованный.

* * *

Капитана-гарпунера все называли Модестом. И это было его настоящее имя, данное повитухой, когда его мать-цыганка отдала богу душу при родах. Он обожал рассказывать историю своего рождения, как и прочие многочисленные выдумки о трудной судьбе морского волка. Его голос гремел и рокотал над

палубой в вечерние часы, а слушатели сонно поддакивали или восхищенно цокали языками, чтобы не раздражать командира. Правда, в кубрике шушукались о его выраженном нарциссическом расстройстве личности.

И только Айсмаус осмеливался подтрунивать над татуированным верзилкой. Ему сходило с рук. Модест лишь отмахивался от него, как от назойливой мухи.

Дрейфовали неподалеку от южного побережья полуострова уже второй месяц, а потому посиделки команды на юте были обычным делом. И настраивали на благодушный лад.

Не успевали они оглянуться, как солнце падало в горизонт, как готовая отдаться женщина в постель. По небу рассыпались золотые волосы, завиваясь в локоны облаков. Чече смотрел на все это великолепиие и вздыхал. Остальные были слепы. Они отправлялись на ужин, как в военный поход. И возвращались подобревшие с победой и полными животами. Располагались на видавших виды рваных матрасах, чтобы дремать до самого отбоя. Айсмаус взывал к ним: «Привет вам, не вполне одомашненные, ненужные и обреченные существа!» Но они не реагировали, только позевывали и почесывались в него.

Чече не мог долго смотреть на повальную прокрастинацию и обычно после ужина сидел в каюте, заноса в свой журнал каждый чих и взгляд Айсмауса, а также прочие впечатления. Как-то он записал: «В иллюминатор влетела оса. Почти живая. Ветер ее, что ли, принес? Вместе со снежинкой, одной из немногих, пролетавших транзитом на запад. Она сразу растаяла, а оса околела. Теплынь. Длится странный февраль».

А Модест каждые четверть часа тормошил дремлющего радиста Ямайчика на предмет новостей в эфире. Радист отрешенно затягивал песню о Ямайке, беспрестанно дергая себя за жиденькую бородку, как доярка за коровью сиську. Санитар считал его навязчивое пение маниакальным проявлением, о чем вечно спорил с психиатром. Доктор же был убежден в почти маниакальной хитрости Ямайчика, лодыря и симулянта.

Налетавшегося вдоволь и наслушавшегося вокализов ради-ста и вдобавок Модестовых сказаний Айсмауса тянуло порой на философию с психологией.

— Когда люди видят в тебе одну только голову, ожидания их безмерны, — глубокомысленно заявил он как-то, зависнув над столом.

— Расшифруй, — попросил Чече.

— Суди сам: чего требовать от вполне цельного индивида, к примеру, невзначай заправившего брюки в носки или, того проще, пиджак в трусы? Я же напрочь лишен подобных невинных, но упоительных возможностей. Зато голова моя всегда безапелляционно и незащищенно явлена. Бедный я, бедный...

Кранцер удерживал свою непоколебимую воздушную позицию с помощью неимоверно поднятых бровей, в связи с чем на лице его застыло абсолютное удивление.

— Не заморачивайся, летай! — посоветовал Чече со вздохом светлой зависти. — К тому же чем меньше тела, тем меньше поводов для стыда.

— Хе-хех, — удивился Айсмаус и спустился в самый центр стола, прицелившись бровями.

Чече и Айсмаус долгоныко молчали, мрачно глядя друг другу в глаза. Первым сдался Чече.

— Любая игра бессмысленна без завершения. Придадим же нашим гляделкам смысл, — отвел он взгляд.

— Правда. Еще любая игра бессмысленна без победителя. Сейчас убедительную победу одержал великий и ужасный Айсмаус Кранцер! — торжественно возвестил Айсмаус.

— Брось ерничать. Лучше скажи, что нам делать дальше. Невозможно же так прозябать. Потоп все-таки, понимать надо.

— С потопом нельзя не считаться. Однако он скоро пойдет на убыль. Впрочем, я это уже говорил не раз. Только ты меня не слушаешь, не воспринимаешь всерьез. Странно, я ведь отчасти твоё творение.

— Что же делать?

— Вкушать счастье по мере его продукции, смаковать каждую его молекулу. А если серьезно, собирать команду магов.

— Хватил! Где их взять?

— А на что нам этот орущий песни Ямайчик? Радист он или не радист? Пускай дает объявления. Хоть один претендент да клюнет.

— Наверняка какой-нибудь шарлатан.

— Не исключено. Но запланированное мировое господство достойно неисчислимого множества проб и ошибок. Текст в эфире нужен примерно такого содержания: «Плавучий цирк чревовещателей и чародеев ищет ведьму или колдунью, лучше потомственную». Скоро, совсем скоро после этого полугодовалого перезрелого во всех отношениях сентября нахлынет веселый март, сырой и хрустящий. Всё изменится. Станет интересно, обещаю!

Айсмаус обстоятельно растянул губы в самодовольной улыбке, посредством которой аккуратно вознесся к подволоку.

Воображение Чече уже рисовало длинную очередь из колоритных личностей — мастеров мистического ремесла, но...

Глава 2

ЖЕЛАЮ ЛЕГКОКРЫЛОЙ СМЕРТИ

...но к трапу ковчега в назначенный час добралась на легкой джонке лишь молодая женщина. Одинокая, с пустыми руками, скрещенными на груди.

Нужно сказать, что никто так и не понял, каким образом невесомая джонка оказалась в открытом море у дрейфующего «Циклопа». Хорошо, что данный вопрос не посетил ни одну бедовую голову на скучающем судне. Потому что совершенно не понятно, какой ответ поимел бы место.

Кстати, иного свойства вопросов прибывшей тоже никто не задавал. Все открыли рты, разглядывая ее во все глаза с видом умалишенных, что вполне соответствовало статусу и диагнозам.

В резюме, присланном заранее, значилась квалификация: цыганка-ворожка. Правда, из цыганского в ее строгом облике были только черные длинные косы да золотые серьги, совершенно не вяжущиеся с весьма деловым нарядом. Она легко взобралась на палубу с балетками в руке. Но надевать их на босые ноги не спешила, словно собираясь прощупать все шероховатости досок палубного настила своими розовыми пятками.

— Желаю всем легкокрылой смерти, — произнесла она хрипловато.

По толпе встречающих понесся легкий ропот. Айсмаус поднялся над их головами и любезно ответил:

— Что толку? Со мной уже случалось. Не желаю больше. И не уговаривайте.

— Вы изволите быть недовольны, что остались в мире живых? — процедил, надувшись, Чече.

Модест нахмурился, Ямайчик тихонько затынул песню, предварительно подоив свою бородку. Юнга пригладила космы непослушных волос и гордо воззрилась на пришлицу. Осталь-

ные тоже были готовы высказать суждения о чем угодно в разных формах.

Дабы пресечь назревающий галдеж и перебранку, гостья шагнула вперед и подняла руку:

— Легкокрылой, но не сиюминутной, — пояснила она с грустью неверно понятой.

Все моментально успокоились. Даже Модест перестал бычиться и ухмыльнулся. Наверняка вспомнил, что в его жилах тоже течет цыганская вольная кровь.

— Зовите меня Агата. Хотя это, конечно, псевдоним. Но мне нравится. К тому же мои сны всегда плотные и мглистые, подобно черному агату. Кто-нибудь возражает? — Гостья обвела спокойным взглядом присутствующих. — Кто творец этого чуда? — Она кивнула на парящего в вышине Айсмауса.

— Можете иметь дело со мной, — буркнул Чече, глядя исподлобья.

— Твое самое сокровенное желание! — Голос Агаты грянул точно с небес.

Толпа содрогнулась и рассыпалась в разные стороны. Палуба вмиг опустела. Один Чече не шевельнулся.

— Хочу продолжать свои опыты, — напрягся бывший патологоанатом, отвечая Агате.

— На крысах или морских свинках?

— На людях. Вот скоро, наверное, представится наш дантист, и тогда...

— Думаешь, пришло его время?

— Разумеется. Он уже неделю в кататонии. И зубы давно всем вылечил. И даже модные фиксы вставил капитану, чтобы блестело. По всему видно, что ему — амба.

— Люди — не для забавы. Шутки — в сторону. Так кого предпочитаешь — крыс или свинок?

— Крыс.

— Потому что мы в море?

— При чем тут море?

— Крысы к морю имеют большее отношение, чем морские свинки.

— Нет, просто у крыс есть характер. С ними интереснее.

— Правда твоя. Крысы из тех, кто ест, а свинки из тех, кого едят. Я бы тоже выбрала крыс. Здесь неподалеку дрейфует старый бриг, почти корабль-призрак. Там большая крысиная популяция.

— Чем же они питаются?

— Святая целесообразность каннибализма. Но по счастью, плодятся они даже быстрее, чем жрут.

— Все-таки и крысы едят...

— Только сами крысы. Могу добыть по благу, — предложила Агата медоточиво.

— На джонке? — скептически спросил Чече.

— На чем? Какая же джонка в открытом море? Никому не говори о своих фантазиях. На смех подымут.

Под бортом китобойца было пусто. Джонка испарилась, но ее отражение в воде дрожало еще несколько мгновений.

— Как же тогда ты?..

— Да мало ли как... Бермудский синдром.

Агата бесцеремонно рассматривала Чече.

— Куда делась лодка? — объявился Айсмаус. — Добро просто сквозь пальцы убывает. Так и целый пароход недолго прошелкать.

Но ему никто не ответил. Агата и Чече продолжали изучать друг друга. Она — с насмешкой, он — несколько настороженно.

После получаса взаимного созерцания Агата выудила откуда-то из-под складок широкого палантина две трубки: маленькую и побольше. Маленькую она закурила, пуская дым через нервные ноздри. Айсмаус в зависти кружил над ее головой, ловя ртом клубы дыма и петляя среди его тающих серых колец.

— Большую трубку в качестве трубки мира подарю вашему капитану. Чтобы расслабился.

— Это как раз то, чего ему не хватало, — заметил в упоении Айсмаус.

— Свою-то он потерял еще когда охотился на китов, — кивнула Агата, прищурившись.

— Откуда тебе известны подробности жизни Модеста? — тоже прищурился Чече.

— Цыганская почта донесла. Он ведь тоже наш, из ромов.

— И все-таки я в недоумении, как тебе удалось так быстро откликнуться на наше объявление?

— Какое объявление?

— Которое дал Ямайчик в эфир.

— Ничего он не давал. Забыл, наверное, придурок полоумный.

— Каким же образом ты предугадала? — Чече сжал кулаки и стиснул зубы до желваков, как делал всегда, если чего-то решительно не понимал.

— Спокойно, коллега. Имеет место путаница хроноса. Повсеместная. Совершенно невозможно определить, что происходит раньше, а что позже. Фантазмы в самом общечеловеческом смысле. Равно как и хроникальные пароксизмы. Спроси хоть у любого запойного алкоголика. Каждый скажет, что сначала наступает похмелье, и только потом опьянение. Многие, кстати, на этой сакральной почве пить — взяли, да и бросили.

— Конечно! Кому ж приятны такие циничные перестановочки! Достоинно соболезнований, — взвизгнул Айсмаус.

— Поговаривают даже о вирусной природе данных явлений. Якобы континуумы сплошь поражены.

— Чушь! — фыркнул Чече. — Абсолютно ненаучное утверждение.

— А вот и не чушь! Сам жаловался, что видишь по ночам меня, когда я еще был человеком, а не головой.

— Не ври. Я жаловался, что ты являешься мне во сне. — Чече смутился. — Пойду дам подзатыльник Ямайчику.

— Не ходи. Цель достигнута — я уже здесь. Нужна колдунья, возьмите меня. Да и мне нравится компания, такой во всем мировом океане не сыскать. Чего же еще? — ласково улыбнулась Агата, сверкнув хрусталиками зрачков.

— Опасаешься конкуренции?

— Нет, не опасаюсь. Все равно настоящие маги теперь не догадываются, на что способны. А самозванцы колеблют сферы в

тупом экстазе коммуникации. Не удивительно, что мир расколдован. Хорошая идея — попробовать его заново заколдовать.

— Идея не моя, — поспешил откреститься Чече.

— Знаю. Идея принадлежит тем ожившим мощам, что летают сейчас над морем. Да, он явно — голова! — Агата жемчужно рассмеялась и доверительно приобняла Чече. — Мы втроем можем давать сеансы прорицаний и престижиджитаций, слоняясь по мегаполисам. Там все еще имеются базары, театры, цирки и прочая ерунда. А можем возродить чудовищ коллективного бессознательного, что лично меня прельщает гораздо сильнее.

— Каких чудовищ? — опешил Чече.

— Могу ли я называть тебя просто Че? Звучит смачно и мускулисто, как брань. А брань всегда переполнена символами. Это может нам изрядно помочь.

— В возрождении чудовищ? — Чече с трудом отыскал в себе силы иронизировать.

* * *

Бирюзовая даль надолго приковывала к себе взгляд Агаты, простаивающей часами у борта «Циклопа». Чече не покидало мрачное настроение. Он, нахохлившись, наблюдал за ней со стороны. Она знала о его присутствии, но заговаривала редко, словно уважая чужое одиночество.

Чече все думал, почему безоговорочно согласился оставить цыганку на китобойце. И не мог понять этого, хоть убей. Сначала ему казалось, что на таком решении настоял Айсмаус. Но стоило только припомнить недавние события, как становилось ясно: Кранцер ни на чем таком не настаивал. Впрочем, в присутствии Агаты голова заметно повеселела и даже почти оставила свои обычные капризы. Айсмаус летал над водной гладью вокруг судна и распевал на все лады «La mar! La mar!», любовно называя море в женском роде. Так говорила Агата — на испанский манер.

Появление в небесах зловеще-радужного серпа гало на фоне выдохнутых океаном перистых облаков означало наступление поистине страдных дней. Модест заставил Юнгу удить

наживку для большой рыбалки. Ведь провиант неумолимо таял. Да тут еще Агата отринула свое созерцание (словно только и ждала возникновения спектра на горизонте) и принялась колдовать, запершись в каюте с Айсмаусом, который пребывал в абсолютном восторге.

Чече не был допущен. Для его душевного равновесия на судно были доставлены десятки лабораторных крыс в стальных клетках с поилками и кормушками. Способ доставки остался неизвестным. (Хотя позднее на «Циклопе» шептались, что среди ночи мимо проплывало порожнее каноэ.) Поутру клетки были найдены на палубе, что обескураживало. Тем не менее теперь бывший патологоанатом мог продолжать свои эксперименты. Он отсекал крысам головы и оживлял их. Отсекал и оживлял. А окоченевшие тушки вышвыривал в иллюминатор на поживу акулам. Вскоре от крысиного поголовья остались лишь бусиноголазые и нюхающие воздух головы, выстроенные в ряд на столе. Размышляя, Черный Человек двигал их, как шахматные фигуры, по ему одному известным правилам. «Как же наиболее эффективно умертвить такую голову? — бормотал он себе под нос. — Не утопить. Не задушить. Не зарезать. Не вскрыть вены. Поможет только добрая черепно-мозговая травма, да и то...» Однако к исходу недели крысиные головки окочурились одна за другой. Тогда натуралист затосковал.

Чтобы отвлечь друга от скорбных мыслей, Айсмаус тайком начал рассказывать кое-что о своих посиделках с Агатой в каюте за запертой дверью:

— По большей части мы играем в гляделки — кто кого пересмотрит. Но мне удалось напугать ее изрядно. И, доложу тебе, было это нелегко.

— Что произошло?

— В какой-то момент, неотрывно глядя мне прямо в рожу, она увидела свое лицо, как в зеркале. Я бы сказал даже, что она предстала перед самой собой. Непростой случай. Тот случай, когда отражение болит. Будто ей самой голову только что отчекрыжили.

— Как ты это сотворил?

— Сие есть продукт проективной идентификации. Когда отражаются не только изображения, но и все остальное.

— Желания?

— Влечения. В том числе и самые страшные.

— Думаешь, она хочет умереть?

— Жаждет. Но не знает. И боится. В этом все дело. Ее сердце продолжает биться, когда в этом нет необходимости. Глупо! Эрос перебирает.

— А Танатос недожимает.. — затосковал еще больше Чече.

— Если бы дожимал, люди могли бы планировать собственную смерть. Просто уходить по собственному желанию. Удобно, не так ли?

— Хм, действительно удобно.

— А вместо этого кое-кто упражняется в оживлении отсеченных голов! Бедные крысы! И еще притом играет ими.

— В шашки. Невинная забава...

— Нет уж. В карром! Или нет! В чапаева! Видел я, как ты шелкал по ним, как швырял по столу. Бессердечный Черный Человек!

Они начинали привычно переругиваться. Чече легчало. И уже не так бредило душу безделье. Даже забавы общества переставали раздражать. А они-то как раз бывали весьма эпатажными в сложившихся издевательских обстоятельствах. Например, Модест выверено и методично зевал в мегафон, наблюдая при этом за окружающими. Те, разумеется, тоже начинали зевать напропалую. Правда, не так громко. (Чече подозревал, что позевывали все морские твари окрест, имеющие пасть.) Только Айсмаусу приходилось спешно ретироваться при виде мегафона в руках Модеста, дабы не заразиться зевотой, не разинуть рот и не быть заброшенным в стратосферу.

* * *

Удерживая равновесие в воздухе, Айсмаус потешно шурил правый глаз, словно прицеливаясь. Иначе его чересчур поднимало и прилепляло к подволоку каюты то щекой, то лбом, а то и носом. Это помогло быстро приноровиться контролировать

с помощью мимики свои движения. Но Чече порой казалось, что голова теряет адекватность реакций. Потому он предпочитал фиксировать Айсмауса на столе, когда нужно было поговорить. Впрочем, тогда голова начинала безудержно кривляться и болтать.

— Неба сегодня, однако, гораздо больше, чем моря. Серое, тяжелое, мутное. Протереть бы его мягкой тряпочкой — прояснить хоть как-то. Жаль, рук нет, а то я слетал бы!..

Потом он начинал дремать.

С некоторых пор к свиданиям Айсмауса с Агатой в каюте присоединялся и Чече. Они по большей части помалкивали, пока голова дремала на столе. Но иногда их тянуло на откровенность и философию.

— Очевидно, что современная наука замерла. Исследователи ушли в бессрочный отпуск, — говорила Агата, потягивая трубку. — Или возятся с мелкими задачами. Так может быть только в случае, если все великие открытия уже сделаны, осталось одно. Оно объяснит все загадки и тайны мироздания разом. Либо! Либо засекретит их на веки вечные.

— Что же это? Что? — волновался Чече.

— Для меня ясно, что оно метафизически связано с Айсмаусом. Иначе меня бы здесь не было.

— Опять какие-то мистификации, — морщился бывший патологоанатом.

— Что поделать, мысль ученого рано или поздно возносится к сакральному.

— Руки чешутся!

— Вижу, крысы тебя не удовлетворили, милый Че. Тщетны мои старания.

— Люди! Только люди! И только человеческие головы обладают некой автономной жизнеспособностью!

— И да, и нет. Скажи точнее: лишь одна. И эта голова — Айсмаус. Единственный и неповторимый.

— Эдак мы договоримся, что его не я создал, а он сам...

— Милейший Че, ты орудие, инструмент. Не более. Хотя и чрезвычайно тонкий.

— Обидно слышать. Хотя я и сам близок к такому выводу. Но все равно обидно.

— Не грусти. Это только иллюзия, что у человека есть воля. Нет... Нет... Лучше радуйся, что в нашем мире появилось место, где нет места смерти. Оно вот здесь, — она указала мундштуком трубки на макушку Айсмауса.

— Не могу не согласиться. Но одновременно Айсмаус — живое свидетельство смерти, которой не следует бояться. Не так ли?

— И, к тому же, свидетельство ущербности бытия. Ведь все кончено, предрешено, но это ровным счетом ничего не значит.

* * *

Невзирая на приобщение к бдениям в каюте, Чече прочно стоял на пути к окончательной потере себя. Шансы на спасение неповторимого эго таяли с каждым часом. Он уже ощущал противный тремор под ложечкой и напряженное вибрато голосов собеседников, предвкушал с некой отстраненностью свой грядущий внутренний взрыв, зреющий, разбухающий, наливающийся сукровицей и гноем. Нужно было, срочно нужно было что-то предпринять, остановить, ослабить, вскрыть, вычистить. Он лихорадочно перебирал в уме варианты действий. Даже когда говорил с Агатой на отвлеченные темы, перебирал. Ставил всё на самый отчаянный план, отметал его и придумывал другой, не менее гениальный, заведомо проигрышный. Да, ему здорово зудело перевоплотиться, стать снова и наконец кем-то. Ну хоть охрометь, как лорд, мать его, Байрон! Что-то в подобном роде придало бы ему веса, смысла, самости и еще черт знает чего важного, ценного, обосновывающего.

И хромота не заставила себя долго ждать!

В один из наступивших желанных страдных дней командой «Циклопа» была удачно загарпунена огромная тугобокая синая рыба. Съедобная, но только условно, о чем честно предупредил добросовестный психиатр. Однако всем было плевать. Уплетали за обе щеки. Жарили рыбе мясо на колченогом же-

лезном мангале прямо на палубе и первобытно лопали. Юнга устроила голые туземные танцы вокруг полуразделанной туши. Остальные возбужденно разговаривали, совсем не слушая друг друга. Было похоже на хор певцов-самозванцев. Айсмаус предусмотрительно завис над Агатой, которая безмолвно взидала на народ и внимала какофонии. А препарированная со спины рыба продолжала трепыхаться и судорожно махать большим хвостом. Под один из таких неожиданных взмахов угодил Чече своей голенью. Рыба сбила его с ног, и он покатился к левому борту.

Он лежал навзничь, голень сильно болела. На окружающих падение не произвело ни малейшего впечатления. Они продолжали самозабвенно галдеть и чавкать. Агата склонилась над ним и холодно произнесла:

— Не беспокойся. Вот ты и охромел. Тебе понравится. Пригодится импозантная трость. Ее привезут сегодня ночью на утомленной тихоходной гондоле, которая отправилась в путь два солнечных дня назад. В полночь мы услышим тоскливую песнь гондольера. Как видишь, я осведомлена о будущем.

— А что насчет прошлого? — съязвил Чече, безуспешно попытавшись подняться.

Его отнесли в каюту, наложили жесткую повязку на ногу, накормили полусырой рыбой. Затем оставили лежать. И все это без тени сочувствия. Приподнятое настроение команды по случаю удачной рыбалки не портилось. И если бы не амбивалентность Айсмауса, лежать бы Чече в одиночестве. Голова откровенно злорадствовала:

— Почувствуй, почувствуй, каково было мне, недвижимому. Хоть в малой степени почувствуй на собственной шкуре!

Но, с другой стороны, Кранцеру было жаль болящего. Жалел он товарища. Но это не точно. Во всяком случае, цокал языком и давал советы, как избежать последствий досадной травмы:

— Лучше не вставать. Не то можно и без ноги остаться. А это будет печально. Будешь ковылять на деревяшке, как старый пират.

Что это, если не жалость?

А увесистую, но элегантную трость доставили действительно среди ночи. Ее нашел неутомимый санитар с восходом на палубе. Она была из красного дерева с латунными инкрустациями. Рукоять в виде головы моржа с раскрытой клыкастой пастью была искусно вырезана из зуба кашалота. (Сперва Чече подумал о слоновой кости, но Агата даже обиделась немного. И правда, как можно спутать зуб кашалота с костью?)

* * *

Волны неустанно рыхлили-вспахивали море, а луна вопреки всему старательно зализывала его до блеска, до появления желтой дорожки, как пробора на необъятном челе. Агата забыла где-то свою трубку, но и дышала она, словно курила, — со вкусом и удовольствием, пробуя воздух на мздру. А в воздухе пахло сушей, суетой сует и победной бедой. С такими запахами путь у «Циклопа» намечался один — в ближайшую бухту. Тем более, что рыбу обглодали, скелет высушили для зоологического музея, а опреснитель воды сломался. К тому же заканчивались перловка, манка и соль. И последняя черная курица, жилистая и гордая, ринулась вдруг камнем с кормы, забила крыльями, поднялась на какие-то пол-локтя и канула в воду, даже не вспенив ничуть. Пучина, как говорится, поглотила ея. Теперь о таком деликатесе, как яичница, можно было забыть. Самоубийство курицы оплакали всем коллективом. Особенно был безутешен Модест. Теперь его мегафонная зевота перемешалась звуками, слегка напоминавшими всхлипы.

Небо к вечеру карантинно воспалилось, когда собрался большой совет на баке. Участвовали все, даже малознакомого для большинства буйного в смирительной рубашке, содержащегося где-то в трюме, вывели, правда, предварительно заклеив рот скотчем, чтоб своими воплями не мешал совещаться.

— Эфир полнится разговорами о распространяющейся эпидемии, — сообщил угрюмо Модест. — После падения метеорита.

— Какого такого метеорита? И какая такая эпидемия? — запричитал оскорбленный собственным неведением народ.

Радист с Модестом переглянулись.

— Ты что, не говорил? — шепнул соратнику капитан, декадентски ухватив себя за лысый иссиня-татуированный череп.

— Оно им надо? — пожал плечами Ямайчик.

— Поразительная беспечность! — возмутился санитар.

Айсмаус мотался над палубой туда-сюда, не находя нужной концепции поведения. Чече неподвижно стоял поодаль, опершись на свой моржеголовый посох. Агата сидела по-турецки у самого леера и спокойно посасывала нашедшуюся трубку в ожидании паузы.

— Метеорит был совсем маленький. Он отшиб башку одному землепашцу. С него все и началось, — успокоил радист товарищей.

— Что конкретно началось? И башку совсем что ли отшиб или частично? Насмерть? Один ли был метеорит? И доподлинно ли известно, что это был метеорит, а не просто саданули буближником? — Совет снова разволновался.

Буйный истерически мычал, пуская слюни поверх скотча. Психиатр недовольно скривился и махнул санитару, чтоб отвести больного восвояси. Толку-то, дескать, от него...

— Не о том сейчас речь! — гаркнул Модест. — Провиант на исходе, вода тоже. К берегу нам нужно.

— На берегу мор ширится, — вкрадчиво предостерег психиатр.

— Мор? Мор?! Как понять этот мор? — Опять поднялся шум пуще прежнего.

— Точно не могу сказать. Но таро показали, что ударенный камнем вдруг разгневался на местного мытаря и зарубил его топором, — пояснила Агата.

Чече взглянул на нее с сомнением и потайным страхом.

— Не смотри на меня так. Тебе тоже известно, — бросила ему Агата.

Все взоры обратились к ним. Совет молчал. Молчал долго. Некоторое время слышалось лишь довольное мурлыканье Айсмауса и крики чаек за кормой.

— Короче, дело к ночи, — подытожила Агата. — Предлагаю пристать в ближайшей гавани. А это остров.

— Полуостров, — поправил ее Модест, задрав раздвоенный подбородок.

— Теперь остров. Он откололся от материка, как только ударил метеорит. Его будет легко найти — там есть старый маяк. И над ним по ночам кружат стаи хищных кажанов. Они страдают от новоявленной морской болезни и потому мечутся над своим уплывшим домом.

Совет громко дышал. Никто не формулировал больше бесполезных вопросов. Отрывочность и скудность сведений ввергла многих в моментальное обострение душевных расстройств. Кое-кто плакал, кое-кто лихорадочно хихикал. Но в целом настроение оставляло желать лучшего.

Глава 3

МАЯК, МОР И МАЙОТЕНЫ

По счастью, ничейный остров был найден в кратчайшие сроки. Мастерство Модеста в судовождении дало о себе знать, невзирая на очевидность генных мутаций и форменную картинную галерею на коже. Однако ключевую роль в виртуозном прокладывании курса сыграли, возможно, нашептывания Агаты ему на ухо во время корпения над картами, компасами и астролябиями.

— Удивительный остров. Там все дороги ведут к морю, — твердила она. — Но самое удивительное, что это не совсем остров. В противном случае это не было бы так уж удивительно. Ведь на островах всегда дороги ведут к морю. Куда ни кинь. А тут... Впрочем, зачем вообще дороги, если они к морю не ведут? Не правда ли, Модест?

Модест соглашался или возражал молча, сопя и грызя карандаш.

Якорь бросили около полуночи. Бухта до краев была наполнена лунными бликами. Берег темнел обрывами. Оттуда доносилось что-то вроде хора мерцающих цикад и хлопанья чьих-то перепончатых крыльев. Карликовой птицы Рух или незадачливых птеродактилей. Хотя скорее это были стаи летучих мышей разной степени кровожадности.

На «Циклопе» отправились спать. Видать, притомились на почве волнений относительно собственного жизнеобеспечения. Одна Агата торчала на палубе, напевая симфонию Баха и пуская седой дым через ноздри. В своем сне наяву она видела созвездие Кита и сильно боялась, что, грешным делом, станет счастливой на этом острове. А потом по воде шли круги. Окайнные и неприкайнные. И казалось, не будет им конца.

...На берег высаживаться собрались ближе к полудню. Никто не торопился, все даже оттягивали момент спуска шлюпки

на воду. Потом хватились — а шлюпки-то и нет. Впрочем, скорее всего, и не было никогда.

— Слишком много воды. Вброд не пройти, — грустно заметил Айсмаус, зависая над Модестом.

— Кто бы говорил! К тому же, человеку всегда требуется много воды, — угрюмо пробасил капитан-гарпунер, явно не склонный к обстоятельным беседам.

— Зачем это? Ну мне нужна ванна, желательнее пару раз в день. А другим на кой?

— Человек родом из воды. Вот на кой.

— Океан — околуплодные воды подлунного мира, — сказала Агата так тихо, что у Айсмауса возникло желание переспросить, но в этот момент бдительный санитар возвестил о приближении к китобойцу пустой пироги.

Палуба загалдела о пролонгации бермудского синдрома. Суждения высказывались разные: от утонувшего рыбака-аборигена до материализации желаний почтенной колдуньи Агаты. Однако все эти вымыслы и мнения никого не взволновали по-настоящему. Поболтали и разошлись, думая о грядущем обеде и крепчающем зное.

— Че, зови Айсмауса и попробуем высадиться, — предложила Агата безапелляционным тоном.

— Что тут пробовать? До берега рукой подать. Да и макушку уже припекает, — предупредил Кранцер.

Вот и пришел желто-горячий обморочный полдень. Похоже, что вместе с ним настало, навалилось, обрушилось сразу опостылевшее лето самой высшей меры. Губительное, казнящее лето, грозящее токсинами миазмов, фантастическим мором и уморительными фантазмами.

Солнце бесновалось напропалую. Чтобы Айсмаусу и впрямь не напекло в темя, Чече отрыл в дальнем уголке рюкзака скомканный хлопковый платок в блеклую клетку из прошлой жизни. Завязав по углам по узелку, соорудил панаму. Кранцер выглядел в ней вполне пьянственно, как сухопутный сантехник в законный обеденный перерыв.

Пирога слегка протекала — на ее дне плескалась зеленая от водорослей вода. Айсмаус выклянчил у Чече пенсне на нос, полетал над лодкой и заявил, что разглядел мальков или головастиков в этой почти тине. Потом он пустился в пространные рассуждения о причинах лодочного протекания и рыбьего размножения. Путешественники никоим образом не возражали ему. Они были слишком заняты. Чече сосредоточился на своем затрудненном хромоногим перемещении по веревочному трапу вниз по борту судна. Агата же что-то неразборчиво бормотала в задумчивости вплоть до берега. А Кранцер кайфовал, глядя на мир сквозь мутноватые линзы пенсне Черного Человека, которое никогда не доставалось ему в пользование так надолго. Причиной снятия ограничений по умолчанию была забывчивость Чече. Иначе бы он сразу же отнял старинную оптику по ряду поводов, например, дабы не подвергать риску зрение драгоценного гомункула. Чем строже был запрет, тем сильнее вожделем Айсмаус пенсне. Что так сильно привлекало его в ношении выпуклых стекол на переносице, оставалось тайной. Впрочем, Агата как-то сказала, что для головы этот атрибут отчасти может заменять одежду. Чече готов был согласиться с ней, но избегал подобных обсуждений, чтобы излишне не поощрять капризы головы. И без того от них бывало тошно всем окружающим.

Пустынный пляж, куда пристала пирога, вместе со слоистыми обрывами и скудной растительностью удивил подвижностью валунов. То, что некоторые камни обладают способностью передвигаться и даже расти, было известно Чече. Он читал об этом когда-то где-то. Но пребывал в уверенности, что данные процессы (роста и движения) происходят чрезвычайно медленно и потому незаметно невооруженному глазу. Увиденное одним махом опровергло все прежние убеждения. Камни ползали со скоростью и упорством улиток-марафонцев, лениво ворочались, шуруша и подминая под себя песок и ракушки.

Айсмаус пришел от каменных обитателей пляжа в восторг и не мог сдержать возгласов, насколько восхищенных, настолько и нечленораздельных. Одна Агата молча остановилась у кром-

ки прибоя, подобрав мокрые юбки, переминаясь с ноги на ногу и чавкая шлепанцами в мокром песке. На лице ее, однако, было весьма обескураженное выражение.

— Гиблое местечко, — буркнула она.

— Напротив, дорогуша, тут все воодушевляет, — пропел дискантом Айсмаус.

— Во всяком случае эти взбесившиеся трованты наводят на мысли... — отозвался Чече, почесав в затылке.

* * *

Осторожно обходя копошащиеся под ногами трованты, Агата, а за ней и Чече, пересекли пляж и достигли ветхой деревянной лестницы, ведущей наверх, на край обрыва, к одинокому дереву, предположительно дикой маслине. Породу легко было определить по седине и утонченности листвы. Айсмауса, правда, вообще не интересовала местная флора. Пока хромоногий Чече с проявившей вдруг заботу Агатой (она время от времени поддерживала его под локоток) преодолевали крутой подъем по шатким ступеням, он раз пять слетал на разведку и возвестил, что до старого маяка вовсе не так далеко, как можно было предположить.

Когда грохот прибоя и камни-кочевники остались далеко внизу, путникам открылась новая картина. Следует признать, что из живописного в ней имелись только проплывающие в вышине облака в виде аппетитных поросят, куропаток, рыбин и прочей банкетной снеди, появляющейся прежде всего в изголодавшемся воображении Чече.

Остальное же в пейзаже было до ужаса затрапезным: обозримый участок степи — пожухлым, а маяк вместо радости от романтического образа будил чувство отвращения при мысли о вынужденном пребывании в его полуразрушенных стенах. Приближение к маяку позитива не добавляло — взору открывались все новые малокомфортабельные подробности. Например, совсем скоро стало совершенно ясно, что никакого водопровода здесь нет. Зато поблизости башни маяка и домика

под ней наличествовал колодец со скрипевшим на ветру журавлем. Айсмаус подлетел к Агате и сообщил об очевидной неисправности журавля, а также о странном отсутствии ведер, равно как и других сосудов, в обозримом пространстве. Агата же устало выразила надежду на хотя бы наличие воды в колодце и успокоилась, получив утвердительный ответ от летающей головы.

Безлюдье навевало тоску. Душа просила встреч и открытий. Но вместо людей откуда-то из-за маяка вылетела черная птичья стая, кричащая по-чаячьи.

— Разве чайки бывают черными? — удивился Чече.

— Это не чайки. Это кажаны. Только голос их похож на чаячий, — произнесла Агата, зачарованно глядя в сторону приближающейся стаи.

— Бегите! — вскрикнул вдруг Айсмаус. — Они хотят напасть!

И правда, летучие мыши стремительно приблизились и, если бы Чече с Агатой не рухнули на землю, закрывая голову руками, вонзили бы когти и зубы в незащищенную плоть. Промажнувшись, нападающие снова взмыли к облакам, пошли на большой круг, чтобы напасть во второй раз.

— Их не так много, но они крупные, как альбатросы. И явно кровососущие, — предупредил Чече. — Нужно спрятать Айсмауса в рюкзак.

— Не полезу я туда, — заартачился гомункул. — А вместо этого попробую отогнать от вас этих упырей.

Он скорчил гримасу ожившего мертвеца и ринулся наперерез возвращающимся кажанам. При виде его они и впрямь бросились врассыпную. Одинокое кружащие летучие мыши не утрашали так, как нападающая стая. Чече поднялся на ноги и начал размахивать над своей головой тростью в надежде отогнать агрессоров вовсе. Так разгоняют мальчишки шестом голубей. Кажаны, кружа и крича, поднимались все выше, не в силах вновь сплотиться. Они шарахались от снующего среди них и вносящего разброд в их ряды Кранцера. Он пел, кричал и улюлюкал в упоении от собственных атак. А посох Чече не давал кажанам подлететь к Агате. Вскоре нападающие потеряли

интерес к нашей троице и, превратившись в россыпь черных точек на горизонте, растворились вдаль.

— Вообще-то летучие мыши — ночные животные, а сейчас день деньской, — заметил угрюмо Чече.

— По всему видно, что это какой-то местный гибрид. Не зря же у таких молчаливых тварей прорезались голоса чаек, ох не зря. — Агата старательно отряхивала пыль с юбок.

— А я рад, что нам удалось избежать смертоубийства, — заявил Айсмаус, переведя дух.

— Чего?

— Нельзя начинать освоение новых земель с умерщвления аборигенов. Примета плохая.

Объяснение Кранцера привело Чече в явное замешательство.

— Но они же вернуться...

— Нужно выиграть немного времени. Есть у меня один заговор старее пирамид. Попробую достучаться до Вселенной. Правда, может и не подействовать. И тогда они снова нападут с утроенной силой. Но лучше об этом не думать.

— А я как налечу на них снова, — лихо присвистнул Айсмаус, головокружась. — И они поймут, что со мной лучше не связываться. А потом! А потом мы объявим сегодняшний день священным Днем неумирания. Ведь сегодня никто не умрет! Включая этих проклятущих летучих кровопийц. Скажите же, что никто не умрет, друзья мои!

Но спутники не откликнулись на призывы головы. Они были слишком озадачены и озабочены. После долгих и скучных дней лаунжа на китобойце сегодняшние новости не оставили в их сердцах ни капли покоя. И если они были готовы следовать дальше, то больше из упрямства и еще из любопытства. Того самого, что порой бывает сильнее здравого смысла и даже страха.

Агата с готовностью подставила плечо изрядно запыхавшемуся и вспотевшему Чече.

И они продолжили путь — вновь побрели в обнимку к маяку. Однако если он и приближался, то так медленно, что сокращения расстояния до него оставалось совершенно незаметным.

Маяк словно дразнил желающих его достичь. Только журавль над колодцем скрипел все отчетливей. Впрочем, скрип журавля представлялся чем-то отдельным, нездешним, случайным, потусторонним. Как долгожданное явление ангела во сне. Мимолетным, но не вызывающим сомнений.

Вокруг воцарились относительный покой и тишина. Лишь ветер посвистывал в ушах соловьем-разбойником, падал в низкорослую сухую траву и щекотал землю в желтоватых псориазных проплешинах. Возвратился Айсмаус и поплыл за ними по воздуху, как на аркане. Глядя на него, можно было подумать, что он впал в дрему: веки были прикрыты, уголки рта безвольно опустились, лишь кустистые и давно не чесанные брови сохраняли приподнятое настроение, чтобы поднос мог плавно перемещаться по воздуху. Чече то и дело оглядывался, боясь, что гомункул отстанет, задумавшись или замыслив какую-нибудь несусветную шалость. Тревога передавалась Агате. Она вздохнула, а потом сняла с шеи платок и отерла им покрытый испариной лоб Чече.

— Жених и невеста, тили-тили-тесто, — завопил внезапно Кранцер.

— Вы поглядите, летающая головизна вспомнила старую детскую дразнилку, — заметила колдунья со смешком.

— У него бывают инсайды, резкие, как понос, — буркнул на это Чече, мечтая о новом прикосновении Агаты к его лбу.

С каждым пройденным метром скорость и ширина шага великого отсекаателя голов неумолимо убывала. Нога нестерпимо болела, пот тек градом. Сердце звучало гулким барабаном, дыхание — раздувающимися мехами. Агата не на шутку боялась за него. Ей и самой было как-то не по себе. Убраться бы отсюда подобру-поздорову..

— Надеюсь, сбежать мы всегда успеем, — угадал ее мысли Черный Человек.

— Здесь все так забавно, — поддакнул Айсмаус заискивающим тоном.

Только она молчала, твердо печатая шаг, обремененная тяжелыми предчувствиями и изнуренным колченогим спутником.

Вскоре маяк окутала вечерняя дымка. Кисель тумана так и клубился у башни, словно это сам маяк источал его, как выдыхает пар человек на холоде.

* * *

Модест не отрывался от большого бинокля. Словно оптика могла помочь видеть вглубь острова с палубы китобойца на рейде.

Вокруг судна сновали улыбчивые малые киты — вакиты. Юнга свесилась с лееров за борт и весело щебетала китам всякую чушь о жизни и смерти. Они высовывали над рябью свои веселые глянцевые лица и пускали зеленую воду в распыл. Брызги и струи летели во все стороны и обдавали Юнгу с ног до головы. Она звонко хохотала.

Бинокль не мешал взбодрившемуся Модесту слушать Ямайчика, который зачитывал свежеполученные сообщения.

— Повсеместно продолжаются волнения, — гнусавил радист. — Зачинщиков и самых активных уже прозвали майотенами по исторической аналогии. Правда, они бросили истреблять сборщиков налогов и переключились на заразившихся новой загадочной чумой. Они врываются в дома с черным крестом на двери, которым санитарные службы помечают очаги инфекции. И разбивают кувалдами больных.

— Как это разбивают? Убивают? — недоумение капитана было хорошо спрятано за линзами бинокля.

— Вот это самое интересное, — чесал большое волосатое ухо Ямайчик. — Новоявленный вирус или изотоп (как называют некоторые ученые возбудителя этой чумы) вызывает прогрессирующую петрификацию всех тканей организма. Человек может и не помереть, но мало-мальски резкое движение вызывает гибельные разрушения из-за чрезвычайной хрупкости. Их приговор — неподвижность. Но есть и хорошие новости. Процессы так замедлены, что для поддержания жизнедеятельности достаточно дождя и солнца, как дикому укропу.

— Очень занятно-о-о, — пропел Модест дискантом.

— Таких наполовину выживших индивидов привлекают к новой эстетике. Ставят в парках и скверах на пьедесталы. Живые статуи, весьма бойко поддерживающие беседы с гуляющими. Состоятельные пенсионеры в восторге от говорящих изваяний. И главное, все при деле и все довольны. И опять же какой-никакой доход в муниципальную казну. Если бы не сумасбродные майотены, охотники до разрушения кувалдами. Им объясняют, что для всестороннего обеззараживания и борьбы с паразитами существует старая добрая побелка статуй известкой. Но они заартачились и совершают террористические налеты с завидной регулярностью.

— Вот болваны, — поморщился сердобольный Модест.

* * *

В колодце оказалось много чистой пресной воды. Айсмаус занырнул надолго, чем вызвал неподдельную тревогу Чече. Впрочем, выныривая, он обрызгал спутников с головы до ног влагой жизни. Им понравилось. Да и жара под вечер отступила. Пора было исследовать здание маяка.

В его высокой башне на нижнем этаже была кухня, несколько маленьких комнат и круглая зала с пыльными бархатными гардинами серо-буро-малинового цвета на готических мутных окнах. Кранцер незамедлительно выбрал залу для своего обитания. Особенно ему приглянулся резной старинный стул с высокой спинкой.

— Это будет мой трон! — пафосно воскликнул он, повиснув под сводчатым потолком, и добавил совсем обыденно: — Кто позарится на мое место, будет немедленно обезглавлен. Вуаля.

Кроме трона в зале была дюжина совковых стульев разной степени поврежденности и колченогий длинный стол.

— А эту рухлядь я требую вынести, чтобы очистить место жительства Великого и Ужасного. Ведь никому не дозволено сидеть в моем присутствии.

— С каких это пор? — спокойно спросила Агата.

— А с этих самых! — съехидничал Айсмаус, величаво опускаясь на трон.

Все слишком устали, чтобы возражать. В маленькой спальне нашлась двуспальная кровать. Агата уложила обессиленного Чече, а сама легла рядом, не заботясь о приличиях.

Глава 4

ИЗЪЯНЫ НАИЗНАНКУ

Прямо с утра остров захмелел от солнца. Но ближе к полудню начал накрапывать слепой дождик. Ветер разгонялся и плашмя падал в траву, приминая ее своим огромным невидимым телом. Потом ворочался, устраивался, мостился. Но так и не находил места для желанного сна. И сопротивление было бесполезно. Бессонница издевалась над ветром, бередила бродяге душу, не отпускала на волю. Обозлившись, он швырялся пылью и песком. Всякий раз под раздачу попадал неприкаянный Айсмаус. Песок разъедал ему глаза и скрипел на зубах. Забавы ради новоявленный Великий и Ужасный плевал против ветра песком и пылью, талдыча:

— Получите, Ваше превосходительство. Кажется, это ваше имущество. Возвращаю сполна!

Затем они носились над бухтой наперегонки — Айсмаус и ветер, хозяева острова.

* * *

Чече и Агату больше занимало то, что было вокруг и под ногами. Ораву психов на китобойце нужно было кормить. Промышлять, добывать, собирать, доставлять...

Здесь необходимо припомнить, что какое-то короткое время назад ситуация с плавсредствами на «Циклопе» заметно улучшилась все тем же либо иным из загадочных и покрытых тайной способов. Радужным постливневым утром на китобойце сами собой возникли шлюпки в полном штатном составе. Они строго висели на талях и радовали глаз не хуже радуг над бухтой и скалами.

Радист Ямайчик, первым увидевший прибавление добра, пришел в дикий восторг и скороговоркой забормотал что-то вроде благодарственной молитвы.

Модест же ходил от шлюпки к шлюпке и хозяйской рукой поглаживал гладкие борта. Засим лодочная инспекция «Циклопа» закончилась, что было неоспоримо в связи с абсолютной материальностью принятого на баланс имущества.

Теперь Юнга ежедневно прыгала в шлюпку и совершала несколько ходок на берег за грузом воды и добытой Агатой дичи — кроликов и куропаток, которые попадались в мастерски расставленные колдуньей силки. Она выносила связки кроличьих тушек на берег и поджидала Юнгу. Лодка причаливала к берегу, тыкаясь тупым носом в край пляжа. И они обменивали снедь на всемирные новости из радиорубки китобойца.

На закате Агата прогуливалась по пляжу, высматривала в небе алые вспышки и шепталась с бледной луной. Иногда к ней подлетал Айсмаус и восклицал по-детски:

— А мне нравится луна. Похож я на нее очень. Или она смахивает на отрезанную голову. В полнолуние, конечно.

Или:

— Что нам сегодня показывают? Опять кино про море? Ясно — неисчерпаемая тема.

И крикал, смеясь.

* * *

Так вот, бродя вдоль прибойя, Агата порой навещала знакомых незнакомцев тровантов. Гуляющие камни сильно прибавили в объеме и весе. Их зеленоватая бархатистая кожа словно впитывала пену прибойя. Как губка, как песчаная отмель, как горло жаждущего. Около полуночи трованты заканчивали свои медленные пляски и выстраивались в большой круг на весь пляж, на весь подлунный мир — держать совет.

Тогда танцевать начинала она. И пела беззвучную песню, и отбивала ритм на невидимом бубне. Босые ноги оставляли изыщные следы на влажном песке. Юбка кружилась и обнимала ее колени. Остров слышал протяжный гудок. Гудела песня ведьмы, гудел ветер, гудел маяк.

...Может показаться, что герои обрели покой и дом. Однако этой идиллии было далеко до подлинной. Потому что Агата явно что-то замышляла, Айсмаус никак не мог «усидеть» на новом троне, а Чече шатался по острову со своим посохом неприкаянным пилигримом. Его ежедневные походы сопровождались назойливыми кажанами, которые, впрочем, больше не нападали. Признали за местного, что ли? Кажаны кружили под облаками совсем как чайки и горланили как миниатюрные птеродактили.

Впрочем, кайнозойщина природы острова выражалась не только в воплях кажанов. В нескольких милях от маяка начинался парк почти юрского периода.

Однажды, в очередной раз пробираясь сквозь заросли парка, Чече наткнулся на аллею скульптур, беленых известкой. Местами известь осыпалась, а сквозь проплешины просвечивалось нечто, похожее на человеческую кожу, обычную бледную кожу.

Крайним на аллее из двух десятков статуй был пионер с горном. Правда, о его пионерской принадлежности говорил только горн в руке. Ни красного галстука, ни коротких штанишек, ни сандалий не наблюдалось. Юный горнист был нагим, как и все его собратья.

Дальше на небольшом пьедестале стояла девушка с веслом. Еще дальше — пышногрудая колхозница с серпом и пучком соломы вместо тучной пшеницы. Механизатор держал крестнакрест монтировку и ключ на 32, на манер скипетра и державы, как доказательство принадлежности к профессии. Но трудней всех приходилось метателю диска — атлет вечно пребывал в скрюченном состоянии, отведя руку с тяжелым снарядом назад и практически уткнувшись сильно поврежденным носом в собственное колено.

Не успел Чече мысленно как следует посочувствовать изваяниям, как мальчик с горном кашлянул тихонько и так же тихонько произнес:

— Добрый день настал в нашем чистилище, не так ли?

— Добрый... — проямлил Чече и судорожно отер лоб рукавом.

— Не удивляйтесь, мы все здесь пока живы. Пока изотоп не поразил сердце и оно не лопнуло от засухи и скорби, — добавила колхозница басом.

— Да, просто мы на трудотерапии. На химии, если можно так выразиться. Сослали нас по разным политическим причинам, — созналась девушка, описав дугу веслом.

Тут отсекагель голов вспомнил, о чем говорила Юнга, причалив шлюпку к берегу.

— Так кто же вас здесь это?.. — решился на вопрос Чече, взмахнув воображаемой кистью.

— Белит?

— Угу. Ну и прочее... — застеснялся гость.

— Мальчик пока в состоянии передвигаться, он и белит, — колхозница кивнула на стоящее поодаль ведро в белых потеках.

— А известь в избытке имеется в подвале маяка, — предвосхитила следующий вопрос девушка. — Может, вы поможете нам? Принесете извести? Для метателя дисков, он совсем плох, почти не дышит. Скоро околет. Будет у нас на острове первый покойник-петрификат. Сам себе памятник!

— Я конечно... Только это же не поможет. Давайте я попробую его осмотреть, я же все-таки врач...

— Что на него смотреть? На него смотреть жалко, — сказал зычно механизатор, звякнув монтировкой о ключ.

— Нам и впрямь помочь нельзя, мы все равно здесь умрем.

Девушка опрометчиво уронила голову на грудь, в шее отчетливо хрустнуло. Все на мгновение замерли.

Чече внимательно осмотрел все статуи. Его любопытство взвинтилось невообразимо. Но ничего отличительного, кроме липкого помета кажанов на плечах и макушке мало-мальски благополучного горниста, он не заметил. Остальные стояли под деревьями. И один лишь пионер торчал под открытым небом, где на него напропалую гадили птеродактили. Сердце исследователя ликовало и трепетало во предвкушении.

Чече так раззадорила забрезжившая перспектива научного открытия, что он, ковыляя, умчался, даже не простившись с окаменелым народом острова.

А преисполненные впечатлений статуи еще долго шушукались в вечерней тишине и их тела ласково обдувал теплый ветер.

* * *

Микроскопирование соскобов и скудных продуктов жизнедеятельности людей-петрификатов подтвердили первоначальную гипотезу, базировавшуюся на предположении лечебного свойства гуано кажанов. После нескольких суток непрерывных исследований материалов Чече вспомнил о своем обещании принести на аллею парка извести из подвала маяка. Он потянулся на стуле, зевнул, отодвинул свой старый портативный микроскоп и, прихватив посох, захромал вниз по узкой каменной лестнице к массивной кованой двери, которая по местной традиции была не заперта. Правда, ржавый витой ключ торчал в замочной скважине, но ввиду отсутствия ручек он лишь выполнял их функцию.

Мешки с известью лежали почти у самого порога, но внимание бывшего прозектора привлекли облезлые стены. На них сплошь было что-то написано. Чече бросил ведро и, охваченный предчувствием новостей из прошлого, прилип к стене. «Меня зовут Диц, просто Диц, и никакой я не Фон больше. Я стар и немощен. Оставляю записи о моем открытии в этом подвале без надежд и упований. Завтра к острову причалит старый китобоец, отведенный под сумасшедший дом на время потопа, и меня заберут, так как я отпетый психотик. Я, увы, не успел построить гравитационную установку...» Так начинался большой текст на стене с чертежами и рисунками углем и другими подручными материалами.

«Вероятнее всего, это наш старик-изобретатель, — догадался изумленный Чече. — Ну-ка, весьма интересно...»

* * *

Пока Черный Человек залипал под стенами подвала и оголтело перекачивал текст с мурала в тетрадь, Агата задавалась во-

просами, что происходит. И так как Чече в ответ лишь мычал и кричал, ей пришлось позвать Айсмауса в разведку. Уговаривать окаянную голову на блюде долго не пришлось.

Агата пробиралась сквозь заросли парка, а над ее головой летел Айсмаус и смешно улюлюкал на кажанов. Как ни странно, они его боялись и бросались при его приближении врассыпную.

Нужно заметить, что Агата тащила ведро с известью по настоятельной рекомендации Чече перед походом. Но сколько ни спрашивала ведьма о цели такого обременения, он оставался глухим, немым и вновь погруженным в размышления.

Агата шла не слишком быстро, побряхтывая и чертыхаясь себе под нос. Ведро с каждым шагом казалось все тяжелее. В конце концов она была готова уже плюнуть, бросить ведро и повернуть вспять. Но увидела белую аллею.

— Ура, известка прибыла! Не прошло и года, — съехидничал горнист, осторожно скосив взгляд в сторону прибывших, чтобы не повредить ненароком шею.

Айсмаус спикировал на край его пьедестала, чем поверг изваяния в крайнее изумление.

— Летающая голова! Спасайся, кто может! — прошептала белыми губами колхозница.

— Говорящие статуи! Ужас какой! — с сарказмом парировала Агата и присела рядом с Кранцером у ног пионера.

— Спокойствие, коллеги, — сказал механизатор. — Помните дедушку Фон Дица, который милосердно ухаживал за нами, пока его не забрали отсюда? Так он рассказывал, что знает, как взять мозг человека, подсоединить к нему провода от особой машины и управлять силами природы. Техника, понимать надо.

— Слушай больше сумасшедших всяких, — высокомерно хмыкнула колхозница. — Он же больной был на всю голову.

— А ты здоровая? — заметил механизатор и погрустнел.

Айсмаус не усидел, взмыл и завис над верхушками елок.

— Вот оно как! Я догадывался, что наш дорогой Чече неспроста днюет и ночует в подвале с расписными стенами. В этом

мой дорогой мертвый старик-изобретатель виноват. О могучий гениальный Диц! Ты будешь жить в веках и в моем сердце, или что там вместо него у меня? Гланда какая-никакая наверное...

Статуи не могли задрать головы и только тихонько вздыхали, слушая высокопарные изречения летающей головы. А Агате незачем было смотреть на Кранцера, и она сосредоточенно массировала свои натруженные колени.

— Ладно. С вами все ясно. В очередь, изотоповы дети! Кого белить первым? — обреченно спросила она, снова берясь за ведро.

* * *

Ближе к вечеру душного дня к берегу причалили две шлюпки с китобойца. На первой была Юнга. Она выпрыгнула на песок и быстро пошла к маяку. Спустя минуту следом пустился вприпрыжку Модест, прибывший на второй шлюпке.

Лодки погрузили носы в желтизну песка на линии прибоя и по-маркитантски неприкрыто покачивали бедрами. Они казались неразлучными. Но на самом деле шлюпки были подвержены малейшему дуновению бриза и шевелению волны. Впрочем, пока ветер и прибой оставались благосклонны к парочке и только ближе прибывали их друг к дружке.

Модест бежал за Юнгой и кричал срывающимся голосом:

— Брось думать о Черном Человеке! Он же о тебе не думает! Не нужна ты ему! А я всегда рядом. Скажи, чем я плох?

— Ты толстый! — бросила она резкое через плечо.

Модест настиг беглянку и схватил ее за локоть, она начала вырываться, потеряла равновесие и упала на песок, увлекая за собой и Модеста. Триванты зашевелились вокруг и расползлись от греха подальше.

— Пусти меня, кабан! — пищала Юнга, брыкаясь.

— погоди, послушай, дай сказать, — увещевал ее Модест, всеми силами удерживая на песке.

— Что ты можешь сказать нового? Осточертел! А он мой кумир, мой идеал.

— Он якшается с ведьмой Агатой. А она такая красавица. Не чета тебе, — процедил в отчаянии капитан.

— Тебе нет равных в любезности, — хохотнула Юнга, вырвавшись наконец из лап Модеста и вставая на ноги.

— Зато я для тебя загарпунил дельфина. Только для тебя, — насупился он.

— На что мне дохлый дельфин на лине? Я люблю их живьем. Хотя больше ты все равно ни на что не способен.

Они устали, притихли, сели рядом. Замолчали.

— Ты прав, конечно, я Агате не соперница, — сказала она, спустя время. — Но я только хочу ему помочь. Он нашел здесь больных этой новой страшной чумой. Теперь лечит их своим лекарством. Я помогу делать это лекарство.

— Смотри, не подцепи заразу, — надулся капитан.

— Они уже не заразные. Возвращайся, а обо мне не волнуйся, увидимся.

И она почти ласково потрепала Модеста по загривку.

* * *

— Чего приперлась, умалишенная? — встретил Айсмаус Юнгу у маяка.

— Тебя не спросила, — буркнула она в ответ, отмахнувшись от него, как от назойливой мухи.

— Я здесь главный. Я теперь везде главный. А буду еще главней.

Он величественно закатил глаза и плавно воспарил.

Юнга махнула рукой. Она искала Чече.

— Иди в подвал. Твой ненаглядный там, читает манускрипт на стенке. Рукопись моего старика изучает и одним махом эликсир делает для этих белых беспомощных, которые в парке гольшом... Вот будет номер, если он их вылечит-таки!

Но Юнга уже не слышала его, спускаясь в студеной подвал башни.

Узрев Чече, она бросилась к нему на шею, чем повергла его в смущение. Он высвободился из девичьих объятий и пробормотал:

— Вот, смотри-ка, все Диц написал, — и ткнул пальцем в конечную часть текста на стене.

«Кстати, петрификатов исцелит вытяжка из гуано местных кажанов, которого избыток в пещерах..» — прочитала Юнга постскрипtum. Дальше следовал рецепт эликсира, основным ингредиентом которого значились испражнения птеродактилей. Эликсир следовало втирать в кожу больного.

— Дешево и сердито, — оценила она рецепт. — Я буду добывать дерьмо для тебя.

— Спасибо. А то Агата наотрез отказалась. Говорит, что такая магическая субстанция наверняка нарушит ее ауру или что там у нее...

Глава 5

ЗОВИТЕ ЕЕ ПРОСТО ТЕЯ

Все думали, что с находками на острове покончено. Но — не тут-то было!

Самоотверженно соскребая серебристое гуано с влажных камней пещер, Юнга наткнулась на старорежимную дверь. Железо допотопной обшивки поржавело и стало почти одного цвета с гранитными сводами.

Юнга пробовала толкнуть дверь, потом тянула ее за ржавое кольцо, упираясь мускулистыми ногами в камни. Тщетно. Дверь не поддавалась. Любопытство разбирало Юнгу. Как известно, любопытство непреодолимо, но и оно не срабатывало.

Отчаявшись, Юнга схватила увесистый кусок гранита и со всей мочи швырнула в дверь. Дверь, тихо скрипнув, слегка приоткрылась. В щель пролез черенок лопатки, которой добывалось гуано. Надавив на этот рычаг, Юнга добилась своего — отворила дверь, чтобы можно было протиснуться.

Однако за дверью царила кромешная темень. Пришлось зажечь фонарь. Увиденное поразило Юнгу: стены небольшой комнаты были увешаны коврами и гобеленами, а посередине стоял стол, на котором лежала голая женщина. Правда, сначала Юнге почудилось, что это всего лишь лежачее каменное изваяние из тех, что помещают на крышках саркофагов. Но присмотревшись, она поняла — женщина из плоти и умерла совсем недавно.

* * *

— Да она еще жива! — вскричал Черный Человек, взглянув женщине в зрачки. — Петрификат! С ней надо бы поделикатнее.

— Куда уж деликатнее? — хмыкнула Юнга. — Упрятали подалее, чтобы здесь и преставилась, сердечная.

— Еще пара-тройка дней, и — пиши пропало.

Чече бережно достал из кармана флакон с эликсиром:

— Свежайший. Из утренней партии. Попробуем.

Он плеснул черную маслянистую жидкость на живот жертве и принялся вдумчиво втирать ее в белую кожу.

— Даже на ощупь как мрамор, — поделился он впечатлением. — Красивая дама...

— И почти мертвая, — уточнила Юнга, поднимая фонарь выше.

К концу процедуры, когда весь эликсир впитался в пергамент кожи пациентки, стали заметны ее вдохи и даже вздрогнули ресницы.

— Всосалось, как в сухую землю. Сколько дней придется натирать, прежде чем сможем забрать ее отсюда? — поинтересовалась Юнга.

Чече пожал плечами:

— Случай из ряда вон. Такой запущенной стадии я еще не наблюдал. Нашему метателю понадобилось полторы недели. Остальным пять-шесть дней. Прежде чем они совсем очухались. Будем надеяться, будем надеяться... Но сейчас переносить ее опасно.

— Ага. Того и гляди, ножки-ручки отвалятся.

Чече не оценил шутку Юнги и даже укоризненно взглянул на нее. Она потупилась.

— Я тебя спасу, — прошептал Чече, ласково погладив холодный лоб спящей.

Юнга фыркнула и в знак протеста опустила фонарь.

* * *

В башне маяка, в зале, в комнатах и особенно в подвале витал запах эликсира Дица, то есть запах перебродившего помета. Айсмаус был не в восторге. Он шнырял по комнатам в поисках места с чистым воздухом. Иногда, рассердившись в тщетности своих попыток, залетал в подвал и забрасывал Чече упреками.

— Устроил тут лабораторию с химическим оружием!

— Но это же твой любимый старик Робинзон Диц придумал. Я не виноват, — защищался Чече.

— Да уж. Робинзон и Да Винчи в одном стакане, — ворчал Кранцер, летая вдоль стены и делая вид, что читает манускрипт.

— Если тебе не нравится запах, слетай на берег, поныряй, покружись с тровантами вельсть.

— Нельзя.

— Почему это?

— Великому и Ужасному не место в присутствии. Высокопоставленные особы редко появляются на людях. Короли, султаны и президенты всякие. А я их всех по величию за пояс заткну, как пить дать. Так что вынужден торчать дни напролет заперти и нюхать это дерьмо.

— А где ты ночью пропадаешь?

— Принимаю морские омовения. Тайно и секретно.

— Все же знают.

— Мог бы и промолчать из уважения к господину.

— Да ладно, Ваше сиятельство, не гневайтесь, — вздохнул Чече. — Между прочим, ты прав, в наследии Дица не один эликсир. Основное изобретение гораздо круче. Похоже, оно гениально!

— Объясни! — всполошился Айсмаус.

— Как-нибудь на досуге.

С этой минуты не было Черному Человеку покоя. Гомункул приставал почем зря.

— Не тяни кота за хвост, жалкий докторишка, может, благодаря изобретениям моего Да Винчи я стану еще ужаснее!

— Разве возможно еще ужаснее? — снова вздыхал бывший прозектор, всецело занятый производством эликсира для подопечной из пещеры.

* * *

А подопечная из пещеры раздышалась как следует только на восьмые сутки бесконечных притирок и страстных массажей, проводимых Чече со всем рвением. Юнга не могла спо-

койно переносить такую оголтелую приверженность лекаря к пациентке. Уже на второй день помощница фыркнула, поставила фонарь на камни и удалилась, повесив голову, снедаемая ревностью и обидой. Впрочем, Чече даже не заметил ее отсутствия. Все равно разговаривал он лишь с бледной немой петрификаткой, неподвижно лежащей в своем студеном склепе.

— Все будет хорошо, дорогая принцесса. Ты очнешься, встанешь и совсем поправишься. Я уж постараюсь, — бормотал он, бережно поглаживая мраморные бедра и плечи.

А Юнга плакалась в жилетку самой колдунье Агате, вчерашней своей сопернице. Больше было некому.

— Тоже мне спящая красавица выискалась! И ведь самое обидное, молчит да лежит недвижимо, коматозница несчастная. И волосы все у ней обломались. Ежик один на макитре остался. А доктор вокруг так и вьется, так и вьется. Тьфу, противно, честное слово!

— Интересно, кто она такая, что ее не просто бросили под открытым небом, а в гобеленовой пещере оставили? — задумалась Агата, не слишком сопереживая бедам Юнги.

Юнга ловко спрыгнула с большого трованта, на котором они сидели с колдуньей. Агата последовала ее примеру. Она одернула свою цыганскую юбку и погладила пологий бок шевелящегося камня.

— Вели ты им не трястись, когда я на них сижу, — попросила Юнга.

— Думаешь, послушают?

— Конечно. Видела я, как ты водишь с ними хороводы. Они у тебя пляшут дрессированными собачками.

Агата лишь пожала плечами.

Уже на закате, когда их след простыл и трованты двигались куда заблагорассудится, на пляж вышла целая процессия. Впереди летел Айсмаус, посвистывая и улюлюкая.

За ним, глубоко погружая ноги в песок, медленно шли колхозница и механизатор, отмытые от извести и в набедренных повязках. Вместо своих атрибутов, монтировок и серпов, они

несли в четыре руки хрупкую лысую девушку с пергаментной кожей. Следом ковылял Черный Человек, опираясь на посох.

— Вот и славно, — сказал он, когда помощники опустили девушку на тот самый большой тровант, похожий на слоненка без хобота.

Колхозница колыхнула грудями и поклонилась Чече. Механизатор тоже поклонился, старательно отводя взгляд от женских прелестей присутствующих дам. Всем своим видом он давал понять, что ему было куда комфортнее лицезреть их под изрядным слоем побелки.

Чече небрежно махнул рукой, чтобы провожатые удалились, и они послушно отошли подальше.

— Тебе полезно подышать свежим воздухом, — прошептал Чече и бережно погладил пальцами блондинистый ежик волос на макушке девушки. — Настало время...

Айсмаус свистнул, чтобы напомнить о себе, повисшем над ними в воздухе.

— Невежливо игнорировать Великого и Ужасного, — гаркнул он свысока.

— Ты же не хотел маячить по округе, а ведь еще не вполне стемнело, — напомнил Чече, задрав голову.

— Хочешь спровадить меня? Ладно, я удаляюсь, — и испарился.

— Ну вот, мы одни... — пробормотал Чече.

— Спасибо, что нашел для меня рубашку, — слабым голосом проговорила девушка.

Чече обмер — он впервые услышал ее речь. Он и боялся, и очень ждал того, что она скажет.

— Ты помнишь, кто ты, как зовут тебя? — с опаской спросил он.

— Имя мое Тея, — прошептала подопечная.

— Галатея? — не расслышал Чече.

— Просто Тея, — уточнила она. — Я тебе очень благодарна за спасение. Только зачем ты меня спас? Ты же не знаешь, кто я.

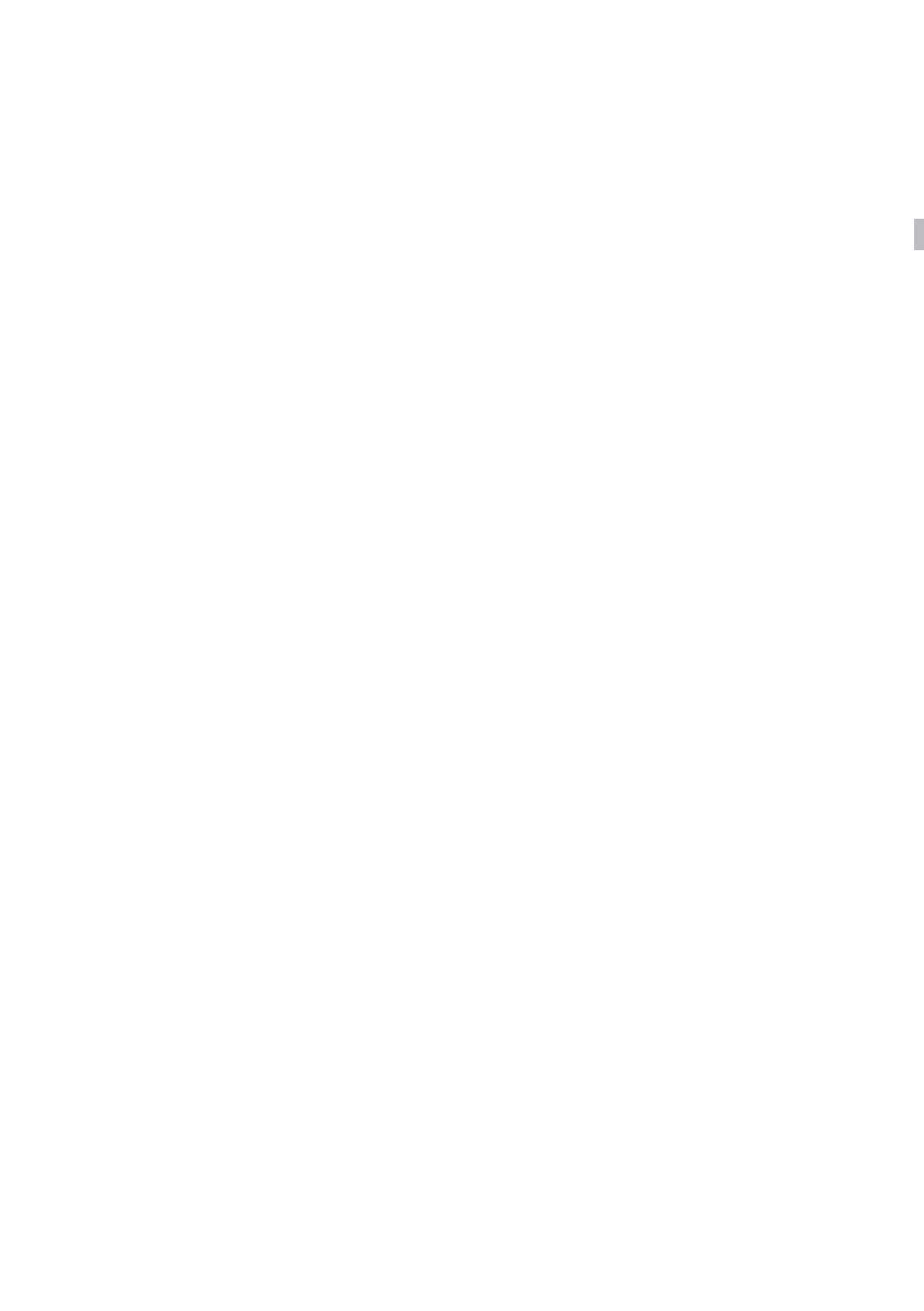
— Я влюбился в тебя с первого взгляда, — дрогнувшим голосом признался Чече и больше уже ни о чем не мог думать.

Глава 6

СНАЧАЛА ПРОДАДИМ НАШЕ ДЕРЬМО

Черный Человек выгуливал пациентку на пляже до самой полуночи. И никто в целом свете не слышал, о чем они разговаривали. Кроме тровантов, конечно. И кроме ветра. И кроме луны над бухтой. И кроме пришепетывающего прибоя, постоянно вмешивающегося в беседу. Впрочем, возможно, они и вообще молчали и лишь смотрели друг на друга и мечтали об одном и том же. Если им, разумеется, было о чем мечтать.

Тея склоняла лысенькую головку на плечо Чече. А он тайно вздыхал о сбывшихся мечтах, которые он недомечтал вовсе. А у спонтанно сбывшихся мечтаний есть одно досадное свойство — сладко беречь душу и делать депрессию приторной и особенно надоедливой. Это когда не разобрать, чего хочется больше: в восторге кричать во все горло или тихо наложить на себя руки. Вот что значит недомечтать и получить неожиданной сбывшей мечтой, как обухом по голове.

Едва слышную обворожительную музыку сфер нарушила Агата, вышедшая из-за непомерно растолстевшего трованта:

— Здесь кто-то будет думать о деле? Или мы обречены.

— Почему? — прошептала Тея.

— О! Не пугайся, милое дитя! — процедила ведьма, посасывая мундштук. — Конечно, тебе невдомек, что можно быть обреченным после чудесного спасения сказочным принцем Чечей, хотя и весьма потасканным. Мне жаль тебя разочаровывать, но вынуждена сообщить, что островные запасы дичи и воды не бескрайни. И для снабжения нашей оравы на острове и на судне нужны противные и мерзопакостные деньги. Злато, будь оно проклято! Презренный металл! Тогда можно будет всё купить, и всё привезут и всё положат к ногам.

— Думаю, что вам не стоит волноваться о деньгах. Мой папа осыплет нас богатствами, как только узнает о моем выздоров-

лении. Он, наверное, уже смирился и скорбит. А ведь он был очень ко мне привязан.

— Твой папа?! Олигарх?! Вот откуда гобелены и мрамор...

— Фармацевтический король. Сообщить ему обо мне не составит труда.

— Воротила мирового масштаба?

— Ну да!

— Постойте, если он заправляет фармой, мы можем заключить с ним сделку на предмет эликсира! — завопил незаметно подлетевший Айсмаус. Все вздрогнули. Че выронил посох и пошатнулся. Агата его по обыкновению поддержала.

— Элементарно... — промямлил Че, обретая вновь равновесие.

* * *

С наступлением синих освежающих сумерек над бухтой появлялись стаи кажанов. Они кричали чайчьиими пронзительными голосами и громко хлопали перепончатыми крыльями, садясь на камни. Айсмаус от распугивания кажанов перешел к полетам среди них. Сначала они сторонились летающей головы, но вскоре перестали обращать на него внимание. Дальше — больше. Айсмаус Кранцер заделался одним из вожаков стай.

Стай было две. Вернее, было два вожака — Айсмаус и жирный кажан-мутант о двух головах по кличке Пыжик. Они вылетали на пару и с воплями гоняли до упаду взад и вперед, вдоль и поперек над пляжем, ужасая тровантов и гуляющих пугливых петрификатов. И лишь спустя время к ним присоединялись полчища кажанов. Они устраивали настоящие воздушные баталии между двумя воинствами. Гуано в такие моменты лилось дождем. На прибрежных скалах его уже было хоть отбавляй. Оно серебрилось в лунном свете и дожидалось утра с лодкой Юнги и ее лопатой.

— Знатно мы повеселились сегодня! Только пух и перья кругом летели! — хвастался Айсмаус, подруливая в полночь к Ага-

те, покинувшей духоту маяка, дабы выкурить трубку-другую у колодца.

— Хорошая тренировка, — одобряла она. — Видала, как один кажан схватил когтями тровант и зашвырнул его в море. Была вспышка. И грохнуло знатно.

— Да! Заметила? Они взрываются, эти каменные твари ползучие! — Восторгу гомункула не было предела. — Пыжик показал. Мутантище! Одна голова хорошо, а две лучше! Виват головам!

— Вы поделикатнее с тровантами. Они еще пригодятся для настоящих боев, — тихо заметила Агата, дымя из ноздрей.

— Ты права, колдунья. Я использую их как оружие! Я! Великий и Ужасный Властелин!

— То-то и оно. И пока советую держать рот на замке, Великий и Ужасный. Пусть это будет тайное оружие.

* * *

— Совсем поправилась твоя подопечная. Даже волосики выросли на макушке. Белобрысенькая такая. Тщедушненькая. Но щечки порозовели и гуляет сама, — вкрадчиво начала Агата.

— Вежливо просила не докучать ей, — буркнул Чече, неистово взбалтывая бутылку с эликсиром. — Пока еще папаша не прислал за ней.

— Такие они, принцессы балованные. Но с другой стороны, наследие Дица требует твоего безраздельного внимания. — Она с некоторой долей благоговения воззрилась на испещренные формулами и письменами стены подвала. — О том же говорят руны и таро.

— О чем?

— Не удивлюсь, если премудрый Фон Диц станет нашим идолом.

Снаружи послышались громкие голоса. Словно маяк внезапно превратился в шумное поселение с базаром и капищем, где бурлит толпа день-деньской.

— Что там такое?

— Айсмаус собрал петрификатов на митинг. Также ждали высадки команды с китобойца. Наверное прибыли. Узнаю голос Модеста. Пойдем и мы. Послушаем. Гомункул наш тебе ничего не говорил?

— Нет. Он вообще в последнее время прямо отбился от рук. Болтается с кажанами или ныряет с китами и дельфинами. Или уединяется на своем троне и молчит, как голова мумии.

— Могут быть сюрпризы. Кранцер вообще большой оригинал.

Вокруг колодца с журавлем собрался народ. Петрификаты в тогах из лоскутьев старой одежды. Взъерошенные душевнобольные, заметно постаревший психиатр, а также санитар, которого едва можно было отличить от пациентов. Выделялись Юнга, Модест и радист Ямайчик в блестящем шлеме из фольги в форме будёновки. Все галдели, шептались, переругивались. Кто-то даже полез в драку. Над ними кружил Айсмаус во главе небольшой стаи крупных мускулистых кажанов. Шум толпы перекрывал пронзительный скрип старого журавля, шатаемого ветром.

Наконец Кранцер с царственным выражением лица спустился ниже, чтобы все его увидели.

— Посмотрите на этих сильных и опасных кажанов-убийц! Это моя гвардия! Гвардия вашего властелина! Пусть каждый из вас запомнит — они прикончат любого за наименьший проступок! Надеюсь, это понятно?

Толпа присмирела. Лишь двое психов продолжали потасовку. Один наседали на другого, осыпая его оплеухами и подзатыльниками, а тот взвизгивал от боли и обиды.

Айсмаус засопел и свистнул. Кажаны, медленно кружившие в небе, бросились стремглав вниз, упали камнями на дерущихся и в мгновение ока растерзали драчунов. Несчастные психи скончались в лужах собственной крови.

Толпа ахнула. Звенящая тишина воцарилась на острове. Слышно было только, как скрипит журавль и как хлопают крылья айсмаусовской гвардии.

Чече подошел к телам и осмотрел:

— У них разорваны гортани. Без шансов.

Его голос слегка дрожал.

К нему подбежала ошалевшая от страха Тея и схватила его за рукав. За другой рукав его схватила ошалевшая Юнга.

Психиатр запричитал что-то невнятное. Санитар ехидно усмехался. Модест сдавленно бранился. Ямайчик тряс головой и неистово доил бородку. Агата сделала круглые глаза, играя в удивление. Остальные с каменными лицами застыли, как вкопанные.

— Не помышляйте послушаться Великого и Ужасного Повелителя! То есть меня. Ну, вы поняли... Заместителем назначаю Черного Человека. Все вопросы к нему. И доложите, как обстоят дела с нашим фармакологическим проектом. Я буду в тронном зале.

И он медленно и величаво уплыл по воздуху в двери башни маяка.

Чече насупился больше обычного и сказал через губу:

— Советую отправляться по местам. Шутки, как видно, кончились.

Айсмаус неожиданно вернулся и крикнул:

— Совсем забыл! Склероз на мою голову. Мудрейшего Фон Дица почитаем с этого часа святым, пророком и богом-отцом. А его наследие — единственной истиной! На колени! Я кончил.

Все подчинились беспрекословно. Чече громко вздохнул и опустил след за всеми на одно колено.

* * *

— Не велите казнить! Помилуйте! Я без злого умысла, — ныл, заламывая руки, Ямайчик.

Он лежал ниц перед троном, на котором, казалось, дремал Айсмаус. Фольговая шапочка радиста смялась и сбилась набекрень, что придавало ему лихой и придурковатый вид.

— А вот я сейчас отдам тебя, козел ты вонючий, кажанам, чтобы они высосали из тебя всю кровь. Будешь знать, как свольничать! — лениво пригрозил Кранцер, для острастки вращая глазами.

— Ваша головасть! — вмешался не без опаски Че. — Ямайчик, конечно, виноват, не спорю. Но все, что он сделал, пошло нам на пользу. Судите сами: реклама, разосланная им в эфир, уже дала определенные плоды и козыри. Разве нет?

Гомункул помычал немного, раздумывая, и произнес:

— Вынужден согласиться. Имеем же на сегодня дюжину предложений о покупке сырья для производства эликсира.

— Вот! Можем устроить аукцион, кто больше заплатит. Товар эксклюзивный и право на него эксклюзивное — наше.

— Ты прав, сначала продадим за баснословные деньги наше дерьмо, а потом уже будем карать непокорных. Тем более, что они никуда не денутся.

Тон гомункула стал благодушным. Он замолчал, прикрыл веки.

Пользуясь внезапной его задумчивостью, Чече торопливо вытолкал дрожащего радиста за дверь.

— Эк тебя угораздило! Опередить-то указания начальства. Оно не любит, когда служивый плебс оказывается умней его. Учти на будущее. И держи язык за зубами, что с объявлением — твоя идея. Все идеи принадлежат Великому и Ужасному. Понял? — внушал Ямайчику Че.

Ямайчик трясся, плакал, всхлипывал и кивал в знак послушания.

* * *

С неожиданным назначением на высокую должность у Чече забот заметно прибавилось.

По утрам необходимо было совещаться всем комсоставом. Но совещаться было не с кем. Да, да, не с кем. Айсмаус до обеда дремал на троне и очень злился, если его беспокоили в это время. Агата присутствовала, но молчала. Модест не мог оставлять китобоец без присмотра.

Только Ямайчик прибывал точно в 9.00 по местному времени к маяку с рулоном телеграмм под мышкой. Буденовка из фольги была нового фасона, с проволочками над ушами. При

малейшем движении проволочки трогательно дрожали, словно с перепуга.

— Доложи сводку новостей, — просил Чече, и радист разворачивал свои документы.

Там значились сведения о завершении потопа и борьбе с его последствиями, о новых очагах эпидемии, о неудачах в разработке вакцин от изотопа. Короче говоря, множество полезных в разной степени сведений об окружающем мире с его сутолокой, абсурдом и развивающейся биполяркой демократии.

— А вот еще что мы узнали сегодня ночью, — добавил как-то к сказанному Ямайчик. — В нескольких кабельтовых от нас в дрейф лег большой фрегат без флага. Предварительно — для пополнения запасов продовольствия и пресной воды.

Чече встрепенулся:

— Что же ты молчал? Упустил самое важное!

— Я и говорю, — закусил губу радист, сворачивая свой бумажный рулон. — Это пираты, как пить дать, это они. Прознали, что нам за гуано платят золотом, и приперлись.

Агата стукнула кулаком по столу.

— Я немедленно отправляюсь на разведку! — отрезала она.

— Загипнотизируй их, дорогая! Пусть почувствуют наше могущество, — не вполне уверенно согласился Чече.

— Брось, Че! Нельзя переоценивать свои силы, пока они не испытаны на практике.

Агата стремительно удалилась, а следом за ней, что-то бормоча, ретировался радист. Черный Человек погрузился в нелегкие размышления.

«Вот уж действительно, втравились так втравились. И чем они дышат, эти на фрегате? Неужели пираты? И Айсмаус хорош, — думал господин Премьер-министр. — Тоже мне, Великий и Ужасный Повелитель нашелся! И слова поперек не скажи, сразу свистит своим летающим упырям-людоедам».

От невеселых тревожащих мыслей Чече сильно осунулся и почернел лицом. Руки дрожали, страх сжимал сердце. Он все меньше думал о любимой и желанной Тее. Чем меньше видел,

тем меньше мечтал. А видел лишь на общих мероприятиях во славу Повелителя и Свободного острова.

— Я подыму народ острова с колен! Торжественно клянусь! Мы будем господствовать над всеми! Вы заслужили это страданиями и лишениями вместе со мной, горемычным. На колени перед Великим и Ужасным, перед вашим Повелителем! — вещал Кранцер натренированным голосом в финале каждого митинга на закате.

Красные закаты с некоторых пор знаменовались не только восходом ночных светил, но и хором стоящих на коленях поданных Великого и Ужасного.

Чече в такие минуты старался скрыться из поля зрения Айсмауса, чтобы не становиться ни на какие колени. Стояние на коленях не только доставляло физическую боль хромому министру, но и не укладывалось в его голове. Вместо покорности и новомодных песнопений мысли Чече занимали манускрипты Дица, эпициклоиды и эвольвенты на рисунках и схемах, формулы и уравнения. Ему, врачу, трудно было разобраться во всем хитроумии изобретений старика, о чем он жалел, конечно.

— Позволительно ли мне будет призвать в помощники двух полоумных изобретателей с «Циклопа»? — спросил он как-то между прочим Айсмауса в тронной зале. — Нужно же разобраться с идеей установки премудрого Фон Дица.

Кранцер встрепенулся так, что слетел с трона и снарядом сиганул под сводчатый потолок:

— Непростительное промедление! Велю срочно доставить в подвал нужных психов. Пусть работают день и ночь, день и ночь! — вскричал он, и тихое эхо повторило последние слова.

— Я сейчас же отдам распоряжения, — поклонился с достоинством Чече.

* * *

Агата возвратилась с внешнего рейда глубоким вечером. И не одна, а в компании капитана фрегата с коротким и звучным названием «Некст». Моряк вразвалочку сошел на берег

и первым делом пнул квадратным носком ботфорта ближайший трюмант. Камень откатился и несколько потемнел, должно быть от обиды.

Почти одновременно с лодкой Агаты к берегу причалила шлюпка Юнги с двумя лохматыми бородачами Гипом и Гэпом. Психи-ученые жались друг к другу и затравленно зыркали по сторонам. Их впервые оторвали от дружного коллектива душевнобольных и отправили на остров. Больше всего болезных волновал вопрос, как они теперь заснут, если не будет качки. Вряд ли же найдется желающий укачивать в гамаках великовозрастных страдальцев от бессонницы. Об этом своем опасении научные работники уши прожужжали бедной Юнге по дороге к месту назначения. Правда, она, не долго думая, пригрозила выбросить их за борт, если не заткнутся. Заткнулись. И молчали добрых десять минут.

Капитан переминался с ноги на ногу и презрительно разглядывал спутников из-под прекрасной шляпы зеленого цвета. На его пальце блестел изумруд в белом золоте, а на воротнике рубашки струились тонкие дорогие батистовые кружева.

Постояв немного на берегу в неловком молчании, прибывшие пестрой гурьбой отправились к темной башне маяка. Там, в преобразившемся роскошью тронном зале, с нетерпением ждали гостей Айсмаус и Черный Человек.

— Только прошу вас, наимудрейший, не велите им с порога падать перед вами ниц, — вкрадчиво увещевал Чече. — Парламентарии такого не приемлют. Им кажется, что они что-то значат в этом мире. Я бы поостерегся их раздражать до поры, до времени.

— Как хорошо, что меня посещают такие мудрые мысли, встретим наших гостей любезно, на всякий случай, — согласился Кранцер.

Благодаря бархатным шторам цвета бордо в зале царил полумрак. Гомункул висел в воздухе над своим тронном, увешанным золотыми побрякушками, приобретенными с выручки от гуано. Тут были цепи и ожерелья прошлых столетий, но и новомодных безвкусных голдяков имелось предостаточно. В темноте

золото тускло поблескивало и покоряло не столько изысками, сколько массивностью и крупным оптом. Впрочем, посетителя должно было покорять не только богатство. Свет от ламп, расставленных по углам залы, пересекался и падал таким образом, что тени от Айсмауса отбрасывались долговязые, марионеточно вздрагивающие. Подслеповатому человеку показалось бы, что перед ним парит кто-то очень тощий и высокий с огромной головой в алмазном венце древних царей. На самом деле венец был. И был он украшен шестью до неприличия огромными бриллиантами разных оттенков. Правда, любой беспристрастный наблюдатель заметил бы, что венец великоват для хозяина и съехал на одно ухо, придавая ему залихватский вид.

— Безобразие! Засилие бюрократии! — вскричал с порога капитан в зеленой шляпе. — У меня до сих пор полон трюм полудохлых петрификатов к вам на излечение и перевоспитание, а ваша дамочка по связям с общественностью отказывается их принимать! — Он ткнул длинным пальцем в Агату.

— Разрешите представить, Ваше Величайшество, капитана Флудика, чрезвычайного и полномочного, — невозмутимо поклонилась она ошарашенному Айсмаусу.

— По чьему распоряжению сюда доставлены эти несчастные? — был вынужден вмешаться Чече, потому что Кранцер молчал с открытым ртом.

Тут Флудик сорвал шляпу и расшаркался с поклонами. Никто ничего не понял. Агата и Чече переглянулись. Айсмаус принялся бубнить что-то себе под нос. Юнга отступила в тень, а психи-ученые вжались в ближайший угол и спрятались за портьерой.

— Вообще-то капитан прибыл сюда на большом военном фрегате с двумя дюжинами пушек и командой искусных канониров, чтобы забрать нашу Тею, оставить петрификатов и к тому же увезти с собой оригинальную рецептуру эликсира Фон Дица, — уточнила Агата.

— Да! Фармацевты жалуются на малую эффективность простой вытяжки из гуано, — поддакнул Флудик, вновь напяливая шляпу.

— А не забить ли трюмы фрегата до отказа гуано на безвозмездной основе? — сыронизировал Че печальным голосом.

— И это, разумеется, тоже. В качестве жеста доброй воли. Капитан отряхнул комзол.

Айсмаус нечленораздельно замычал. Но по бегающим глазам было понятно, что он абсолютно выбит из колеи.

На Чече не было лица. Он громко вздыхал и ничего не мог с этим поделать.

— О, Великий и Ужасный! Прошу соизволения на мои дальнейшие переговоры с капитаном в интересах нашего острова и его народа, — сказала Агата, не видя иного выхода.

Все взгляды устремились на Айсмауса. Его тень задрожала сильнее.

— Повелеваю, — неуверенно, но с облегчением произнес гомункул.

Агата потянула капитана за рукав к выходу. Флудик заулыбался дежурно и церемонно раскланялся.

Стоило им покинуть тронный зал, Кранцер запричитал:

— Во горе горькое! Свистну сейчас кажанов, чтоб налетели и растерзали этого Флудика!

— Ни в коем случае! Может пострадать Агата!

— Лес рубят, щепки летят... У тебя же вроде уже другая пасья?

— Не забывайте о фрегате, пушках и канонирах. Они разнесут остров на молекулы.

— Могут, сволочи. Что ж делать-то теперь?!

Будь у гомункула руки, он заломил бы их, а будь у него ноги, они бы подкосились от страха и бессилия.

— Предоставим все судьбе и Агате. Если бы я верил в богов, то молился бы.

— Молись мне. Я и есть ваш Бог, — немного пришел в себя Айсмаус.

— Трудновато стать Богом, а быть им еще труднее, — ответил задумчиво Че.

— Ты что, сомневаешься, ничтожный червь? — добродушно спросил Кранцер и сложил губы для свиста.

Пришлось Черному Человеку пасть ниц перед собственным творением, абсолютно вышедшим из-под контроля и поправшим здравый смысл как таковой.

* * *

Во время штиля обычно трюанты становились зеленоватыми, в тон шляпы капитана. А во тьме зрачков Агаты тоже играли зеленые блики. Флудик снял свой великолепный головной убор и бережно положил его на камень.

— Бред какой-то! Летающая голова! Как такое может быть?! Черный Человек... Фокусы идиотские. Цирк для дураков, — причитал он обиженно, стаскивая ботфорты и окуная ноги в пенные воды прибора.

— Не пристало благородному вельможе снимать сапоги при малознакомой даме, — покачала головой Агата. — Особенно наедине. Если их, конечно, не связывает внезапно вспыхнувшая любовь.

Флудик зычно загоготал. Агата нахмурилась и ловко ухватила капитана за ухо.

Пока он обретал утраченное на мгновение равновесие и старался освободиться из цепких пальцев, она заговорила, чеканя каждое слово:

— Сперва просей пустыню да процеди море, да повоюй с мое, а там посмотрим, какие у кого фокусы. Вот я тебя сейчас прокляну, и никакие пушки с канонирами и всем порохом мира тебе не помогут. Ты станешь медузой, а когда тебя выбросит на берег, попадешь под копыта дикой лошади, чтобы она превратила тебя в жалкую склизкую соплю. Понял?.. Я спрашиваю: понял?!

— Понял, — прокряхтел пунцовый Флудик.

В небе над заливом закружили и зловеще закричали черные кажаны. Агата указала рукой вверх и так же зловеще улыбнулась. Флудик содрогнулся.

— Наденьте ваши прекрасные сапоги, дорогой капитан, нам предстоит разговор, — абсолютно спокойно попросила Агата, поправляя рассыпавшиеся по плечам черные волосы.

— Как пожелаете, мадам, — пробормотал капитан, торопливо натягивая ботфорты на мокрые ноги.

— Итак. Сразу и без проволочек скажу, что фрегат твой нам не страшен. Остров этот наделен такой силой и энергией, такой напичкан магией, что тебе и не снилось. И покончим с этой темой. А что касается летающей головы, то она действительно жива и летает. Разумеется, наш Айсмаус никакой не Великий и Ужасный, но приручил каким-то образом очень опасную местную фауну и теперь держит в страхе всю округу. Так что советую относиться к нам с уважением.

— А я и отношусь...

— Далее. Принцессу Тею я и сама бы с радостью препроводила подальше отсюда. Однако боюсь, у нее и у Че другие планы. Несчастных петрификатов мы примем и начнем лечить незамедлительно. Нам лишний преданный народ не помешает. И мы же не изверги какие-нибудь.

— Хоть что-то...

— Ни гуано, ни чего-то другого мы тебе не дадим, и не мечтай. Вместо этого предлагаю остаться здесь и поступить на постоянную службу народу и властям острова, чтобы охранять и защищать, как и подобает храбрым флибустьерам в этом веке. Я приняла на себя обязанности главы службы безопасности, потому и делаю такое предложение со всей ответственностью. Принимай решение быстро!

Флудик опешил и выпучил глаза.

— Учти, здешние условия вне конкуренции. А скоро станет и вовсе волшебным. Всего я пока раскрыть не могу. Но должно же у пирата быть деловое чутье. Обещаю — останетесь довольны. Ты и твои люди. Ну!

Капитан затряс головой и с готовностью угукнул.

— Вот и славно. По рукам. Будем считать переговоры успешно завершенными. Юнга сейчас переправит тебя на «Некст», и ты немедленно начнешь высадку людей на берег. А я отдам распоряжения, чтобы встречали. И помни: мы всегда в состоянии боевой готовности. Всегда! Так что без глупостей, дорогой капитан.

Шлюпка с «Циклопа» покачивалась на зеленых волнах у самого берега. Кроме Юнга на борту был и Модест.

— На кой хрен ты за мной опять увязался, драгоценный капитан-гарпунер? — ворчала Юнга.

— И сам точно не знаю, — пожимал плечами Модест. — Вдруг кому-то понадобится моя помощь? К тому же не доверяю я этому хлыщу, капитану фрегата. Мало ли что... А ты ведь даже своих бравых добытчиков гуано на отдых отпустила.

Флудик, приосанившийся и приободренный, спрыгнул в шлюпку с большого купающегося трованта, до которого добрался по тровантам поменьше.

— Свидетельствую почтение, — бросил он маленькой команде и с высокомерным видом уселся на носу.

Юнга, сопя, завела мотор. Лодка, чуть задрав нос, понеслась к внешнему рейду, где высился силуэт фрегата, близ которого скромно соседствовал китобоец.

Когда достигли середины пути, Флудик доверительно и одновременно небрежно обратился к Модесту:

— Что вы скажете, коллега, о здешних властях? Мне службу предложили. Вот я и раздумываю.

— Сдается мне, что на раздумья вам не дали времени. И ответ требовали сразу. Особенно если разговор был с Агатой.

— С ней, — вынужден был сознаться капитан.

— Уверен, что вы согласились. И теперь мы будем служить бок о бок. Борт к борту, так сказать.

— И что она о себе мнит, эта ваша Агата? — не сдержал раздражения Флудик.

— А бесы ее разберут. На первый взгляд — баба как баба, только чертовски красивая. А послушаешь ее минуту, и все получается, как надо ей. Никто не в силах ей отказать или, чего доброго, перечить. Колдунья, одним словом. Наши полоумные считают ее ведьмой на полном серьезе.

— Никогда не возражайте Агате, мой вам совет. Это дьявол в цыганской юбке, — вмешалась Юнга. — Даже сам Великий и

Ужасный держится от нее подальше. Это не так уж трудно заметить.

Модест многозначительно присвистнул в подтверждение. Флудик нахмурился и до самого фрегата не проронил более ни слова.

Глава 7

ДОКТОР НА БОЛЬНЫХ НЕ ОБИЖАЕТСЯ

«Этот народ сплошь состоит из больных», — думал Чече, просиживая перед манускриптами Дица. И был не далек от истины. Петрификаты, оправившиеся от болезни, и петрификаты в стадии реконвалесценции были мобилизованы на строительство хижин и бараков для себя и себе подобных. Остальные находились на излечении во временном бараке медсанчасти.

Но болезни бывают не только телесные. Гораздо труднее лечить психические недуги. А ведь они не менее распространены! Верьте слову. Особенно там, где частично высадили на берег плавучий дурдом. А именно: в добыче гуано Юнге помогли смиренные сумасшедшие с «Циклопа». Даже в соратники самому Чече были призваны умалишенные инженеры Гип и Гэп. Правда, он заставил их сбрить бороды, вымыться и сменить одежду. Но в остальном они оставались все теми же биполярниками, что и были десятилетия до того.

Что и говорить, если все остальные, включая самого Че, Флудика, Ямайчика и Модеста, являли собой образцы психопатов высшего разряда.

«А мне такие и нужны, такие и нужны», — бормотал Черный Человек, исписывая листы грубой бумаги, на которой обычно делал разного рода заметки, а также писал распоряжения своим двум помощникам, которые были до того рассеянными, что сразу забывали сказанное. Приходилось то и дело перечитывать записки.

Гип застывал в недоумении, забыв, зачем открыл шкаф с реактивами. Потом минуту ронял горячие слезы, вынимал из кармана листок с заданием, читал и с облегчением вздыхал. Гэп же, напротив, сильно нервничал, тряс головой, нервно ржал, затем тоже доставал письма и начинал громко петь псалмы.

Че не обращал на это ни малейшего внимания. Лишь следил за тем, чтобы записки вовремя оказывались у них под рукой.

Впрочем, Гип и Гэп оказались весьма полезными. Без них Че ни за что бы не разобрался в принципе и конструкции спроектированной Фон Дицем машины. Изобретатели долго изучали стены и записи и однажды высказались хором:

— Это энергетический гирогравитатор Дица. В нем использован принцип построения мироздания, только и всего.

— И каково его утилитарное назначение? — У Че перехватило дыхание.

— Ну, можно сделать летательные аппараты без топлива и мотора. Можно вырабатывать электричество. Можно управлять ураганами, грозами и прочими пустяками. Можно... практически все! Но ведь любому изобретателю с молодых ногтей известно, что вечного двигателя не бывает. И здесь нужен особый элемент в качестве стартера и мощный энергетический толчок. Найдем их, и понесется!

— Легко сказать... Хотя я, кажется, догадываюсь, о чем может идти речь...

— Будем искать, — пообещали Гип и Гэп уже без бывшего энтузиазма и принялись укладываться на боковую.

Че знал, что если они задумали хорошенько выспаться, то не стоит пытаться им помешать, только время потеряешь. Он пожелал коллегам сладких снов в гамаках и выключил лампу.

* * *

Обетованный остров, некогда тихий и безлюдный, дикий и нагой, нарядился внезапно в суету сует. И стал просыпаться он на рассвете не от протяжных криков голодных кажанов и ослепительного солнца, изливающегося откуда-то из узкой щели горизонта. Его начали будить бахи, стуки и скрипы стройки поселка петрификатов, брань и хохот мастеровых, визги женщин, которых шлепнули или ущипнули от скуки или для настрояния. Изредка остров слышал пение, громкое или тихое, соло или ансамблем, но почти всегда бездарное и фальшивое,

какое бывает в затрапезных общагах, где много пьют вина и мало думают о жизни. И чем тяжелее жизнь, тем меньше о ней полагается думать.

— Вы моих близнецов сиамских не видели? Не встречались вам изобретатели наши? — вопрошал Чече у новоявленных граждан острова, разыскивая исчезнувших как-то поутру Гипа и Гэпа.

Но все встречные отнекивались, кланялись с почтением и продолжали свои нехитрые занятия.

— Где же эти обормоты, скажите на милость, — бормотал Че. — Неужто умудрились утонуть во время прилива?

От тревог его отвлекла Тея, сидящая на свежесрубленной скамье со счастливым и одухотворенным выражением на лице около одной из недостроенных сосновых хижин. Она ощупывала тонкими пальчиками неровные края сидения и улыбалась. Че случайно встретился с ней глазами и в смущении поспешил отвести взгляд:

— Счастлив, что эта бурная деятельность доставляет вам удовольствие, — пробормотал он вместо приветствия.

Она серебристо засмеялась, вскочила, ловко подобрала подол простого платья и побежала к лесу. Че заковылял следом, опираясь на свой посох. В надежде ли ее догнать или просто продолжал ранее намеченный путь, он и сам толком не понимал. А только она остановилась на ближайшей опушке и дождалась его за толстым деревом.

Это неожиданное свидание разбередило ему душу. И он был бы рад не найти ее в лесу и немедленно вернуться к поискам незадачливых помощников.

— Мы давно не разговаривали... — начал Че, узрев хрупкую Тею среди массивных стволов. — Давно хотел предложить отправить вас домой, если, конечно...

— Нет, не желаю домой. Здесь весело и забавно. И меня все «светлостью» зовут, как принцессу настоящую. И все время кланяются.

— Так уж повелось. Так принято на острове.

— Очень милый обычай, дорогой доктор, вы не находите?

— Да, действительно, милый. Отчего же вам не отправиться домой? Остров вам скоро наскучит, поверьте мне. Занятий же у вас нет. И дома будет куда комфортней.

— Говорят, сюда настоящие строители приедут и дворец смогут построить для элиты. Глядишь, и занятия найдутся. Вот выйду я замуж и стану править с мужем-принцем. Чем не занятие?

— За кого же? — затрепетал Че.

— Да хоть за вас. Вы симпатичный, хоть и хромой. Зато главный начальник.

— Кажется, вы еще не совсем оправились после тяжелой болезни. Оно и понятно... — успокоил сам себя Че.

— Нет! Я прекрасно себя чувствую! Вы меня абсолютно излечили! Не увиливайте. Почему вы не хотите на мне жениться? А еще в любви признавались!

— Дело не во мне, — насупился Че.

— В ком же тогда? — в нетерпении вскричала тоненько Тея.

— В вас.

— Во мне? Почему?

— Потому что вы меня не любите.

— Принцессы не любят, они позволяют себя любить! Подумайте хорошенько. Я умею эффективно управлять. Из меня получится прекрасная королева. Я целую неделю управляла особняком отца, пока мажордом был в больнице. Особняк большущий, а остров малюсенький. Ничего сложного не вижу.

Чече тяжело вздохнул и подумал о дополнительном курсе реабилитации для Теи.

Он почти равнодушно наблюдал, как краска гнева залила ее лицо, как сжались кулаки и побледнели губы. Он вскинул свой посох и двинулся дальше.

Проходя мимо Теи, оставляя ее позади себя в темнеющем лесу, Че почувствовал болезненный трепет сердца, но, тем не менее, был уверен, что это в последний раз.

Неотвратимо вечерело. Однако Черный Человек с завидным упорством продолжал путь к противоположному берегу острова.

Берег оказался абсолютно пологим и голым. Песок и вода сливались в единое целое и представляли собой обширную пустыню. Че смотрел на эту величавую пустоту и мысленно сокрушался, что проделал трудный путь, но своих гениев так и не отыскал. Но тут перед ним песок взорвался и выплюнул на поверхность Гипа, который пнул холмик рядом и тем самым обнаружил Гэпа. Или наоборот — первым из песка вылез Гэп, а Гип уже потом. Кто их различит?

Оба были сплошь серого цвета от мелкого песка. Они принялись отряхивать друг друга, хихикать и наперебой рассказывать:

— Вот мы все нашли, хозяин! Все здесь! Энергия прилива и отлива. Скоро начнется отлив и сами увидите. Появится коса, а на ней дорога из камня. Желтоватого такого камня. Сами посмотрите.

— Дорога? Из-под воды? — опешил Чече.

— Так не в дороге дело. Она, скорее всего, древняя и ведет в никуда. Но мы нашли энергию для машины Дица! Ура!

Гип и Гэп взялись за руки и пустились в неистовый, почти ритуальный пляс. Че едва удерживался, чтобы не последовать их примеру. Но вот почва едва ощутимо завибрировала под ногами и взору Че предстала обещанная картина: вода начала отступать, оголяя берег. И за какие-то несколько минут из воды показалась змейка дороги, ведущей в сиреневую даль. Дорога эта и впрямь была желтоватой, без обмана.

— Видели?! Вот тебе и энергия! Если мы машину установим прямо здесь, то она заработает! — вопили изобретатели, все еще приплясывая.

— Недостает лишь особого элемента... — напомнил Че с досадой.

Но братцы-мастера не слушали и не унимались. Их ликование длилось до того момента, пока Че не задал вопрос:

— Зачем вы зарывались в песок? За вами кто-то следил?

— Нет, мы на всякий случай, — обескураженно ответили гении и переглянулись.

— Ясно. Это же опасно — могли и задохнуться запросто. Что бы я без вас делал? Ну почему самые одаренные люди такие болваны?

— Не волнуйтесь, хозяин. И не держите зла, — сказал заискивающе Гип.

— Конечно. Доктор же на больных не обижается, — поддакнул Гэп.

* * *

Двуглавый кажан-мутант Пыжик по утрам влетал в форточку тронной залы. Он приветливо курлыкал и ластился к Айсмаусу по-кошачьи.

В эти часы Пыжика обычно ожидало принесенное прислугой блюдо со свежей крольчатинной. Кажан налетал на жратву, которую ретиво поедал в оба горла.

Особое удовольствие Кранцеру доставлял процесс кормления любимца рот в рот. Гомункул подлетал к подносу, ловко хватал губами кусок мяса и ждал, когда Пыжик выхватит его на лету.

Во время кормления кажана приближаться кому бы то ни было к тронной зале было строго-настрого запрещено. Нарушителям обещали суровое наказание. Оно и понятно — такая трогательная дружба между Великим и Ужасным и крылатым предводителем карательного ведомства могла быть воспринята подданными как слабость. Однако и желающих поприступить при этом или понаблюдать вблизи маяка — не водилось.

После кормления наступал час душевных излияний. Говорил и сетовал, конечно, Айсмаус, прильнув щекой к черному кожаному крылу Пыжика. А Пыжик сидел на подлокотнике трона, сыто урчал и изредка икал, совсем как человек. Впрочем, это не мешало ему эффективно переваривать съеденное

в дорогостоящее гуано (коим он дрисстал здесь же) и одновременно внимать Айсмаусовым излияниям:

— Как же я одинок и несчастен, милый Пыж! У меня даже воспоминаний нет. Кем я был в прошлой полнотелой жизни, остается большой загадкой. Че наверняка что-то знает, но молчит, гад. Или эта прохиндейка Агата. Тоже что-то скрывает. Водрузили меня на этот трон, принимай, мол, всю ответственность на себя, а сами шляются неведомо где днями и ночами. Особенно чертова кукла чародейка недоделанная! Хотел давеча, чтобы разложить таро, посмотреть, что ждет меня, бедного властелина здешних вод и суши, впереди. Так не дозовешься. Где уж тут уважение, спрашивается? Бегали лакеи, бегали, так и не сыскали. Ни на кого нельзя опереться. Только ты с твоими ребятами и есть. Остальные — подлые предатели! Даже пенсне мое некому порой мне на нос водрузить. А я же без него быстро стерженею. Ну, ты знаешь. Такая вот тоска...

Когда наступала пора улетать, как правило ближе к полудню, Пыжик принимался виновато курлыкать и постепенно перемещаться к распахнутой форточке. И всегда приходил горький для Кранцера момент расставания.

— Лети, дружище, лети, — грустил он, отпуская друга. — Проследи за моим народом. Не нужно ли кого к порядку призвать? Я же знаю — стоит твоей боевой стае покружить над головой, и любой из этих жалких людишек приходит в себя и дальше служит обществу и мне, Великому и Ужасному. Лети, дорогой. В полночь встретимся в небе над морем и будем летать и нырять, пока все ничтожества беспробудно спят.

Вечером Айсмаус требовал к себе Черного Человека, распекал и упрекал его на все лады. Че невозмутимо слушал и не возражал Владыке моря и суши. Когда брань и упреки иссякали, наступало время доклада о текущих делах.

— Машина Дица почти готова. Мы строим ее у противоположного берега острова, где отлив сильнее, чем торнадо. Агата и я хотим обратиться к вам, Ваше Величайшество, с нижайшей просьбой — поучаствовать в одном наиважнейшем эксперименте. Чтобы машина заработала и дала вам еще больше де-

нег и власти, необходим особый элемент питания. По нашему скромному мнению — это вы и есть. Прошу прощения за прямоту. Это абсолютно безопасно. Нужно присоединить провода к вашему... летательному аппарату в месте сочленения с... вами. — Че с трудом находил деликатные слова, опасаясь гнева Великого Владыки, который слушал с прикрытыми глазами, повиснув над тронном.

Услыхав о необходимости личного физического участия, Айсмаус вскинул веки и заорал:

— Нет! Ни в коем случае! С какого перепуга?! Я не имею права собой рисковать! Во имя народа и острова, во имя ковчегов, вверивших себя под мою опеку!

Чече глубоко вдохнул и выпалил:

— Ну это же всего один раз нужно, чтобы запустить. Зато потом вы станете владельцем единственной в мире установки управления климатом. Представьте: захотели — ураган наслали, захотели — засуху. Весь мир будет перед вами по струночке ходить. А риск минимальный. Обещаю!

Он выдохнул и отер пот со лба.

Кранцер удивленно клипал глазами и явно не знал, что сказать.

* * *

Незадолго до исторической высадки с «Циклопа» на условно необитаемый остров к Чече вернулся его неосязаемый спутник и собеседник, голос, который звучал в голове. Когда-то, еще в прозекторской, Чече прозвал его духом правой барабанной перепонки или вечно правым барабанным духом.

Первое время после неотложного дебюта данного духа Чече его игнорировал, обдумывая создавшуюся болезненную ситуацию. Когда первый шок прошел, наступило принятие, а следом за тем некая привычка с оттенком привязанности.

— Ты просто псевдогаллюцинация, — сварливо констатировал в самом начале Че. — И я не собираюсь следовать твоим наущениям.

— Всего лишь добрые советы, — слегка оскорбился дух в ухе. — Со мной ты больше не один.

— Дудки! Ты же не человек, — опроверг раздраженно Чече.

— А кто человек? Ты видишь кого-нибудь рядом? — вкрадчиво спросил дух.

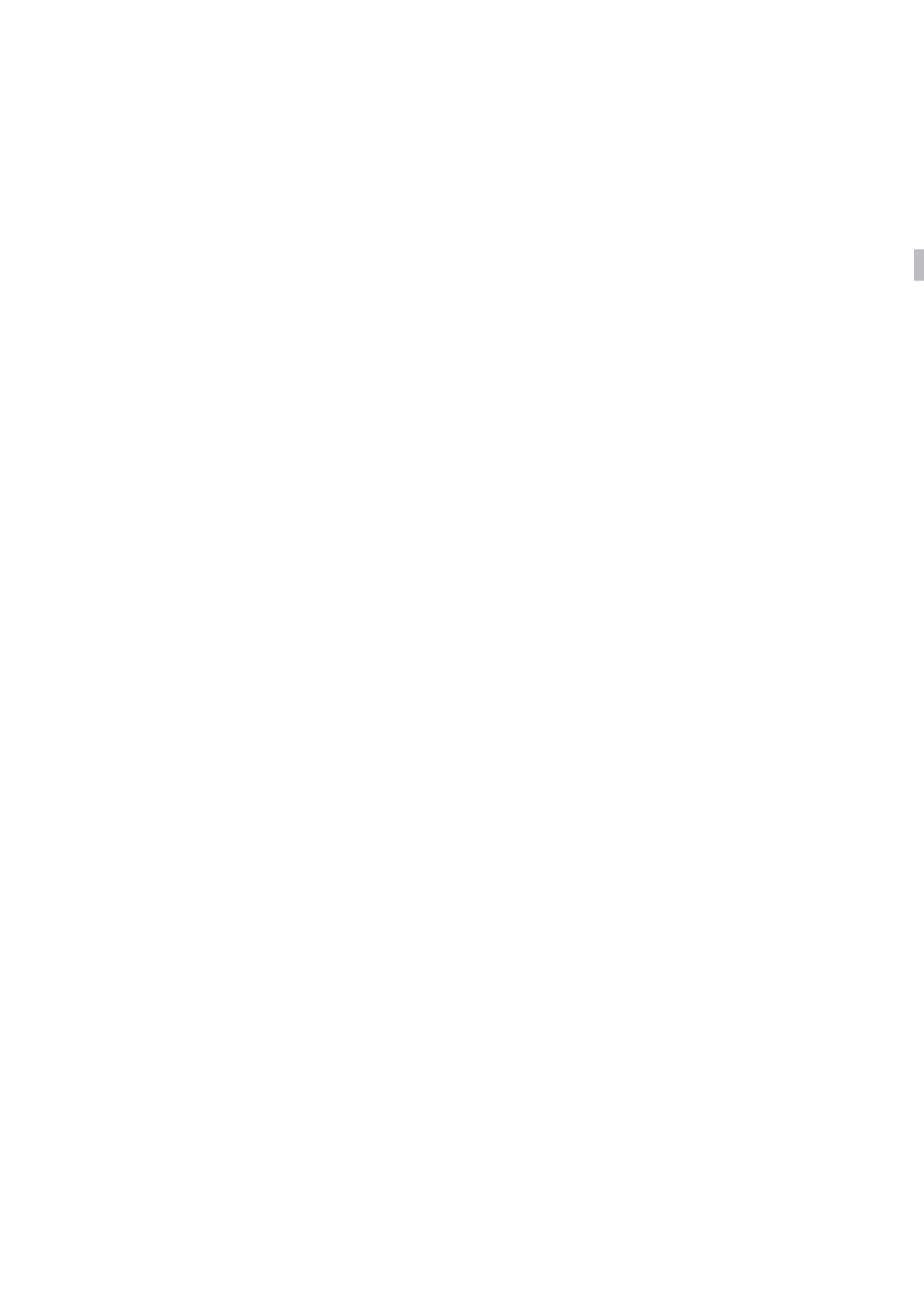
— Нет. Никого.

— А если бы даже и видел? Согласись, что и в этом случае могла бы иметь место галлюцинация. Не важно — ложная или истинная.

— Истинная всегда предпочтительней! Дискуссия излишня.

Но Черному Человеку приходилось довольствоваться своим барабанным духом в неоспоримо ложном статусе.

И вот теперь, после долгой (не скажу, что трагичной) разлуки и в разгар освоения Острова, дух правой барабанной перепонки возник в ухе чокнутого Че вновь — назойливым ворчунном возник, голосистым несговорчивым гельминтом.

Глава 8

КУПЛЮ ДОЖДИ ОПТОМ

Внезапно и бесповоротно прекративший свои вокальные практики Ямайчик перебрался с «Циклопа» на маяк. Вместе со своим оборудованием. Теперь он был загружен работой круглосуточно. Он даже забывал надевать шапочку из фольги. Что и говорить, он и обедать забывал. А если спрашивали его имя, долго думал и по-лошадиному встряхивал головой.

Корпеть Ямайчику было велено над телеграммами и трансляциями. А еще давал он объявления, куда только было можно. Рекламиривал эликсир, зазывал на остров переселенцев, пуще всего недолеченных петрификатов из бедных и обездоленных, которым лекарства были не по карману.

В рекламных роликах говорилось и о прекрасной природе, и о целительной силе гуано, и о дармовых благах, и о добром властелине.

Ямайчик жаловался на усталость, часто впадал в уныние, просил отпуска. Порывался петь, но лишь взвизгивал и кашлял. Он чах и худел. Даже обездоленная бородка проредилась малость. Юнга самолично доставляла ему усиленный паек с камбуза «Циклопа». Но черствому начальству было не до него. Тем временем вал телеграмм, писем, корреспонденций рос в геометрической прогрессии. И пусть бы рос, если бы у радиста были помощники. Но их не было, хотя и обещали прислать.

Особенно тяжело Ямайчику стало, когда подошло время устраивать быт народонаселения. Вот тогда-то остров окончательно погрузился в большое строительство. После кое-как построенного поселка петрификатов понаехавшие мастера взялись за возведение причалов вдоль дальних берегов. Берег трювантов не позволила трогать Агата.

— Через мой труп! — решительно сказала она Че и Айсмаусу. — Вы мне потом еще спасибо скажете. И больше ни слова!

Слова и впрямь не потребовались. Порт заложили в другом месте.

Стройка шумела от зари до зари, и вскоре на острове были добротные причалы, терминалы, склады и даже небольшое здание управы.

А на противоположном берегу, с изнанки острова, так сказать, тоже шло строительство. Но велось оно по возможности тихо, с соблюдением некоторой секретности.

В том месте, где кромка берега в час отлива переходила в желтую дорогу, установили большой металлический ангар с конусной крышей и высоким шпилем. Внутри допускались избранные — у дверей ангара дежурила суровая стража из бывших петрификатов-атлетов с прекрасными рельефными торсами и смуглой кожей. А в небе постоянно кружило несколько кажанов-разведчиков.

Че со своей маленькой свитой бывал здесь ежедневно. Нога болела все сильнее, отчего преодолевать дальние расстояния становилось проблематичным, и его доставляли на носилках четверо сильных мужчин. За носилками шла Агата, закрываясь от палящего солнца шелковым покрывалом, шитым золотыми нитями. Их встречали суетливые Гип и Гэп, которые и работали, и жили в ангаре, в дальнем углу, за занавеской.

Энергетическая установка — по виду железная бочка с застекленными окошками по бокам — занимала всю центральную часть помещения и была такой огромной, что пришлось прикреплять вокруг нее легкую винтовую лестницу.

Чече с Агатой взирали на установку, задрав головы. Они не давали никаких указаний, потому что, если сказать честно, ни хрена не понимали в этой конструкции. От своего бессилия Че брала оторопь и он становился угрюмым. Агата же, напротив, веселела, глаза ее сверкали и она ласково похлопывала Гипа по плечу.

— Дайте нам еще два дня. Два дня, и все! — пообещал задорно Гэп, свесившись вниз головой с огибающей установку лестницы, где он постоянно что-то прикручивал и присоединял.

— На воскресенье можно назначать пробный запуск, — продолжил за товарища Гип.

— Как пробный? — испугался Че.

Агата сжала его локоть и отвела в сторону:

— Да не волнуйся ты так. Все будет нормально. Я знаю это точно, — зашептала она. — Готовь гомункула на воскресенье. Уж не знаю, какие ты ему золотые горы посулишь, но не подведи.

Че сдвинул брови и нехотя кивнул.

* * *

Когда Айсмаус Кранцер, Великий и Ужасный, сопровождаемый пестрой свитой и стаей боевых кажанов под облаками, прибыл к ангару, уже близился закат. Воскресенье стремительно убывало. Вся неделя и целый день в придачу ушли на уговоры гомункула. В итоге он согласился, но закомандовал «сделать это незамедлительно».

— А то я могу передумать до утра, — предупредил он и велел снять с него корону и пенсне.

Чече сделал и то и другое дрожащими от волнения руками.

И вот час настал. Гомункула присоединили проводами к установке и стали ждать начала отлива. Все стояли молча и зачарованно смотрели на Айсмауса, зависшего близ одного из окошек машины.

Снаружи загудело море.

— Поехали! — радостно возвестили Гип и Гэп в два голоса и гулко щелкнули рубильниками.

Че содрогнулся от этого звука и увидел, как Кранцер мелко затрясся, закатил глаза, пустил слюни, а из его макушки вверх вырвался тонкий пучок синего света.

Больше Че ничего вспомнить не мог. Он рухнул в обморок при всем честном народе в самый разгар эксперимента. Впрочем, достаточно скоро очнулся. Агата шлепала его по щекам, приводя в чувство. Он лежал на полу рядом со своей тростью. Над ним висело довольное лицо Айсмауса уже без признаков эпилептического припадка. Однако над макушкой гомункула сиял синий свет на манер нимба.

— Кажется, мы ее запустили! — послышался голос Гипа или Гэпа. — Работает, голуба наша!

Когда вышли наружу, отлив закончился. Стихло. Дорога из желтого камня пролегла извилистой змейкой от берега вдаль. А над ней беззвучно сверкали алые зарницы.

Молчание нарушил Айсмаус ехидным смешком:

— Не знаю, что там с климатом, но бога эта установка нам создала. Получите, граждане!

Все обернулись к нему с немым вопросом.

— Ну что смотрите? Бог теперь у вас имеется местный. И это я! Эк меня прошибло! Прямо в каждой клеточке божественное во мне! Так я его и чую, так и чую! Так бойтесь же меня, бога вашего! — Голос Кранцера приобрел громовые ноты.

Петрификаты и матросы бухнулись на колени и воздели руки к небу, а точнее — к Айсмаусу. Кажаны пронзительно закричали, кружа в вышине.

В это время совсем стемнело. Светились лишь вспышки зарниц да синий нимб над Кранцеровой плешью.

* * *

Климатическая машина действительно работала. Гип и Гэп пребывали в абсолютной эйфории, они пели и смеялись, то и дело вызывая грозы, смерчи и ливни над заливом.

Вскоре Ямайчик начал принимать зашифрованные заказы на определенные погодные катаклизмы в определенных местах. Особенным спросом пользовались осадки у земледельцев. Жители пустынных районов покупали дожди вскладчину, делая стопроцентные предоплаты. Порой даже правительства аграрных стран заказывали ливни оптом. Первый заказ прямо с такой формулировкой и поступил. «Купим дожди оптом» — был текст радиogramмы откуда-то из прерий. Ямайчик чуть со стула не упал.

Так что дожди пошли крупными партиями.

Торнадо и смерчи также бывали весьма и весьма популярны. Их оплачивали воюющие стороны, используя в качестве ору-

жия против сил врага. Сотрудничали на поприще снабжения катаклизмами со всеми — своими и чужими, храня секреты и ведя правильную политику. К тому же кто свой, а кто чужой, обычно разобрать было чрезвычайно трудно.

Погодные заказы и их исполнение содержались в статусе государственной тайны. Деньги текли рекой. Над этим интимным процессом Айсмаус хотел поставить Че. А то кого же? Но Черный Человек отказался наотрез от новой должности министра климатических финансов, сославшись на тотальную занятость прочими архиважными функциями.

— Дурак ты, милый мой, — резюмировал Кранцер. — Хотел я тебе в руки полную власть вручить. Но не берешь. Посему дурак и есть. Ну да ладно. Тут другое на уме. Моём великом светлом уме. Для пользы народа острова учреждаю высшую касту старших петрификатов. Пусть те убогие, которых ты нашел в роще на аллейке и вымазал дерьмом первыми, станут нашей опорой. Построим им по комфортабельной хижине, раздадим должности. Пускай служат.

Выходя из тронной залы, Че подумал, что это прекрасная идея — создать собственную ручную аристократию. Удивительно только, что она исходит от Айсмауса.

В дверях башни маяка ему встретила Агата с красной колленкоровой папкой в руках:

— Я тебя искала. Вот служебная записка. В ней я предлагаю создать высшую касту старших петрификатов. Вчера ночью я уже говорила об этом Великому и Ужасному. Он, конечно, поднял меня на смех, и будь на моем месте кто-то другой, натравил бы кажанов за беспокойство. Но ты попробуешь его убедить. Суди сам. Колхозница может возглавить управление угожьями, Пионер вполне способен заняться финансами. Он грамотей, к тому же мальчик скромный, порядочный, пока скумекает, как воровать по-крупному, годы пройдут. А Механизатор пусть возьмет под крыло строительство и портовое хозяйство. У нас на разгрузке по два судна каждый день, а процесс пущен на самотек. Непорядок же. Но Дискометателя я себе забираю. Назначу начальником стражи. Пригодится.

Чече широко улыбался.

— Что в этом смешного? — немного обиделась Агата.

— Нет, нет. Ничего. Волшебная идея. И хижины надо им построить отдельные. Правильно?

— Откуда ты знаешь?

— Айсмаус только что сказал. Как замечательно, что к нашему гомункулу приходят такие гениальные мысли!

Они засмеялись.

* * *

Утром и вечером справляли молебны в честь Великого и Божественного. Пока храм строился, большой и величественный, белокаменный, с металлическим куполом в форме огромной головы на подносе, приходилось затевать крестные ходы вокруг башни маяка. С хоругвями и флагами. На них изображение Айсмауса сильно смахивало на голову Медузы Горгоны с волосами, похожими на змей. Но как намалевали, так и осталось. Кранцер не возражал, ему наверняка льстило, что его портреты навевают на подданных ночные кошмары. Обуреваемые неясными тревогами и страхами, они распевали гимны, которые на досуге кропал многогранный Модест. Получалось у него, по правде сказать, не очень. Но при подобном пении слов все равно никто не разбирал. Выходило сдавленное мычание, словно веряне пытались петь с кляпами во рту.

Изредка перед процессией возникал Божественный в окружении ангелов-кажанов. Шутки ради он кричал подданным:

— Кто тут у меня ведет крамольные беседы? А ну-ка признавайтесь! Не то казнь последует незамедлительно. Вампиры проголодались!

Кажаны, как на грех, снижались и медленно летали над самими головами верующих. Некоторые не выдерживали и падали без чувств. Айсмаус хохотал. И его хохот все больше напоминал кровожадное курлыканье кажанов.

Во главе крестных ходов обязательно должен быть предводитель. Кто-то должен собирать народ, прокладывать марш-

рут, обеспечивать стопроцентную явку. Кто-то должен отдавать распоряжения и следить за непокорными. В данном случае сию трудную долю приняла на себя маленькая Тея. Совершенно добровольно, еще до того, как идея молебнов родилась в других начальственных головах. Она смело явилась однажды утром в тронную залу и пискляво провозгласила Айсмауса Богом народа острова.

— Я уверовала в нашего милосердного и всемогущего. И убоялась его. И могу служить ему и понуждать других к служению, — сообщила она удивленному Кранцеру.

Он подумал немного, переварил предложение принцессы, криво улыбнулся, отчего его качнуло в сторону. Затем он подлетел, изловчился и чмокнул Тею в лоб.

Девушка выбежала из башни маяка с восторженными воплями:

— Господь наш, Владыка небесный, благословил меня на служение!

С той минуты пошло-поехало. Теперь народу стало недосуг. Чуть что — сразу собирались у строящегося храма и пели гимны расстроенным хором под чутким предводительством заносчивой Теи. Только всем было наплевать, как звучит это пение. Главное, никто не смел ослушаться и пропустить молебен без уважительной причины, коей являлась сугубо смерть либо близкие к ней состояния телес.

Глава 9

ДРЕЙФУЮТ ВСЕ!

Капитан-гарпунер Модест в сильной тревоге высадился на борт фрегата для секретного randevу с капитаном Флудиком.

Сиреневая рань кисельно растеклась по бухте, берегам острова и небу. Всё выглядело безмятежно. Флудик вышел к гостю в одной рубашке, сладко потягиваясь и дыша теплым ароматом кофе.

— Что привело вас ко мне? — спросил он, позевывая.

— Я чрезвычайно обеспокоен. И для этого есть серьезные основания.

— Что уже стряслось? Неужели в этом райском месте могут быть неприятности? — искренне удивился Флудик.

— Еще какие! Мне кажется, остров меняет координаты. Вот я и приперся к вам, чтобы вместе проверить. Вдруг моя астролябия врет. Хотя тут другое. Солнце. Все дело в Солнце!

— В Солнце?

— Да. Оно встает с некоторых пор с другой стороны. Понимаете? Юг и восток поменялись местами!

Флудик бросился к борту и воззрился на солнце.

— Вот ведь незадача! — только и мог вымолвить он.

Конечно, достали приборы, определялись по секстанам, привели в действие гирокомпасы. Пожилой штурман возбудился и в сердцах сорвал с себя напудренный парик, которым, видимо, гордился. Но теперь было не до париков. Остров оборвал якоря!

— Вы таки правы, дорогой Модест! Это, конечно, странно, но остров изменил координаты. Он медленно движется.

— Остров лег в дрейф, — драматически прошептал Модест и ударил себя ладонью по лбу. — Не зря, ох, не зря бесконечно сверкают зарницы и гроыхает на том берегу. Я чувствовал, что этим кончится!

— Нужно доложить Премьер-министру. Пусть у него голова болит, — резонно предложил Флудик.

Модест на это лишь тяжко вздохнул.

* * *

Чече был напуган. Флудика он бы не слушал, но он безоговорочно верил Модесту. А Модест твердил, что остров идет на север. Модест уверял, что чудесный остров, райское пристанище, может погибнуть: разломиться на части или вообще уйти под воду.

А зарницы все сверкали — конвейер по производству погодных явлений не останавливался ни на час.

— Может, к черту бизнес на климате? Уже ведь и так прилично подзаработали. Да неровен час, выплывет наружу наше секретное производство. Многим известно... Свернем и забудем, как страшный сон? — предложил Че Агате дрожащим голосом.

— Святой Айсмаус с тобой! Разве мы вольны? Народ молится на нас, пока доказывается божественность гомункула и наша с тобой заодно. Хочешь предстать перед островитянами, зажатými в тиски новоявленной религии, в своем естественном беспомощном виде? Народонаселение сильно выросло. А боевых кажанов на всех смутьянов не хватит. И в лучшем случае тебе придется бесконечно собственноручно день за днем вымазывать в гуано прибывающих петрификатов, которые забывают о таких благодеяниях на третий день после выздоровления. Так что не выпендривайся лучше. Будем и впредь отгружать климат на экспорт. А остров... Остров пускай дрейфует себе помаленьку. Сегодня здесь, завтра там. Разве плохо? Легче будет улизнуть. Нынче дрейфуют все. А заметим неладное — есть для нас отличный фрегат и китобоец на худой конец. Отчалим в миг. Где наша не пропадала?

— Агата! А народ?! — вскричал Че, обхватив голову руками.

— Не драматизируй. Народы вечно расплачиваются за все на свете. Разве спасешь такую пропасть людей? Встряхнись и пой, драгоценный Премьер-министр! Все же пока хорошо.

— Ключевое слово — «пока», — простонал Че.

— Неа, ключевое слово — «хорошо», заруби себе это на носу, — засмеялась колдунья.

* * *

Элегантный и роскошный фрегат «Некст» и выдавший виды, изрядно потрепанный китобоец «Циклоп» легли в дрейф близ острова, чтобы исследовать его загадочное движение. Скорость, направление, зависимость от погоды и зависимость от деланья погоды. Нужно было знать хоть что-то. Агата велела тщательно вести записи показателей приборов. Круглосуточно и со всем умением и рвением.

Не слишком усердный капитан Флудик заперся в каюте со знатной петрификаткой Девушкой с веслом, предоставив наблюдения штурману в парике. Штурман побурчал немного и принялся за работу, бережно сняв парик и повесив его на гвоздик в переборке.

Смех Девушки днем и ночью доносился из капитанской каюты. Он был то искренним, то деланным. Но всегда по привычке угодливым. Весло свое она выбросила в море давно, как только перестала помогать Юнге соскребать гуано с камней. Потом ей выдали ключи от отдельной хижины и аристократическую тогу. Девушка с веслом оказалась Девушкой с шармом. Шаловливо-му Флудиду она приглянулась. Юнга без сожаления отпустила напарницу (считая ее глупой и пошлой), как только добыча гуано практически прекратилась.

Впрочем, каждое утро Юнга брала свою шлюпку и спускала на воду, словно собиралась на промысел. Даже «дерьмовые» инструменты брала с собой. Но к берегу шлюпка не причаливала, а ложилась в дрейф где-то между «Некстом» и «Циклопом». А Юнга ложилась навзничь на дно лодки и открывала солнцу глаза. Белый раскаленный свет обильно и больно заполнял все тело. Оно становилось горячим и свинцовым. С Юнгой в качестве балласта лодка дрейфовала. И ничто не мешало Юнге мечтать. Она думала о Че. О ведьме Агате. О вероломной Тее.

Думая о них, она все спокойнее относилась к Агате и все больше злилась на Тею. Потому что эта выскочка посмела отвергнуть самого лучшего из людей. Злилась Юнга сильно. Откровенно говоря, просто была в бешенстве. И планировала, каким образом она расправится с этой замухрышкой, у которой никак не могли отрасти волосы.

— Лысая, а туда же, — бурчала Юнга. — Бреет свой голубоватый черепок и ходит теперь в розовой рясе главной жрицы. Убожество. Водит хороводы с этими тупыми верянами и бегаёт к трону, как на срачку, — лижет жопу Великому и Ужасному. У него, правда, жопы нет, но она умудряется лизать, что есть. Мерзавка.

Волны мерно качали шлюпку. Где-то вдалеке кричали кажаны. Возможно, сегодня они казнят кого-то за здорово живешь. Они вырвут ему глотку, а потом выпьют его кровь, а труп выставят на обозрение, чтобы остальным не повадно было. Но это ничего. Жизнь идет своим чередом, и если вести себя осторожно, то проживешь еще долго. Не для того же тебя полудохлой привезли на этот остров, чтобы быть загрызенной местными мутантами. Тебя привезли лечиться и служить. Нужно благодарить, проявлять послушание и верить в Святого Айсмауса, мудрого и милосердного...

...Юнга засыпала и просыпалась, говорила и молчала. Грёза мучила и ласкала ее, то улетучивалась, то захлестывала. Рыжая Юнга вся была в ее власти. И зыбкий дрейф никогда не заканчивался.

— Обрить и мне голову, что ли? Буду, как Тея. Или отрасить патлы, как у стервы Агаты? Возможно, тогда Че обратит на меня внимание?..

* * *

Агате очень нравился всеобщий дрейф. Она ощущала его как удачное бегство от наступающих на пятки врагов. «Как все это вовремя началось, — думалось ей среди растущих и размножающихся тровантов. — Гений Дица велик и неиссякаем! Мы еще

и малой толики не поняли о его машине. А города и страны уже молят о пощаде. Засухи, наводнения и тайфуны нашего производства всех утомили и замучили. И то ли еще будет! Добрая половина человечества ищет подходы, чтобы с нами договориться или, что вернее, нас поскорее уничтожить. Но мы почти неуязвимы — вращаемся в океане, как планета в Галактике, и в ус себе не дуем. Пальни в остров самой мощной ядерной ракетой — и, пожалуй, что не попадешь. Это есть спасение. Вот хороши взрывающиеся трованты, но только не спасут они от авианосцев. И конечно, фрегат не спасет, куда там! Ничего не спасет. Однако авианосцев нам у острова не видать. Побоятся, небось. И правильно — откуда им знать, что у нас на уме и какова на самом деле мощь волшебной машины Фон Дица? Возможно, она способна вообще взорвать весь этот сумасшедший мир. Сумасшедший, но трусливый. Сидят толстосумы в своих бункерах и трясутся от страха. Их страх — лучшая наша защита. Впрочем, когда-нибудь, конечно, миру это надоест и они пойдут ва-банк. Ну а пока правительства будут слать умиротворяющие радиogramмы, проситься на переговоры и платить много больше заказчиков катастроф, чтобы этих катастроф не случалось. Все идет по плану, дети мои каменнокожие! Милосердный исцеляющий остров только набирает силу».

Трованты настырно терлись о ноги Агаты, а она гладила их глянцевые бока, вызывая в их алхимических утробах звуки, похожие на урчанье сытого зверя. Остров любил колдунью и был благосклонен к ней всеми своими тварями. А она любила остров, который вручил ей себя в подарочной упаковке. Она любила его, как королева любит свой великолепный двор, потому что без интриг двора не бывать могуществу королевы.

* * *

Дворец и храм наконец достроили. Но Айсмаус Кранцер наотрез отказался переселяться. Это случилось однажды на вечерней заре, когда Чече привел в тронный зал башни маяка Механизатора с докладом.

— Не-е-ет! Ни за что! У меня болит все тело! Все мое бедное изувеченное тело! Руки, ноги, хвост и задница! Его отрезали от меня, вышвырнули на помойку, как сраную тряпку, но оно все равно болит! Вот беда-то! — Гомункул орал так громко, насколько позволяла его неполноценная глотка.

Че шепнул Механизатору:

— Падай ниц, дружище! Не ровен час, свистнет — тогда нам конец.

Но Великий и Ужасный внезапно умолк и сказал почти ласково:

— Ладно. Буду жить неделю здесь, а неделю во дворце. По моему, хорошо я придумал!

— Замечательное компромиссное решение, Ваше Величайшество, — поспешил заверить его Че.

— Ты меня своими хитрыми словами не путай. Я и без них все смекаю, так и знай. А будешь умничать, казню кроваво! Велю отрезать тебе голову! Безо всяких последствий, чтоб не мучился. Я же добрее тебя. А ведь ты мне должен по гроб жизни — ты мне задолжал мою смерть! А я вот просто отрежу тебе голову и велю закопать на заднем дворе. Может, и ты станешь богом? Я вот ни за какие коврижки не променяю свою божественность на жалкое человечье тело! — Он расхохотался и от этого начал бесконтрольно наматывать круги под потолком залы. — Ты мне теперь не нужен. Я прекрасно обхожусь без посторонней помощи. Морские купели меня укрепили и просолили. И нет сильнее меня на свете белом. Понял, дурак? — снисходительно спросил Айсмаус в завершение речи, спустившись к самому носу Че.

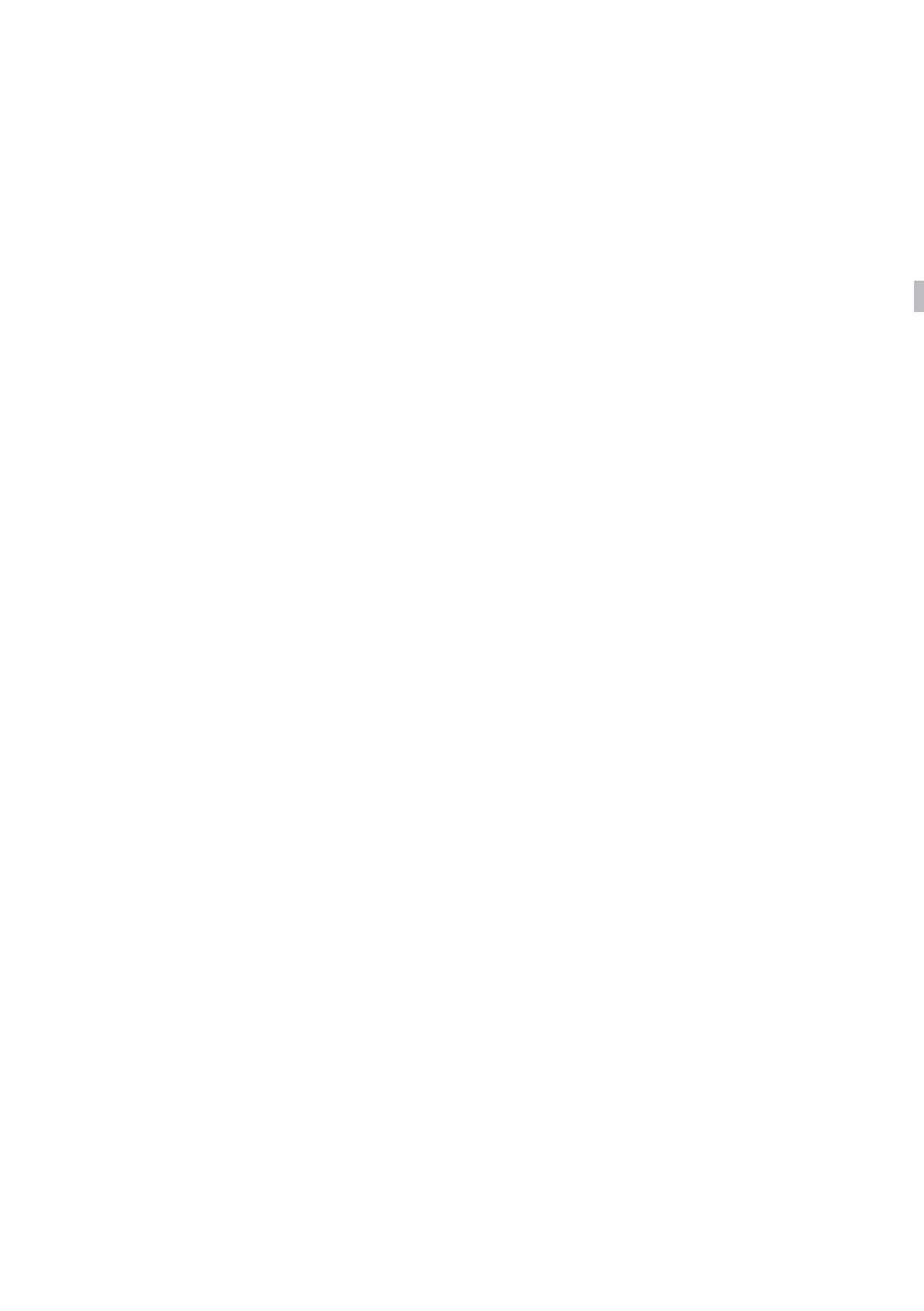
Кровь отхлынула от лица Премьер-министра. Ему даже показалось, что губы гомункула сложились трубочкой в готовности свистнуть кажанов. Если бы не локоть Механизатора, так бы и рухнуть ему без чувств. Но товарищ схватил Че за шиворот и живо вытолкнул обомлевшего шефа за дверь.

Глава 10

**НЕ СПЯТИТЬ БЫ
НА РАДОСТЯХ!**

Флудик, великолепный щеголь и неудержимый сибарит, повадился разнюхивать разные сплетни и тайные перешептывания с помощью своих праздных матросов. Лазутчики шныряли среди народа и подслушивали, чтобы потом было что доложить капитану. Правда, одним рыпом они частенько забирались в шикарные хижины начальственных петрификатов и тырили, что плохо лежит. На то они и пираты — кто посмел бы обвинить их в несоответственном поведении?

Так вот, шпионы Флудика постоянно твердили ему о наглости и жестокости Ее Святейшества принцессы Теи. По единодушному мнению островитян, именно она обладала теперь властью, сравнимой с властью самого Великого Божественного. По ее приказу инакомыслящих объявляли на проповеди в храме больными на голову и отправляли полечиться на «Циклоп», где правил бал отпетый циник Санитар, прибравший к рукам чересчур интеллигентного Психиатра.

Что происходило с несчастными в плавучем дурдоме, капитана Флудика не интересовало. Его занимала с некоторых пор лишь Тея. Он посылал ей подарки — один другого ценнее. А также бывал у нее с визитами, являясь во всем блеске платья и обаяния.

«Не быть мне капитаном флибустьеров, если я ее не обра- таю. Женюсь и подомну под себя весь остров в итоге», — клялся он утром и вечером.

Однако Тея (тоже во всей красе роскошного ритуального одеяния и во всей скромности прозрачного облачка пытающихся отрасли волос вокруг круглой маленькой головки) сперва не слишком привечала капитана. Она придирчиво рассма- тривала его перстни и броши, часы с камнями и самоцветные запонки. Благосклоннее она относилась к потоку изысканных

комплиментов, хотя и отвечала молчанием. Но когда он вкрадчиво произнес заветные слова: «Сделайте мне честь — станьте моей женой!», — она вскинула глаза, подняла брови и задумалась на добрых несколько минут. Флудик кряхтел, мялся, но не смел мешать ей взвешивать преимущества такого альянса.

— И вы не станете вмешиваться в мою политику, пока я не попрошу об этом? — наконец спросила она усталым голосом.

— Как пожелаете, дорогая миледи, Ваша Святость! — скрепя сердце пообещал капитан.

— И я всегда главная. Чур, мое слово — закон! — добавила она, по-детски задрвав подбородок.

Флудик поклонился с полуулыбкой титана.

— Не скрою, — вдруг созналась она. — В достойном союзе мне не будет так одиноко. Нужно попросить Премьер-министра провести церемонию. Не могу же я сама заключать собственный брак. И займу для нас поскорее западное крыло дворца, как первая придворная дама. Его Божественность, думаю, не будет возражать.

На борт «Некста» Флудик возвращался почти вприпрыжку.

* * *

Весть о помолвке Теи и Флудика разнеслась по острову в один короткий миг. И все поняли, что быть празднику — с вожделенным запретным в другие дни алкоголем, с танцами и прыжками через костры, разбрасыванием мелкой монеты и гуляниями до зари. Быть празднику, на котором петрификат будет равен петрификату, островитянин — островитянину. Кроме сильных и главных, кроме богатых и знатных. Они не согласятся стать вровень с бесшабашным народом. Но ведь это такие мелочи, не так ли?

Чече, к которому пришли просить о церемонии бракосочетания, согласно буркнул в ответ и снова уткнулся в свои записи. Ему и в голову не пришло доложить о столь значимом событии Айсмаусу. Впрочем, Тея уже сбежала к трону и поделилась с гомункулом радостью.

— Это же весьма и весьма важно, когда духовный лидер общины, ее пастырь, так резко меняет жизнь к лучшему, — убежденно сказала она.

— Вот и я о том же, дорогая, — с готовностью подтвердил Кранцер.

Правда, глаза его бегали — он никак не мог сообразить, хорошо или плохо повлияет на него лично свадьба его любимицы? И, как только Тея удалилась, он призвал Агату и Черного Человека, раздосадованного отвлечением от дела.

— Ну, что вы об этом думаете?

— А что тут думать? Любовь, наверное, — промямлил Че, весь в своих мыслях.

— Любовью тут и не пахнет, — заявила спокойно Агата. — Одна политика. И борьба за влияние на острове. Вдвоем они будут вдвое сильней. Если им удастся и впредь договариваться. Надеюсь, что все это во благо. Тем более, что не вижу тихого способа помешать. Начнем противодействовать — только шуму наделаем, а цели можем и не достигнуть. Стабильность пока важней. Пусть себе женятся. Все равно потом перегрызутся. Мы поможем, если что.

Че удивленно посмотрел на Агату. А Великий и Ужасный все равно ничего не понял.

* * *

Перед бракосочетанием Флудика и Теи на острове нарастало радостное возбуждение. Островитяне жили в нетерпеливом ожидании. Даже производство смерчей и штормов приостановили на время празднеств.

Чаянья каждого усилились и обострились в предвкушении грядущего.

Высокопоставленная невеста с особым рвением проповедовала богобоязненную нравственность в храме и водила вокруг него крестные ходы, как хороводы.

Исстрадавшаяся Юнга немного успокоилась от перспективы избавиться от соперницы, но страшно завидовала, кусая губы.

А жених пуще прежнего предавался плотским утехам на фрегате в компании симпатичных петрификаток с задворок острова.

Агата сочиняла пафосную речь для церемонии. Потому что Чече проявил непоследовательность и отказался сочетать браком свою бывшую возлюбленную и уступил эту честь колдунье. Та согласилась и даже придумала венчать молодых на желтой дороге во время отлива, что по мнению многих было символично. К тому же — просто красиво. Да и дешево, по правде говоря.

Лишь на «Циклопе» царила крошечная тоска. Модест больше не высаживался на берег и начал петь тягучие, мотающие нервы песни. Они разносились повсюду: достигали побережья, фрегата, порта, судов у причалов. Их слышали на маяке, в хижинах петрификатов, по всей округе. Заунывные звуки вспарывали знойный воздух и висли над бухтой и над маяком, застревали и таяли эхом где-то за дальними холмами. Модест, видимо, вкладывал в них всю свою неизбывную боль.

Многим приходилось затыкать уши ватой. Один только радист Ямайчик поневоле заслушивался и неоднократно порывался подпевать Модесту во все горло. Но соседи грозно показали ему большой волосатый кулак и он сразу притих.

Сначала горемычного капитана «Циклопа» просили песнопения прекратить, присылали гонцов из дворца, уговаривали, но он был неумолим. Со временем все привыкли и перестали вопрошать, что же такое случилось с капитаном-гарпунером накануне свадебного веселья?

А случилось вот что. Во-первых, Юнга в порыве жестокой откровенности и бессмысленного раздражения сказала ему:

— Я тоже предложу Че брак со мной. Разве я не женщина? И женщина не без влияния и заслуг. Разве я мало вкалывала для этого острова проклятущего? Пусть только посмеет меня отвергнуть на этот раз. Не посмеет — он нуждается во мне. Необходимо его только чуточку подтолкнуть.

Модест поверил ей, сошел с лица и побрел в рубку с поникшей головой. Это было во-первых.

А во-вторых — на него подействовала ограничительная психиатрия, подмявшая милосердие на китобойце. Не мог капитан без содрогания смотреть на издевательства над местными диссидентами. Их держали вместе с буйными, морили голодом и жаждой в перевоспитательных целях, пичкали зельями, от которых их рвало и лихорадило.

Последней каплей стало задержание и помещение под стражу задиристого и принципиального Пионера. В трюме мест уже не было, и юношу бросили в звериную клетку на палубе. А что он сделал? Вышел на площадь во время ярмарки и при всем честном народе заявил о растратах и воровстве средств из государственной казны. Разумеется, он не успел раскрыть ни одного имени из виновных. Его мгновенно скрутили, заткнули рот, связали и спешно объявили душевнобольным.

— Да, да, бедный мальчик, переутомился на казначейской службе, плюс бывают осложнения после изотопа и в таком роде. Поди ж ты — от петрификации вылечили, а голову не уберегли, и целебное гуано не помогло, — заговорили островитяне с сочувствием.

И капитан-гарпунер не вынес горя — помешался или тронулся умом (это уж как вам угодно). Начал петь и во всеуслышание вещать о том, о чем все знают, но говорить вслух стесняются. Конечно, эти бредни никто не слушал и люди стали обходить Модеста десятой дорогой. Вот он и замкнулся: подолгу просиживал у клетки Пионера, принося узнику воду и хлеб, шептал и бормотал нечленораздельно, а потом заводил песню, похожую на вой и рев шторма. Заслышав ее, к «Циклопу» спешили киты, акулы, дельфины и прочие рыбы и гады морские. Они выныривали в беспокойстве. На их мокрых лицах был испуг. Модест величаво простирал руки над волнами, стоя у борта, и пел еще громче. На висках надувались жилы, раздвоенный подбородок синел, а глаза выступали из орбит. Пионера и других пленников песни очаровывали, как голоса сирен. Они плакали навзрыд и им становилось на время легче.

Скоро остров привык к буйным песням Модеста, как мусульмане привыкают к муэдзинам. Они стали даже необходи-

мы. Без них в этом раю было бы все слишком безоблачно, а так просто не бывает на свете.

* * *

Церемония бракосочетания заняла всего полчаса. Невеста была в нежно-розовой пене кружев. Густая фата заменила ей волосы. Жених криво усмехался, глядя на алтарь из цветов на желтой дороге. Произнесли клятвы, недлинные речи, обменялись кольцами, испили лучшего вина из личных запасов Флудика. Не целовались — невеста заранее предупредила, что этого не будет. «Все и так сплошная пошлость», — была категорична она. Жених согласился без возражений и споров. И обряд прошел без сучка, без задоринки. Приглашенные всплакнули от умиления. Возвращались на остров уже по щиколотку в воде — начался прилив.

Когда молодые появились на ступенях храма, чтобы принять поздравления островитян, начались народные гулянья и свадебный пир во дворце.

Агата выполнила свою миссию и хотела ретироваться, но расфуфыренная и нарумяненная Колхозница под руку с Девушкой (уже без весла) преградили ей дорогу:

— Куда же вы? Не годится посаженной матери сбегать с банкета, — пожурила Колхозница.

— Я только поискать Премьер-министра. Что-то его нигде не видно, — оправдалась Агата и все-таки удалилась.

Она нашла Чече в тронной зале. Вернее, услышала его голос и голос гомункула. Остановившись у приоткрытой двери, колдунья решила послушать.

— Посмотри на меня! Я плохо выгляжу — посерел, сморщился, как кора дуба. Сделай что-нибудь, ты же лекарь. Или ведьму попроси, пусть поколдует, — канючил Айсмаус, а его нимб слегка потрескивал.

— Я постараюсь, — не вполне уверенно пообещал Че. — Нужно подумать, поднять записи... Не волнуйтесь, мы что-то придумаем. Не может быть, чтобы не придумали.

— А я и не волнуюсь. Я вообще не боюсь смерти. Я Бог! И этим все сказано. Меня убить труднее, чем обреченному выжить. Но нельзя же, в самом деле, давать повод к сплетне.

Агата дождалась Чече.

— Неужели он может погибнуть? — схватила она его за рукав.

— Не думаю, усохнет, ужметя, превратится в тсантса с кулачок. Возможно. Но совсем не умрет. Его не так легко убить.

— Ну да, он же бог..

* * *

На площади перед дворцом гудела толпа. Гул заглушал даже песню Модеста. Почти заглушал.

Ждали представления комедиантов и скоморохов. Еще ждали дармовой выпивки и дождя монет с балконов. Вместо этого на центральный балкон вышли розовые кружева. За ними торчала элегантная фигура Флудика. Кружева подняли рукав для тишины и начали хорошо поставленным голосом:

— Маленький, но героический народ острова! Обращаюсь к вам, о достойнейшие сыны и дочери Ковчега! История человечества до сих пор не знала такого невероятного терпения, трудолюбия и чести, какими наделен каждый из вас! Я не должна была говорить сегодня. Сегодня я невеста. Но, простите меня, не удержалась. Меня просто распирает от гордости за вас, за всех нас, за наш великий остров! Ну и конечно за то, под каким бесконечно мудрым началом мы здесь созидаем. Его Божественность всегда и везде с нами, он могуч и милосерден. Как величайший Бог во Вселенной — наш Бог! Вокруг острова день ото дня сгущаются тучи, враги не дремлют, они точат свои кинжалы и мечи, заряжают свои орудия. Они скоро пойдут на нас войной. Но мы готовы! У нас есть наследие гениального Фон Дица и сила дороги из желтого камня. Мы уничтожим вражеские эскадры и спасем наш дом от злобных посягательств! Наше дело правое! Победа будет за нами!

Толпа взревела от восторга. Многие рыдали и сморкались, некоторые падали на колени. В воздух то и дело взлетали десятки шляп, панам и чепцов.

Люди на площади так увлеклись, что не заметили, как растаяли розовые кружева на балконе и заиграла веселая музыка.

* * *

Когда луна уже полновесно висела над гаванью, а на площади устали веселиться и уснули, Айсмаус полетел купаться в море. Нанырившись и нарезвившись с кажанами, гомункул по старой памяти приземлился на палубу китобойца.

Модест сидел на корточках у клетки Пионера. Они держались за руки через прутья решетки и тихонько разговаривали.

— Приветтики, — сказал Айсмаус громко, чем немало смутил приятелей.

— Добрый вечер, Ваше Величайшество, — насмешливо ответил Пионер.

— Это ты воешь без конца, Модест? Мне сказали, что ты сбрендил совсем. Это правда, что ли?

— Наверное правда, — вздохнул Модест. — Пою, радую людей. Могу еще истории рассказывать, если найдется кому слушать. Если кто согласится.

— Значит, поешь ты без согласия, а рассказывать будешь по согласию?

— Выходит, так. Мои песни и без согласия людям нужны. Люди несчастны, а с моими песнями они хотя бы знают об этом.

— Странная теория, — заметил Кранцер.

— Ничего странного! — вмешался Пионер. — Народом правят выродки вроде вас, а он терпит.

— Погоди, друг мой, — возразил ему Модест. — Перед нами самое несчастное существо на свете. Суди сам. Его лишили всего, даже законной смерти. И заставили функционировать. Нацепили пенсне, нахлобучили эту светящуюся шляпу. И будь любезен... — Модест в задумчивости потирал свой амбивалентный подбородок.

— Шляпу? — удивился гомункул. — Хм... Никогда не считал, что мой нимб похож на шляпу. Странно...

— Бедный, бедный Айсмаус! — Модест воздел руки к небу. — Прошу снисхождения для него, хоть он и виноват во многом. Защити его, Господь всемогущий!

— Хм... Давно меня никто не называл просто Айсмаусом... И не молился за меня. На меня молились — это было. Но чтобы за меня... — Губы гомункула сами сложились в трубочку и он тихонько присвистнул, выражая изумление.

В тот же миг с неба камнем упали два огромных кажана и впились в горло Модеста. Капитан-гарпунер схватил летучих стражей руками и отбросил прочь от себя. Он был все еще ловок и силен.

— Назад, назад, детишки! Я не то имел в виду, тупые ваши бошки! — вскричал Кранцер, кружа над истекающим кровью Модестом.

Пионер тянулся из клетки, чтобы зажать раны капитана, но никак не мог достать.

— Убийца, убийца, кровавый упырь! — кричал мальчик, залезываясь слезами.

Айсмаус был весь забрызган кровью. Его багряное лицо носило липкую маску страха. Когда Модест испустил дух, а Пионер упал без чувств в своем узилище, гомункул с протяжным воплем бросился за борт. Он бултыхнулся в черную воду и долго не выныривал.

И только к рассвету он с траурным видом появился в тронной зале и велел никого не принимать под угрозой смертной казни.

* * *

Хандра Великого и Ужасного длилась и длилась. Крадущиеся мимо запретной двери слышали звуки сдавленных рыданий. На третий день Чече решился войти в залу. Не оставивший хозяина Пыжик, увидев Премьер-министра, крикнул с облегчением и упорхнул в форточку.

— Предатель... — буркнул Айсмаус ему вслед.

— Чудесно выглядите, Ваше Величайшество! Порозовели, посвежели и свечение нимба выровнялось. Чудо просто как хороши! — воскликнул Че, неподдельно обрадовавшись переменам в гомункуле.

— Я трагически потерял единственного друга, которого только что нашел. Мне не до внешнего вида. И я сам его убил. Случайно. Случайно, но убил. А мне нужен был настоящий юродивый. Какой же владыка мира без юродивого? И тут он появился. Трепался почем зря, резал правду-матку с налетом маниакального бреда, чтобы никто не брал в голову. Ценный экземпляр. А я его убил. Убить меня за это мало, — сокрушался Кранцер. — Да еще и выкупался в его крови. Кровопийца.

— В крови? Кровь... кровь для вас целебна, — догадался Чече и голос его дрогнул от восторга. — Если станет хуже, потребуется ванна из теплой людской крови.

— И ты кровопийца. Мясник кровожаждущий, — констатировал бесстрастно Великий и Ужасный, закатив глаза.

И тут же задорно добавил:

— Но как же это весело! И наполняет существование дополнительным смыслом.

— Вы меня пугаете, коллеги, — засмеялась вошедшая Агата. — Замыслили кого-нибудь убить? Негодяи какие — бр-р-р! Никогда такого не было — и вот опять.

Глава 11

ЯЗЫК МОЙ — ВРАГ МОЙ

В последнее время Черный Человек совсем расхандрился. Все меньше внимания уделял делам государственным и все чаще бродил среди тровантов, рисовал посохом на песке нечто несуразное и вспоминал то, что нужно было бы начисто забыть.

Его тревожило многое. Например, Ямайчик докладывал о созданной недавно Коалиции Страждущих Народов, которая должна была возглавить войну против острова. Пока дальше озабоченности и обеспокоенности в речах деятелей Коалиции не шло, но ничего хорошего это не предвещало.

Еще Че удручала нелепая гибель Модеста. Премьер-министр украдкой утирал слезы и пуще прежнего кручинился, когда думал о целебных кровавых ваннах для Айсмауса. Такая людоедская бальнеология могла вывести из равновесия кого угодно. Че никак не мог придумать способ получения достаточного количества крови без умерщвления граждан свободного острова. Разве что развернуть донорские пункты и награждать доноров экскурсиями на машину Дица. Пока это были всего лишь мысли, и мысли не вполне здравые.

Как-то, придя в состояние глубокой депрессии, Че решительно распахнул дверь в тронную залу прямо с утра и заявил, что подает в отставку с поста Премьер-министра.

— Я все равно мало что решаю на этом острове. Так пусть Агата принимает дела. Она хоть колдовать умеет.

Когда гомункул услышал эти слова, он не на шутку срейфил, о чем свидетельствовали не в меру выпученные глаза и губы, сами собой стремящиеся сложиться в трубочку для свиста. Премьер-министр уже готовился послужить первым донором для оздоровительной процедуры Айсмауса, но тот пришел в себя и только заплакал от бессилия:

— Все меня бросают! Модест умер. Теперь и ты, мой старый друг, мой создатель, хочешь сойти с дистанции. Когда еще столько дел на острове и без тебя ничего не выйдет! — Эти слова звучали так искренне, что Че устыдился своего малодушия.

Однако Айсмаус подумал немного и добавил с сатанинским прищуром:

— Но если ты не хочешь приносить пользу на службе, принесешь пользу для меня лично. Я приговорю тебя и окунусь в твою кровь. Правда, клево придумано?

Черный Человек выскочил из залы, изрядно вспотев и с перекосенным от ужаса лицом.

— Так выглядит незаемимость, — засмеялась все слышавшая Агата. — Что, не отпускает начальство на пенсию? Бедный Че. Терпи, что ж поделать?

* * *

У Чече на острове было два укромных места. Подвал Дица и маленький темный грот неподалеку от пляжа тровантов. Об этом гроте вообще никто не догадывался. Так думал Че. А вот Юнга думала иначе — она была убеждена, что должна знать о каждом шаге любимого. И выследила его как-то на закате.

— Здесь я тебя и настигну, — услышал Че веселый голос Юнги, едва присев на камень внутри уютной пещеры.

Несколько юных тровантов бросились врассыпную прямо из-под ног.

Красиво причесанная и аккуратно одетая в короткое платье, девушка предстала перед ним, излучая элегантность из всех сил.

— Хорошо, что это ты, — пробубнил Че.

— Рад меня видеть? — чуть не захлебнулась Юнга от радости.

— Нет, просто то, что меня нашла именно ты, — не худший вариант. Есть надежда на дальнейшую секретность. Не хочу афишировать, понимаешь?

— А пускай это будет наше место, согласен?

— У меня есть выбор?

— Неа.

— Тогда пускай, — вздохнул он. — Даже хорошо, что пришла. Давно меня одолевают раздумья, откуда такая мощь в нашем острове? И почему только здесь работает машина Дица? Тебе это интересно?

— Мне интересно все, что интересно тебе, — заверила Юнга и уселась рядом с Че.

Трванты шуршали у стен, создавая иллюзию компании единомышленников.

— Мне кажется, что все мироздание целиком существует в одном единственном мгновении. Оно как ослепительная вспышка, как взрыв. Такой силы, что находящиеся внутри ничего не ощущают. А волны во все стороны от взрыва — это и есть мы и все сущее. Все со всей нашей памятью, озарениями, болью и бедами. Понимаешь? — Че смотрел в глаза рыжей девушке и знал, что она его поймет.

— Ты думаешь, что времени как такового нет?

— Хороший вопрос. Конечно, никакого времени нет и быть не может, а есть продленность момента, которая позволяет осознать...

— Что? — нетерпеливо заерзала Юнга.

— Себя. Каждый должен осознать себя как элемент вспышки.

— Круто... А наш остров в самом эпицентре? И с него начинается и на нем заканчивается настоящий мир. Он как стержень!

— Ты понимаешь?!

— Кажется, понимаю.

— Ты умная. Я давно заметил. Жаль, что тебе пришлось собирать гуано.

— Я не боюсь черной работы. Она чудесно прочищает мозги. И отвлекает от личных страданий.

— Ты страдала? — удивился Че. — Расскажешь?

— Почему бы и нет? В конце концов, для того я и пришла за тобой.

— Расскажи. Ведь по сути дела ни у тебя, ни у меня нет родственных душ в целом свете. Или я ошибаюсь?

— Был Модест... Он был друг.

— Да, да...

— Но его больше нет. И я хочу отомстить за него!

— Но это же вышло случайно. Айсмаус не хотел. Модест и ему стал дорог.

— Вранье! Никто ему не может быть дорог. Жестокий злодей!

— Не боишься?..

— Тебя? Не боюсь.

— Но я же все-таки его Премьер-министр.

— Не морочь мне голову. Дурак ты, а не Премьер-министр.

— Острый у тебя язычок! — Высказывания Юнги вызвали у Чече смех. — Только больше никому не говори, что я дурак. Подрыв репутации.

— Не обижайся, — примирительно сказала она и приобняла его за плечи.

— Не обижаюсь. Ты права. Так что насчет страданий? Влюбилась в кого-нибудь? Среди исцелившихся петрификатов полно замечательных ребят атлетического сложения. Наверняка это кто-нибудь из них. Так кто избранник-то?

— Ты. Можешь располагать мной. Я не изменю. — Она по-детски замотала головой в порыве убедить его в абсолютной преданности.

Че раскрыл рот в изумлении. Он смотрел на Юнгу и ему непреодолимо захотелось ее обнять. Потому что в зрачках ее отражался отблеск розового заката и по щекам еще текли слезы по Модесту. Потому что она взяла на себя труд и отвагу открыть перед ним сердце, черт возьми! Словно это было так же просто, как зевнуть после обеда.

Снаружи зашумел обильный ливень. Они вышли под струи дождя, и Юнга побежала вдоль кромки прибоя, вся мокрая и орущая. Че смотрел, как она удаляется, и не мог разобрать, что она кричит. Потом ветер до него донес:

— Мой Че! Мой Че!

Он подумал, что никогда здесь так резко не портилась погода. Вероятно, этот благословенный клочок суши в океане сильно продвинулся на север. Или на запад? Надо бы справиться у

Флудика, хоть он и занят медовым месяцем. Мысль о Тее в объятиях пирата никак не задела Че. Впервые не задела. Гораздо больше его занимала новейшая география острова и признание рыжей девушки.

* * *

В изучении манускриптов Фон Дица Черный Человек зашел в тупик. Однажды он добрался до заключительной их главы, написанной на непонятном языке. Судя по рисункам, описывалась какая-то операция на головном мозге. Гип и Гэп были бессильны и лишь пожимали плечами. Юнга очень старалась, всматривалась в текст, шевелила губами и бормотала. Напрасно, язык не поддавался. Тогда Чече призвал Агату.

— Знакомые буковки, — сходу призналась она и взялась писать перевод в тетрадь.

Ошарашенный Премьер-министр с трепетом ждал.

Оторвавшись на минуту от работы, Агата произнесла обыденным тоном:

— Хитер был мой папашка! Самый важный фрагмент зашифровал нашим фамильным шифром. Его невозможно разгадать, не владея ключом.

— Ты владеешь, как я вижу.

— Я сама его для него придумала.

— погоди! Ты что, дочь Дица?

— Не хотела грузить лишней информацией.

Че задохнулся от возмущения.

— Готово, — сказала Агата и протянула тетрадь.

Заголовок крупным четким почерком гласил: «Техника лоботомии и ее последствия для автономно существующей головы. Научный трактат».

Че зажмурился, прижав тетрадь к груди.

— Не волнуйся ты так, — хихикнула Агата. — Главный смысл статьи заключается в эффекте повышения степени смерти головы. Другими словами, описывается хирургический метод умирения не в меру раздухарившихся автономных го-

лов. Это в общих чертах. Согласись, для нас полезнейшее знание. Особенно в данное время, когда конкуренты наступают на пятки, — заметила она с демонстративным зеванием, намекая, конечно, на молодоженов.

* * *

Тем временем весь огромный подлунный мир вдруг загудел о плавучем острове-ковчеге, дрейфующем в океане. Островом, дескать, правит то ли чародей, то ли ведьмак, предстающий пред публикой в виде летающей головы. Еще он повелевает боевыми летучими вампирами-мутантами (типа драконами местного разлива) и носит на носу золотое пенсне. На острове творятся волшебства с чудесами, исцеляются безнадежные больные. Даже дерьмо там обладает свойствами снадобья от всех недугов. Нечего и толковать об иных сверхценных природных ресурсах. Однако и увы, именно оттуда прилетают различные разрушительные и гибельные стихийные бедствия. Те, от которых претерпевают народы, страны и континенты.

Посему много судачили о том, как избавиться от зловещего острова и его не менее дьявольского повелителя. От предлагаемых способов аннигиляции эфир просто распухал. А у радиста Ямайчика вставали дыбом волосы, к тому же сильно искрила шапочка из фольги. Впрочем, несмотря на трудности радист аккуратно вел реестр угроз и регулярно доводил его пункты до сведения Премьер-министра, который лишь хмыкал, дивясь изобретательности отдельных блогеров-радиолюбителей. Они, разумеется, предлагали множество хитроумных планов по подчинению острова какому-либо развитому государству посильнее, например, с ядерным оружием и прочим мощным военным потенциалом. Но большинство голосов призывало, вместо ненадежного присоединения, к тотальному уничтожению страшноватого ковчега вкупе с его адской природой, жителями и администрацией. Такому убийственному планированию чрезвычайно поспособствовали неожиданные пугающие находки. В какой-то момент из одного южного портового го-

рода сообщили о человеческой голове в пенсне в мусорном баке.

Не успел мир как следует испугаться, аналогичные сюрпризы в виде отрезанных голов стали находить и в других густонаселенных местах. Конспирологи, провидцы всех мастей и тарологи-вешуны твердили о спецоперации по ликвидации целого клана двойников могучего колдуна с острова-ковчег.

И все это происходило, пока Айсмаус и в ус себе не дул — летал над бухтой, нырял, улюлюкал, гонялся за китами и дельфинами бок о бок с крылатыми упырями близ своего дрейфующего дома. А еще принимал кровавые ванны, когда требовалось поправить пошатнувшееся здоровье. Доноры приносили свою жертву со счастливыми лицами и патриотическим жаром в сердце. Айсмаус ловил кайф, как скумбрию на самодур.

Глава 12

ТИЛИ-ТИЛИ-ТЕСТО...

...Жених и невеста, Флудик и Тея, пара чопорных фриков, были абсолютно убеждены, что браки заключаются на небесах. Особенно браки по расчету.

В свою первую брачную ночь, неподвижно возлежа рядом на разных полюсах огромной кровати в роскошной капитанской спальне фрегата «Некст», они познавали друг друга медленно и вкрадчиво, с опаской и надеждой на нерушимую крепость их союза.

Новоявленный принц-капитан сначала задавал осторожные вопросы, стараясь завуалированно подольститься к супруге. И был приятно удивлен готовностью, с которой она принялась делиться с ним помыслами и планами.

— Нам нужна религия! Логичная и душераздирающая! — воскликнула Тея, приподнимаясь на локте. — У меня есть такая. Только воплощать было не с кем.

— Это просто гениально, дорогая! Вы прирожденный лидер. Можете во всем положиться на меня, вашего супруга и надежного союзника.

— Надежного? — больше для острастки прищурилась принцесса.

— Надежнее у вас не будет, — заверил ее капитан.

— Тогда слушайте. Некогда, в седой древности, наш остров населял народ головачей. Это были индивидуумы с телом в одну лишь голову, свободно и легко летающие по воздуху. Представьте себе расу, сплошь состоящую из философов, мыслителей и ученых. Они силой мысли сдвигали горы и поворачивали течение рек вспять. Они парили в небесах и бороздили морские глубины. Это наше легендарное прошлое. Но моя религия направлена скорее в будущее. Островитяне уверуют в неоспоримое: в один прекрасный миг наши больные никчем-

ные петрифицированные изотопом тела рассыплются в прах. От нас останутся одни только головы, которые обретут наконец истинную свободу — свободу осязаемой мысли и свободу жизни от смерти, свободу добра от зла. Мы срочно должны уверовать в Головастую Вселенную, в народ властителей мира без оглядки на конечное телесное существование!

У Флудика затряслись губы от предвкушения абсолюта власти над головастым и безголовым народом волшебного острова. Еще его покорили пафос речей Теи, патетическая дрожь ее голоса и слеза в глазу. Он громко и многозначительно вздохнул и припал поцелуем к ее худеньким коленям.

* * *

На самом деле Тея не виделась с супругом сутками. Медовый месяц проходил в трудах и заботах пастыря о своей пастве, а отнюдь не в любовных утехах. Во всяком случае для принцессы. Много ее времени и усилий уходило на обустройство свежестроенных церквей, организацию религиозных общин, изобретение утвари с модерновой символикой новой веры.

Флудик не раз и не два порывался помогать любимой, даже сменил костюм франта на спортивки с кедами для пушей раскованности движений. Но всегда что-то мешало. Что именно, впоследствии он не смог бы припомнить. Просто слишком охотно отвлекался и к своим более ранним намерениям уже не возвращался до вечера. Что и толковать, сей обаятельный негодяй рожден был сибаритствовать, а не трудиться.

Впрочем, порой ему все же приходилось откликаться на призыв принцессы. Вот так однажды она увела его пройти по тровантовому берегу. Однако при том она пребывала в таком возбужденном состоянии, что не шла вовсе, а бежала, раздраженно пиная попискивающие камни. Те зеленели и отползали прочь. Благо, Тея была такой щедущей, что удар ее ноги не мог причинить тровантам сколько-нибудь серьезное увечье. Но шаг ее был стремителен и легок. Флудик едва поспевал за

своей половиной, отирая пот со лба кружевным платком вместо бумажной салфетки.

— Нам необходимы герои! Ну хоть один! Которого бы все знали и любили! — восклицала она, обращаясь к приборю. — Кого бы убить для данной благородной цели?

Она внезапно остановилась, будто задумалась, глядя на подоспевшего капитана и сквозь него. В мятежной задумчивости она теребила прозрачную мочку своего ушка.

— Зачем же убивать, зря утруждаться, рисковать к тому же? Все уже сделано, как мне кажется. Модест, дорогая принцесса, Модест. Наш великолепный харизматичный Модест недавно погиб, защищая безопасность острова, — демонстративно унылым тоном предложил Флудик.

Тея заинтересованно и даже восторженно взглянула на него:

— Так, так, так... — бормотала она, — И? Как же это у нас произошло?

— Происки врагов островного народа. Подло и вероломно подослали убийцу-смертника. Службой безопасности срочно приняты необходимые меры. И лично мною. Тоже своего рода героизм.

— Правильно! — Тея больно ткнула Флудика в декольтированную грудь острым пальцем. — Модест наш герой, главный герой. Завтра же прикажу написать его портрет прямо на стене в большом храме. А я обязана выйти с проповедью. Ты будешь мне нужен.

— В качестве второго героя?

— Глупости! Нам нужны мертвые герои! Какой же святой из живого? — Жена безжалостно опровергла его.

— Слушаю и повинуюсь, любовь моя, — несколько разочарованно подчинился капитан.

* * *

Если своеобразно прогуливаясь по берегу бухты, Тея и Флудик воображали, что разговаривают без свидетелей, то они глубоко заблуждались. Ведь Тея опрометчиво повышала голос и

красноречиво жестикулировала. А Юнга, как раз в это время направлявшаяся в грот к Че, слышала все или почти все, скрываясь за крупными неповоротливыми тровантами.

Да и живые камни тоже не были безопасными свидетелями. Впрочем, раскрыть невольно подслушанные секретные планы августейших молодоженов трованты могли только подвергнувшись воздействию магии Агаты. Или они просто никому другому не доверяли. Никто другой с ними не пускался в дикий пляс на песке. И вы же не думали на самом деле, что ночные танцы ведьмы с тровантами — всего лишь балет?

Конечно, и колдунья к рассвету знала в подробностях о содержании разговора принцессы с ее капитаном. Тогда перед цыганкой стала дилемма — докладывать Айсмаусу или нет?

«Скажу ему, что новый святой мученик может затмить святость самого бога, — размышляла Агата. — Но у любого бога должен быть свой пантеон святых. И они легко опровергнут мою правду. А Великий и Ужасный теперь слишком непредсказуем и вездесущ».

Она беззвучно появилась на палубе китобойца, когда предрассветная тишь нарушалась лишь монотонным потусторонним гулом океана и утомленным шелестом ветра.

Клетка Пионера находилась на старом месте и на первый взгляд все вокруг было погружено в глубокий сон. Но раздался тихий голос. Как гром, как удар колокола!

— И ты пожаловала? Сегодня ночь и утро визитов. Лысая со своим чуваком в шляпе уже навещали. Я популярен, — сказал Пионер из дальнего темного угла клетки. Агата опешила и остановилась поодаль.

— В очевидцы великого подвига звали в обмен на свободу и почести? — немного погодя, решила она спросить напрямик. — Что думаешь делать?

— Правду и так все знают. Разве поверят в чушь про подсланных убийц? К тому же Великий и Ужасный сам все разболтал. Если припоминаешь, он день напролет носился над островом и вопил о том, что случайно казнил лучшего друга.

— Значит, скажешь правду?

У Агаты отлегло от сердца и она мысленно дала себе слово не забыть про парнишку, когда начнется.

* * *

Вместо приветствия Че ласково погладил Юнгу по волосам:

— Мне казались они жесткими, а они такие мягкие... Солнечные.

— О чем ты тут без меня размышлял? — спросила она, слегка запыхавшись.

— Вспоминал прошлое. Как-то было веселее, когда мы с Айсмаусом давали представления престижитагии на яхте толстосумам, которые так ни хрена и не поняли в итоге. Или покупали наш «Циклоп» за сушии гроши. Тогда я мог отвесить Великому и Ужасному нежный подзатыльник. И он на это почти не обижался. Правда, тогда он не был Великим и Ужасным.

— А теперь убил Модеста, просто пролетая мимо...

— Он сожалеет. По ошибке убил. По страшной ошибке.

— Это не отменяет того, что он несносный тиран.

Ее безапелляционный тон обескуражил Чече, уголки его рта опустились и он тяжело вздохнул:

— А я беспросветный трус. Боюсь всего на свете, несмотря на то, что управляю наверное самой могучей силой на земле. Я боюсь Агату, потому что никогда не знаю, чего от нее ждать. Меня буквально трясет от ее голоса. Вид Теи и Флудика наводит на меня жуткую тоску. А ведь еще совсем недавно я Тею боготворил. Я с ужасом думаю о том, что творится теперь на нашем «Циклопе». Он окутан страданиями. Я даже стараюсь не глядеть в сторону рейда, где болтаются эти корыта, фрегат и китобоец. А пуще всего я боюсь, что ты, моя милая, не придешь сюда завтра. Тогда все, ты слышишь? Все! Утратит смысл. Хотя смысла в моей грешной жизни и раньше было с гулькин нос. Если только ты станешь и впредь приходить в этот грот...

— Куда же мне деться? Если буду жива...

— Что ты такое говоришь?! — испугался Че.

— Опять страх? Гони его или смотри ему в глаза. По мне — второе лучше. Я тут кое-что подслушала ночью. Наши голубки новобрачные прогуливались и наворковали кой-чего громче, чем следовало. Уж очень возбудились и в раж вошли. Особенно твоя любезная принцесса.

Че терпеливо ждал, что расскажет Юнга, и мысленно отмахивался от назойливого брюзжания барабанного духа в правом ухе.

— Подомнут они остров под себя и будут тиранить нас сто-крат хуже Великого и Ужасного со всеми его боевыми кажанами. Они маньяки, наделенные властью. Думаю, настало время действовать!

— Ты что-то задумала? — обомлел Че.

— Пока не знаю и сама. Хочу твоего совета. Ты у меня умнее всех. Я так люблю тебя!

* * *

Пришло время пуститься в рассуждения о высоких материях. Поговорим о любви. По возможности с объективной точки зрения. Итак. В современном мире слишком сужено и конкретизировано понятие любви. А она же такая разная, эта любовь. Вот вам такой пример: между безумными учеными Гипом и Гэпом тоже пылало сильное чувство. Однако это не была та любовь, которой мы, как ножиком, ковыряем в себе. И эросом тут тоже не пахло. Тантрический подход также был чужд этим двоим. Они любили с целеустремленностью устриц, как близнецы, требуя друг от друга одного — время от времени становиться самим собой. Ну и еще не щипаться от избытка эмоций по мере сил.

В их горячечных мозгах не существовало пагубной идеи любить. Просто взаимная привязанность служила исключительным залогом их земной жизни. Есть Гип, есть и Гэп. Есть Гэп, будет и Гип. Только так, непреложно, неоспоримо.

Судите сами. Однажды Гип не лег спать в положенное время, а вместо этого начал трудиться над портативным regretium

mobile для размеренного качания гамака Гэпа. Чтобы засыпать Гэпу быстрее и слаще. И сделал такой прототип.

Почти одновременно с этим Гэп воплотил в металле свою идею инерционной качалки для гамака Гипа. Чтобы сон Гипа был безмятежным без надоевших транков.

И надо думать, это тоже любовь. Пожалуй, самая страшная. Самая и страшная в случае, если бы Гип и Гэп были способны оценивать грядущие опасности трагедий и потерь наряду со своими затмевающими горизонты страхами не заснуть этой ночью. Но они, кажется, ничего не боялись так, как бессонницы. Гип боялся своей бессонницы и бессонницы Гэпа. А Гэп, разумеется, в свою очередь ужасался при мысли о собственной бессоннице в комплекте с отсутствием здорового сна у Гипа.

В таком рафинированном страхе их обоюдная бессонница, как в питательном бульоне, расцветала и ширилась, разливалась и выплескивалась через край.

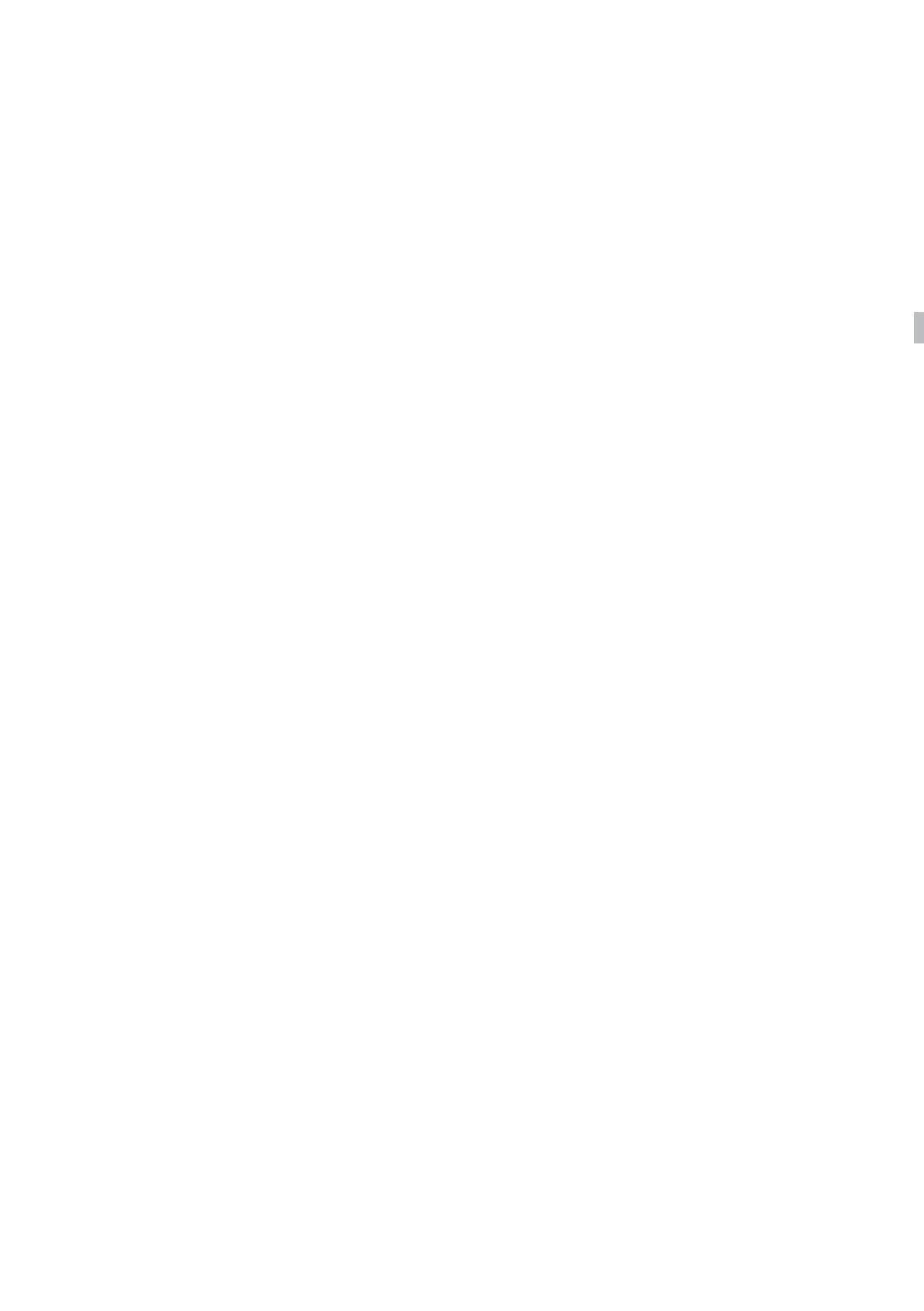
Теперь вы понимаете, почему при абсолютном отсутствии морской качки на острове-ковчеге для двух любящих сердец были так важны убаюкивающие гамаки? Особенно в координатах современных подходов к вопросам любви всех разновидностей и качеств.

Глава 13

ПОЛУНДРА И ЧЕПЧИК

Накануне суетливой, но судьбоносной ночи свиданий, планов и уговоров фрегат «Некст» отчалил в открытое море на промысел. Капитан вдруг вспомнил, что он пират, три тысячи чертей! И вознамерился пополнить личные закрома свежей добычей. На охоту его влекла не только банальная жажда наживы, но и гордость добытчика.

Короче говоря, «Некст» вскоре нагнал и до нелепости легко взял на abordаж какое-то рыбацкое суденышко, судя по всему подвизавшееся переправлять нелегалов и ничтожные партии контрабанды. Такая вот партия всякой ширпотребовской всячины и стала на сей раз Флудиковым трофеем, что, впрочем, никак не могло удовлетворить алчность и амбиции капитана фрегата. Он злобно зыркал на косматого рыбака, плачущего и дрожащего от страха и безнадёги.

Флудик пыхтел, потел и бранился на все лады, а потом схватил кинжал. Рыбак тихонько завыл, ноги его подкосились и он свалился на палубу в сильном предчувствии еще больших бед. Флудик сверкнул глазами и молниеносно отсек косматому оба уха. Сделал он это от обиды и разочарования, конечно. Можем ли мы винить его за весьма оправданный мимолетный приступ гнева? Тем более, что капитанская рубашка тончайшего белоснежного батиста была забрызгана кровью и окончательно испорчена. Думаете, на том закончилось? А вот и нет! Волна обиды и разочарования захлестнула Флудика с новой силой, и лишившийся чувств безухий виновник был немедленно виртуозно обезглавлен попавшимся под руку ржавым мачете. Голова покатилась прочь от тела. Даже выдавшая виды abordажная команда «Некста» ахнула и невольно выдохнула драматическим шепотом: «Полундра!»

Голова без тела шемяще напомнила Флудике о Великом и Ужасном с его всегдашней тенью самодовольной ухмылочки. Капитана слегка передернуло.

А еще Флудика обуяла брезгливость. Он стоял изваянием командора над сундуками со скарбом и лениво ковырял в них шпагой, поддевая и выбрасывая за борт разные предметы женского туалета. Не будем останавливаться на деталях, иначе заскучаем не хуже Флудика. Примечательно лишь, что на дне последнего сундука обнаружился старинный корсет из китового уса и ажурный чепец сказочной красоты с вышивкой японским шелком и мелким жемчугом. Исторический корсет побила моль и из него сыпалась труха. А вот чепец был, к вящей радости, цел, и капитан бережно поместил его к себе за пазуху, приберегая для Теи.

Ведь ее едва отросшие волосы намедни снова отвалились, и она трогательно и невзрачно облысела. Маленькая головка на тонкой шейке с пергаментной кожей, полным отсутствием бровей и ресниц придавали ей некую схожесть с инопланетянкой. Притом она терпеть не могла головные уборы, чем вечно изумляла мужа, большого любителя шляп и ярких платков (на то он и пират).

Флудик надеялся, что чепец понравится супруге и поможет замаскировать ее инаковость среди островитян. И не ошибся.

— Кажется, это как раз то, что требовалось! Будет что в воздух бросать, когда провозгласим! — воскликнула Тея, едва взглянув на чепчик.

И было твердо решено надеть обновку на собрание общины вечером.

* * *

В роскошном винтажном чепце Тея все равно выглядела убого и болезненно. Однако это отнюдь не противоречило образу пастыря всего народа и предводительницы всех святых. Напротив, вызывая жалость с примесью легкой тошноты, она повышала градус внушения и ощущала с каждым вздохом, с каждым

словом, как благодарно и благоговейно бьются сердца верянь, внемлющих ее зажигательным и огнеопасным проповедям.

В облаке белых одежд, легко ступая по песчаной дорожке, ведущей к храму, Тея вполголоса журила Флудика, неотрывно следующего за ней:

— Никогда не смей убивать собственноручно! Это в высшей степени неприлично. Есть исполнители, тайные агенты, специально обученные люди. Ты не в том статусе, чтобы марать руки, снося плембу головы. Слышишь?! Не то не сносить головы тебе! В последний раз предупреждаю! Не смей убивать сам, находи иные наслаждения; топи жажду крови в роме или заедай транками. По твоему выбору, милый, — процедила она сквозь зубы в завершение.

Флудик молчал и морщился, закусив губу.

Все пространство перед храмом было запружено людьми. По периметру дежурила охрана в твердом намерении не давать расходиться тем, кому такое могло взбрести в голову.

В распахнутые двери храма супруги вошли, изо всех сил напуская на себя величие. Тея задерживала шаг словно невеста, шествующая к алтарю. Капитан путался в ритме, то семенил, то шагал широко, норовя обогнать принцессу. Но вовремя сбавлял темп и вновь немного отставал.

В храме доминировал запах цемента и жухлых цветов. Плотная толпа стояла удивительно тихо и взирала на полотно огромной иконы на западной стене. Изображение Модеста с гарпуном в непомерно большом кулаке было состряпано на скорую руку придворными малярами, но оно все же однозначно напоминало безвременно ушедший колоритный оригинал.

Официальные лица задерживались. Кто искал трость, чертыхаясь и потея, кто долгонько выбирал, на что бы поэлегантнее сменить цыганские юбки, а кто и разглядывал через линзы пенсне свой нимб в зеркальном отражении.

Охранники бережно высадили прошедшую сквозь толпу Тею на помост. За ней вспрыгнул Флудик, всячески демонстрируя гибкость и ловкость. Они встали рядом, оба гордые и величавые. В народе зашептались. Все задрали головы. Через

отверстие в куполе внутрь храма медленно опустился Айсмаус Кранцер, Великий и Ужасный, искря нимбом и поблескивая стеклышками пенсне.

— Приветик! — гаркнул он серьезно и даже угрожающе.

Абсолютно все как один вздрогнули, от чего по залу завихрился ветерок. Впрочем, наверное, это был просто сквозняк. Айсмаус завис над Теей, давая понять, что церемонию можно начинать. Тея подняла правую руку. Воцарилась тишина. Толпа превратилась в слух. И никто не заметил появления в дверях Премьер-министра с Агатой. К центру залы их пропускали медленно и неохотно. И пока они оказались у цели, Тея начала провозглашать.

Сначала она говорила тихо, но голос постепенно набирался силы и металла. Айсмаус блаженно прикрыл глаза, благо неизменная оптика немного скрывала эту маленькую слабость. Че с Агатой остались стоять у самых ног Теи и Флудика в растерянности и уже без первоначальных намерений присоединиться к ним на возвышении. Чече в задумчивости вперился в изящные туфельки Теи, которые приходились аккурат на уровне его глаз и не далее, чем в паре локтей от них. Агата тихонько посмеивалась и периодически хмыкала, слушая принцессу.

А говорила та вот о чем: о божественной милосердной и карающей силе Великого и Ужасного Бога, о славной и героической истории древнего и недавно возродившегося на сем благословенном острове народа головачей, о баснословной силе и энергии острова, которую смог обуздать и целенаправить могучий непревзойденный разум головастых ученых. Особое внимание принцесса уделила обострившейся международной обстановке и проiscaм дремлющих внешних врагов острова-ковчег.

— К нашим райским берегам все чаще приносит чужую злобу в чистом виде. В виде террористов и киллеров. Вот так недавно пал наш брат и великий друг Модест, один из пантеона святых капитанов. Подосланный убийца вероломно умертвил Модеста прямо у него в доме, можно сказать, а именно на палубе китобойца «Циклоп».

Тут некоторые наиболее наблюдательные смогли заметить, как задрожал синий нимб Бога, как подскочило пенсне у Великого и Ужасного на носу и затряслись губы. Особенно данные перемены стали заметны после неожиданного появления у ног Теи мальчика Пионера в рубище, зачем-то густо украшенном цветами.

— Вот свидетель страшного преступления! Пионер понес справедливое наказание и находился в роковой момент там, на палубе, предаваясь молитвам для искупления. Скажи, о юноша, кто зарезал капитана-гарпунера Модеста? Был ли то незнакомец в маске и плаще, пришлый и чужой?

Голос Теи вибрировал на высоких тонах, она неосторожно задрала подбородок и чепчик соскользнул на плечо, обнажив блестящую гладкую головку. Флудик было хотел надеть чепец обратно, но вовремя заметил, что служивый и работный люд срывает с себя головные уборы в чрезвычайном воодушевлении. Используя момент такого легкого замешательства, Агата шепнула Че:

— Сейчас он может выдать правду про расправу. Что будем делать? Пустим на самотек?

Чече только пожал плечами.

— Так был ли то чужак-злодей? — повторила Тея.

— Да, — тихо ответил Пионер.

— И он перерезал святому мученику Модесту горло?

— Да, он перерезал... — так же тихо подтвердил парнишка, низко опустив голову.

— Вот те раз! — всплеснула руками Агата и ухмыльнулась.

Пионер исчез незаметно и быстро, как и появился. Его мастерски оттерли в гущу толпы, и поминай как звали. А под сводом храма с гиканьем весело носился Айсмаус, восклицая:

— А я не виноват, совсем не виноват! Господь безгрешен!

— Восславим же святого Модеста, покровителя жителей острова-ковчег! И восславим капитана безопасности Флудика, обезвредившего убийцу Модеста. И благословим его на новые свершения! — вскричала Тея уже хрипло.

Островной люд возрадовался, особенно предвкушая грядущий пир на всю ночь. Ведь еще до обеда была замечена недвусмысленная концентрация бочек и бочонков, а также большого количества разной закуской снеди у старого маяка. Теперь же, воодушевившись еще сильнее, толпа скандировала: «Модест — наш святой!» Многие свистели и подбрасывали в воздух шляпы, шапочки и чепчики разнообразных фасонов.

Великий и Ужасный почувствовал себя помноженным на вечность, стрельнул напоследок молнией из нимба и улетучился нырять в море.

Глава 14

МОДА НА ВЛАСТЬ И МОДА НА ГЕРОЙСТВО

Тщедушная принцесса каждое утро требовала доклада о настроениях свободных граждан острова. По группам, профессиям, сословиям. В зависимости от новостей, погоды, направления ветров и течений. А в особенности — от содержания и проникновенности собственных проповедей. Требовала всеобъемлющей точности и пунктуальности от obsługi и чинуш секретариата. И не терпела обмана! Ее белый носик с неизменными следами пудры и кокса чуял фальшь на расстоянии. Уловив недостоверность сведений, она незамедлительно сослалась вольного или невольного обманщика на «Циклоп». А уже с «Циклопа» узники исчезали загадочным и темным образом. И на память о них налагалась печать молчания. Кануть же в забвение значило вовсе не то, что погибнуть героем. Население в большинстве своем мечтало завершить земной путь портретом на стене храма. В том была честь и слава подлинного островитянина, гордого и благодетельного. А на «Циклоп» — фи! На «Циклопе» — позор, пытки и забвение. Только неудачники аннигилируются в тамошних трюмах, да к тому же обрекают близких на презрение общества.

Учитывая все это, обманывать жестокосердную властительницу дум никто не рисковал. Ей доносили всё без утайки. Агенты, филеры и соглядатаи служили ей верой и правдой из страха и из своих шкурных интересов. Ведь платила она тоже исправно. Правда, порой пропадали пропадом даже филеры — опасная у них была служба, надо думать.

Однако доставалось и Флудику. Ему приходилось клянчить: деньги, выходные дни, доходные места для близких, подданных и соратников. В один распрекрасный солнечный день он понял, что ничегошеньки не решает и решать не будет, если оставит неизменным положение вещей. И капитан стал ждать.

Подходящего момента, благоприятных обстоятельств, бунта, чьей-то внезапной смерти... Да мало ли чего... Теперь для Флудика ждать, получая ежечасно причитающуюся ему порцию роскоши, и означало жить. В определенных рамках, ограничениях и запретах.

Единственное место пребывания законного суженого главной проповедницы, которое, кроме капитанского мостика фрегата, не вызывало у Теи бурного протеста, был так называемый Дом Пророка Дица и тамошний берег. Туда и направлялся часто Флудик в часы отлива, чтобы прогуляться по мокрой желтой дороге. Там расслаблялся в одиночестве, давая каблуками сапог оставшихся на дороге медуз и крабов. Или в компании Премьер-министра. Но это больше в мечтах, так как Чече бывал очень занят совещаниями с Гипом и Гэпом, чертежами, планами и усовершенствованиями. К тому же он явно не был склонен к задушевым беседам с капитаном. А тому навязчиво и небезосновательно мерещилось некоторое высокомерие в обращении с ним создателя Великого и Ужасного.

— Прошу простить, капитан, мою невнимательность. Дел, видите ли, невпроворот, — говаривал Че в надежде поскорее спровадить скучающего Флудика.

Лишь однажды им удалось коротко побеседовать на идеологические темы.

— Как самочувствие Великого и Ужасного? — спросил, позевывая, капитан.

— Спасибо, все в пределах нормы.

— Все-таки при таком необычном... телосложении, наверное, могут случаться...

— Не могут.

— Вы верите, уважаемый Премьер-министр, что все мы, уподобившись когда-нибудь Ему, сможем жить вечно? Ну, или хотя бы дольше обычного?

— Так утверждает ваша жена. Разве нет?

— Это основной постулат нашей веры. Разве нет? — парировал Флудик. — Так вы верите? Лично вы. Ну хоть сколько-нибудь?

— Каждый верит. Каждый в чем-либо абсолютно убежден. Во что верю я, пардон, не вашего ума дело. Я же не спрашиваю, почему Тея живет во дворце, а вас изгнала обратно на фрегат?

— Сколько в вас желчи, доктор Че!

— Я вам не Че. Если хотите, зовите меня Черный Человек, безо всяких сокращений.

— Сокращенные и уменьшительно-ласкательные имена оставляете для девушек? — примирительно усмехнулся Флудик. — Вольности холостяка. Завидую.

В конечном итоге их не совсем лицеприятный разговор закончился вполне протокольным прощанием и никаких плохих последствий не повлек.

* * *

Сидя по-турецки на большом трованте, Агата буквально чахла над раскладом таро. От ярких картинок рябило в глазах. Да и свет от трепещущего на ветру пламени единственной свечи не добавлял остроты зрению. Ничего хорошего карты не предвещали.

— Две мелкие стервозы: рыжая и лысая. Особенно лысая со своим пижонистым жиголо. Тоже мне — флибустьер! Все карты путают, — ворчала колдунья себе под нос.

— А рыжая — это я, конечно, больше некому, — заметила возникшая вдруг из ниоткуда Юнга.

— Больше некому, — невозмутимо буркнула ведьма, не отрываясь от карт.

— За стервозу отдельное спасибо.

— Думаешь, я не знаю, что у тебя на уме? Решила охмурить Чече? Только даже у меня ни черта не вышло и у паршивки Теи не срослось. А ведь он был в нее влюблен.

— В нее влюблен, а меня любит. Чувствуешь разницу?

— Да брось! Ни малейшей разницы не прослеживается. Его единственная и большая любовь на всю жизнь — это его творение — Айсмаус Кранцер!

Юнга помрачнела, но Агата не заметила этого, потому что все еще сосредоточенно перебирала таро. Не заметила она и того, как Юнга ушла, низко опустив голову, как она миновала грот и проследовала мимо, хотя там было назначено свидание и Че уже наверняка дожидался внутри.

Сегодня им не суждено было увидаться. Звезды уже затевали свой безмолвный хоровод и лунная дорожка начинала укладываться на воды бухты, а бедный Че все ждал в гроте свою подружку. Когда он отчаялся и двинулся в сторону маяка, на пляже царили мрак, тишь и шепот прибоя. Поравнявшись с любимым камнем Агаты, он услышал голос:

— Была она здесь неподалеку. Только ей вдруг показалось, что она не достойна такого гения, как ты. Вот и свинтила побыстрому.

— Что ты ей наговорила? Вот ведь ведьма! — расстроился Чече.

— Я такая! Клянусь линзами пенсне Айсмауса!

* * *

— Не увиливай от ответа по своему мерзопакостному обыкновению! Скажи мне, наконец, где находится мировой престол? На какой трон я должен сесть, чтобы править миром? — вопрошал истерично Великий и Ужасный, кружа над головой Премьер-министра.

Премьер-министр молчал, угрюмо и упрямо.

— Я сейчас свистну, ей-богу, свистну! А Пыжик сидит на подоконнике на расстоянии твоей вытянутой руки, ему и прилетать не придётся! — Айсмаус явно терял терпение. — В последний раз спрашиваю — где находится престол властелина мира?!

— Здесь! — срывающимся голосом произнес Че. — Вот он, этот трон, перед вами, о Великий и Ужасный! Вы и сейчас уже властелин мира. Не требуется никуда отправляться воевать чужие земли. Земли все ваши.

— Так у тебя все под контролем? — с облегчением выдохнул Кранцер и приземлился на свой выдавший виды трон. — Да,

нужно бы заменить стульчик на что-нибудь более... презентабельное.

— Заменяем, ваше Величайшество, — опять угрюмо пообещал Чече. — Вот наладим регулярность больших тайфунов на западную часть Евразии и займемся благоустройством тронной залы.

— Ох и мастер ты первобытный ужас нагонять на цивилизованные народы! — похвалил Премьер-министра Айсмаус.

— Чем цивилизованней народ, тем легче нагоняется на него первобытный ужас, — объяснил Черный Человек и собрался раскланяться.

— Постой, не спеши, дружок. Тут Тея предложение внесла и оно во мне засело. Не назначить ли нам Президента острова. Чтобы международные отношения строил на основании уже имеющихся ресурсов и чтобы островитян защищал.

— От кого? — вырвалось у Чече.

— От островитян, конечно.

— Для этого есть безопасность. Все вопросы к Агате и Флуду.

— Не так защищать, ну ты понимаешь.

— Если от самих себя защищать, на этот случай у нас все схвачено преподобной Теей. Ее ищейки перевыполняют план. Застенки «Циклопа» переполнены.

Облик Премьер-министра говорил о его глубокой опечаленности.

— Выходит, Президент нам и даром не нужен? Но ведь ты наотрез отказываешься покидать остров и акваторию?

— Отказываюсь из-за бесполезности путешествий и чрезвычайной занятости.

— Ну вот видишь! Выходит, малышка Тея права и нам-таки позарез нужен чертов Президент острова!

— А в президенты она небось предлагает себя?

— Нет, не угадал. Флудика!

— Ничем не легче.

— Выдвинем альтернативную кандидатуру. На то и выборы. Только чтобы без фокусов. Мы и сами фокусники.

— Тогда предлагаю Юнгу, у нее кристальная репутация, — немного оживился Чече.

— Но у нее же с головой того...

— Ничего не того. Все нормально у нее с головой! — заверил Премьер-министр.

— А вдруг ее выберут, твою голодранку Юнгу?

— Так и будет. Это ж выборы.

— Нужно у Теи спросить — может лучше просто назначить Президента? Вот возьму и назначу! — размышлял вслух Айсмаус.

— А как же демократия?

— Проблема... да-а...

«Опять не сказал того, что хотел. Какой я слабый и малодушный червь», — думал Че, поспешно покидая тронную залу. Он имел в виду, что вообще-то шел сегодня к Великому и Ужасному, чтобы сообщить ему о своем намерении заключить брак с Юнгой! Его удрученное состояние усиливалось тем, что милая Юнга вчера не явилась на свидание в гроте, а Че так ждал, чтобы погладить ее по рыжим непослушным волосам и, быть может, вновь поспорить на общественно-политические темы. В частности его подружку сильно занимали чаяния простого народа, нищего, бесправного и практически бездомного, слоняющегося по острову и опасно бьющего баклуши. Вот чем была занята эта симпатичная голова — конечно, кроме безграничного обожания ее любезного Че.

* * *

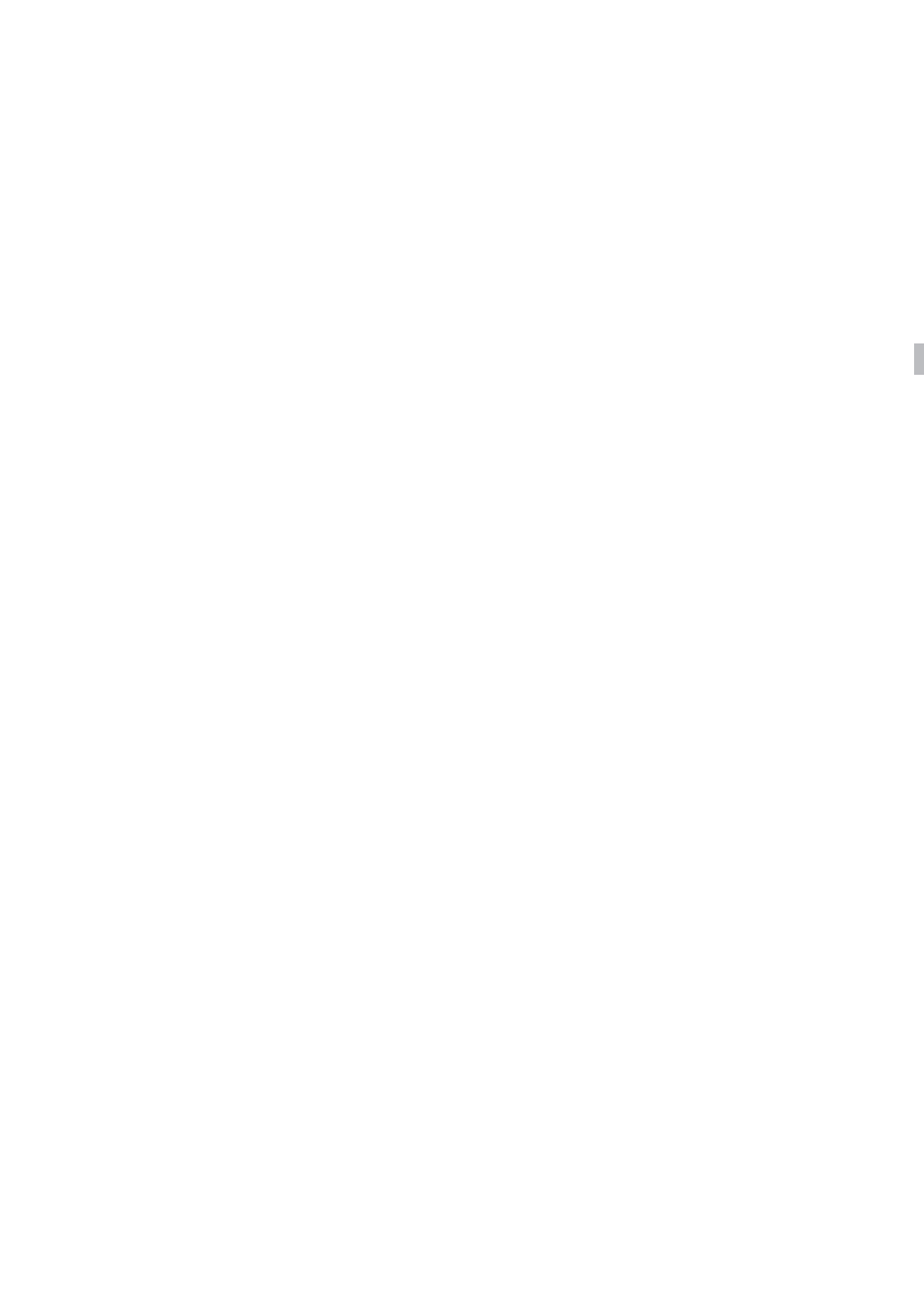
Любой и каждый на острове большую часть суток бывал сильно занят: кто работой, кто заботой, кто размышлениями, кто охотой и рыбалкой, а кто просто мечтами. Все для чего-нибудь суетились, корпели, потели и кумекали, чем обеспечивалось глобальное броуновское движение. Один лишь Флудик слонялся и улыбался.

В результате постоянных и безрезультатных заискиваний перед черствой женой, одичалым сорви-головастым богом и

непробиваемым Черным Человеком на его, нашего героя-флибустьера, чувственных губах как-то сама собой вылепилась и застыла гипсом странная улыбка. В ней читались скука, томление, всесторонняя осведомленность и предвкушение грандиозного конца света.

Глядя на эту мину, Тея порой хмурила несуществующие брови, Че мимолетно удивлялся, а проносящийся поблизости от Флудика Айсмаус Кранцер ухмылялся в ответ, расценивая это как обмен любезностями. Только Агату передергивало:

— Сильно напрягает человек с дежурной усмешкой потасканного беса, — бурчала она себе под нос при виде бравого капитана. А затем все чаще добавляла загадочное: — Титан ведь уже откололся от ледового континента. Гибельный Титан!

Глава 15

НЕ ВЫСКАЗАННАЯ ВСЛУХ ГИПОТЕЗА К РАССМОТРЕНИЮ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ

— Братцы, как думаете, какого дьявола этот проклятуший остров сорвался с якорей и подался на север? Чего ему не хватило, чтоб торчать и дальше на своем месте?

— Стабильности, начальник Чече, стабильности оторвышу не хватило, — ответил Гип, словно давно к этому готовился.

— А стабильности его лишает наша машина, — пояснил Гэп и весело подмигнул.

— Вывела она его из безразличного равновесия, — развил мысль Гип. — Но это только гипотеза. Никому не говори. Будет наш секрет.

— Как-то так, — подытожил Гэп и приложил палец к губам.

— Так вы тоже думали об этом? — неизвестно чему обрадовался Че.

— И не думали думать. Работали мы, — почти хором ответили гении.

— А что будет, если остановить генерацию климатических раптусов? — осторожно поинтересовался Премьер-министр.

— Ничего хорошего, — махнул рукой Гэп. — Все равно что алкашу пить резко бросить. Беда.

— Можем вообще затонуть. Прилив начнет сильно доминировать. Теперь генерация — это залог баланса приливов и отливов, — пояснил Гип с присущей ему любезностью.

— Как будто разряды нашей установки создают энергетическую плотную среду. Для опоры, так сказать.

Гэп даже попрыгал на месте для наглядности.

— Но раньше же ее не было. И ничего — никто не затонул, — возразил Чече.

— Наверное раньше баланс достигался с помощью других сил, нам неведомых, — предположил Гип осторожно.

— А сейчас они куда подевались?

Че совсем запутался и начал раздражаться, что становилось заметным.

— Ушли на базу. Когда мы головастика подключили, кажется. Испугались божественности, — хохотнули братцы. — Все силы превратились в синий нимб. Из чего-то же он состоит, не из гуано же!

— Тьфу на вас с вашими шуточками.

Чече уразумел, что ответов он все равно не получит. По той простой причине, что их не существует. Однако самым странным во всей истории с буйным помешательством ковчега казалось то, что кроме него, горемычного бродяги-доктора, никто на бродяге-острове подобными вопросами не задавался.

* * *

— Ежели нам нельзя пожениться официально, предлагаю пожениться... Ну просто пожениться. Жить вместе, — отважилась сказать Юнга.

— Почему же нам нельзя это?.. Я все еще надеюсь, что Айсмаус не станет возражать. Ему-то какая разница, женат я или нет? — не слишком уверенно ответил Че.

— Так я и поверила! Он тот еще злодей и ревнивец, — опровергла Юнга любимого одним махом.

Че тяжело вздохнул и принялся в задумчивости постукивать тростью по камню. Барабанный дух в ухе вздумал вторить четкой.

— Ты делаешь ему больно, — предостерегла Юнга, отбирая трость.

— Кому?

— Маленькому трованту. Он еще не научился убегать, а ты дерешься почем зря.

— Прости, — загрустил Че.

— Так давай жить вместе? — не унималась девушка.

— Где? В подвалах маяка? Я живу там. А ты вообще... Кстати, где ты сейчас? На «Циклопе» же нельзя...

— Здесь, — улыбнулась Юнга и обвела рукой грот. — В глубине пещерки есть сухая ниша. Там и сплю с недавних пор. С тех пор, как на пляже ночами подмораживает.

— Тогда нам действительно необходимо срочно решить эту проблему! — испугался Чече, мысленно казнясь за ужасающую невнимательность. — Для меня когда-то выделялись апартаменты в новостройках. Сегодня же перееду!

— Прибери к рукам причитающееся премьер-министру материальное благо, — засмеялась Юнга.

На следующий день в итоге попытки заявить свои права Че обнаружил, что апартаменты давно заняты пронырливым чиновником из земельного департамента. Других свободных дней с огнем не сыскалось на всем острове, несмотря на местный строительный бум. А от скоропалительного предложения Флудика жить с ним соседями на фрегате Че и Юнга категорически отказались в один голос. Ведь кому понравится находиться под неусыпным надзором Преподобной Теи?

Пришлось поставить в достославном подвале Дица вторую раскладушку для Юнги, чему она была рада-радешенька. Спать, держа за руку любимого, — это ли не предел мечтаний?

Впрочем, пока это было единственное телесное проявление их взаимного чувства, кроме объятий и нежных поцелуев изредка. Потому что уж очень не совпадали их суточные ритмы. Юнга была отпетым жаворонком. Она просыпалась с первыми лучами солнца, чмокала спящего Че в лоб и убегала... Никто, правда, не знал, куда же убегала Юнга.

Целый божий день ее нигде не было видно. Че в вечерние часы бродил по острову в надежде встретить неуловимую сожительницу. А когда отчаивался, спускался в подвал, где застаивал ее крепко и безмятежно спящей на колченогой и шаткой раскладушке.

Он гладил рыжие волосы и приговаривал обычно:

— Раньше они казались мне жесткими. На самом деле они мягкие, как лебяжий пух.

Чече прикасался к своей Юнге как к грозовому облаку: искристо и свежо, и немного боязно. Но вместо грома и молний

даже в затхлой атмосфере древнего подвала витало легкое дуновение с моря. И закат этим вечером был рыжим и сочным на манер спелого апельсина.

Сильно утомленный Черный Человек долго не засыпал, стопудовые думы одолевали его. Барабанный дух обычно кряхтел и охал. Потом Че забывался в томной дреме, грезя о Юнге. Чтобы проснуться поздним утром в полном одиночестве и спохватиться от мысли, что так и не поговорил с ней накануне.

* * *

Во дворце подавали устриц и баранью ногу на обед. Еще предлагался черепаший суп. Но преподобная Тея не ела супов. Поэтому суп ожидал желающих на кухне.

— С какой стати мы должны его так долго ждать? Пусть имеет уважение и не опаздывает к обеду, — возмутился Флудик, комкая крахмальную салфетку.

— Простим его. Он чересчур занят. Какие-то неполадки в машине, кажется, — нехотя пояснила Тея и также нехотя съязвила: — А от машины, смею напомнить героическому капитану, зависит все наше благосостояние.

— Я помню, дорогая, — сразу сдался Флудик, покосившись на невозмутимых лакеев.

Неприятная ежедневная обязанность принимать пищу во дворце сильно обременяла Премьер-министра. И придворный этикет, и беседы с политической подоплекой, а пуще само присутствие Теи и Флудика отнюдь не радовали. Чече терпеть не мог церемоний и предпочитал есть с помощью рук, кривой оловянной ложки и старого охотничьего ножа. Он очень боялся ненароком расколотить музейный фарфор и запятнать безупречно начищенное столовое серебро. Хотя на самом деле это было белое золото, о чем предусмотрительно умалчивалось.

А еще на обеды порой приглашались разные неприятные личности из высшей чиновничьей братии, и это тоже не способствовало пищеварению Чече. Но приходилось терпеть, и он

терпел, изображая монолитное единство руководящего состава Острова-ковчеха.

— Обожаю вид жрущих людей! Вы похожи на чавкающий бекон! И не думайте, что если вам прислуживает дюжина парней в ливреях, вы стали разумнее. Ни на йоту! — Айсмаус влетел в раскрытое готическое окно с такой скоростью, что цветные витражи зазвенели. Следом за ним спланировал Пыжик.

— Пыжик! К уху! — скомандовал Великий и Ужасный, зависая низко над обширным столом посреди зала с гобеленами.

Пыжик по-своему понял команду хозяина и шмякнулся с размаху прямо в центр стола. На пол полетела посуда, покатились спелые наливные плоды, рассыпались осколки сервиза.

— Решил вот поприсутствовать, — сообщил Айсмаус.

— Очень, очень рады, Ваше Величайшество! — откликнулась с восторгом в голосе Тея.

Флудик привычно глуповато улыбался, а приковылявший как раз перед божественным прилетом Премьер-министр сосредоточенно пытался пристроить падающую трость около своего резного стула с высокой спинкой. Ведь мебель с претензией на средневековые зачастую весьма неудобна.

— Ну что, обжоры, тратящие массу времени и золота для набивания желудков, будет от вас толк когда-нибудь? — благодушно спросил Айсмаус.

— Мы уже закончили, — поспешила заверить хозяина Тея. — некогда рассиживаться. Дел невпроворот.

Айсмаус, как видно, потерял интерес к трапезе вассалов и молниеносно упорхнул на пару с Пыжиком тем же путем, что и прилетел.

Чече, так и не успевший приладить к стулу трость, с кряхтением встал.

— Не уходите, дорогой Че, — остановила его Тея. — Это я для Великого и Ужасного сказала, что мы закончили. Зачем его расстраивать зря? Правда же? Поешьте и расскажите нам о проблемах с нашей машиной. Нам без нее нельзя.

— Никаких проблем нет. Во всяком случае, с машиной. Работает, как часы. Проблемы у нас иного рода. И я не уверен,

что вам интересно будет о них услышать здесь и сейчас, — проговорил Премьер-министр, откланиваясь.

Как только он вышел за дверь, лакеи стаей налетели разгребать беспорядок вокруг стола, который натворил Пыжик своими когтистыми лапами и перепончатыми крыльями. Флудик продолжал улыбаться, а Тея резко отбросила салфетку и стремительно покинула обеденную залу.

Глава 16

ВСЯ ПУТАНИЦА ОТ ИНФОРМБЮРО И БЕСПОРТФЕЛЬНЫХ МИНИСТРОВ

Громкоговорители в поселке петрификатов вещали денно и ночью во всю мощь истерических голосов, принадлежащих дикторам, заботливо взращённым Ямайчиком. Это им, натренировавшимся скороговорками и вокальными упражнениями, главный радист раздавал сводки новостей, прошедшие строгую цензуру службы безопасности и Преподобной Теи.

Кули репродукторов висели на столбах вдоль улочек безукоризненно ровно, как веревочные петли на виселицах, — одинокими членами дружного коллектива, в котором общая разрешенная мысль для всех.

Народ толпился вокруг столбов, задира головы и раскрывал рты по мере воспитанности. А так как люд на острове подобрался весьма разношерстный, то и рты раскрывались уличными слушателями на разную ширину. Еще это, конечно, зависело от степени сенсационности сообщения. Впрочем, сенсации случались почти каждый день. Смотря что считать сенсациями.

Но особенно привлекали островитян портовые сводки — какое судно и с каким грузом швартуется к какому причалу, а какое уже закончило бункеровку и готово пуститься в обратный путь к берегам временно дружественных стран-партнеров.

Правда, диктор, как правило, давал справку о настоящем состоянии отношений с данным партнером, чтобы не слишком рассчитывать на его скоротечную дружбу.

Преподобная Тея считала такую политинформацию о текущем моменте просто незаменимой: граждане обязаны быть осведомлены о внешних угрозах. С некоторых пор все островитяне, занятые на государственной службе, сдавали регулярные зачеты по международным отношениям с развернутыми военно-экономическими характеристиками вероломных вра-

гов Острова-ковчег. Заседали специальные экзаменационные комиссии, строгие и ненасытные в жажде провозглашения лозунгов во славу руководящих органов достославного Острова. Откосить от этой повинности могли только мертвые.

Но умирали на острове чрезвычайно редко. Гуано было панацеей, а рецепты святого Дица творили волшебства. Потому придирчивые взгляды и каверзные вопросы от членов комиссии ожидали рано или поздно всех вменяемых островитян и даже членов команд фрегата и китобойца. Относительно последнего нужно отметить, что Санитар и его помощники регулярно сдавали зачет на высший балл. Они прославились своими творческими интерпретациями и трактовками мудрых постулатов основополагающего учения независимости и борьбы Острова.

Сильно отставал от них Психиатр. Он не мог запомнить элементарного — точного количества вражеских государств на сегодняшний день. Эта цифра менялась и росла день ото дня, и доктор никак не поспевал за такой динамикой. Он тер до красноты высокий лоб и сильно потел от бессилия и стыда. В итоге ему даже предложили поставить себе самому диагноз «слабумие». Психиатр смущенно и немного растерянно засмеялся, понадеявшись, что это была шутка. Но вся беда в том, что у почтенных членов экзаменационной комиссии, как и у не менее почтенных членов гражданско-товарищеского суда, напрочь отсутствовало чувство юмора и они вряд ли стали бы шутить на тему благонадежности и дееспособности субъекта. Посему судьба доктора еще долго висела на волоске.

— Не ровен час, окажусь я однажды в кандалах, в своих же трюмах родимого «Циклопа» на правах... Да чего уж там, вовсе без прав и надежд. И это будет конец! Постоянно вспоминаю веселые времена потопа. Как мы были счастливы тогда на «Циклопе»! Модест зевал, Ямайчик пел, Юнга плавала... — говорила он грустно, отечески похлопывая по плечу Чече при случае.

Но Премьер-министр старательно и скрупулезно ходатайствовал, в результате чего решением справедливейшего суда Психиатр был реабилитирован ввиду ничтожности угрозы, ко-

торую он представлял для окружающих, и ощутимой пользы, которую приносил на службе общине Острова-ковчеха. Милосердный вердикт суда ошеломил. Трое пузатых и щекастых общественников, вовремя примазавшихся к исполнительным органам, в напудренных нафталиновых париках и мятых мантиях проявили чудеса гуманизма. Впрочем, должно же быть в товарищеском суде что-то товарищеское.

Теперь доктор был приговорен зазубривать лозунги и цифры, конспекты и тезисы и сдавать зачеты без устали и права на провал. Так и жители Острова были обречены на простаивание под громкоговорителями в абсолютной убежденности в добровольности этого простаивания.

А что касается легкой танцевальной музыки — была и она. По вечерам. Всенепременно. Граждане танцевали с разной степенью вовлеченности: кто приплясывал на месте, кто участвовал в больших хороводах, кто вальсировал парами. На первый взгляд, создавалась радостная атмосфера народного гуляния. Но стоило прислушаться и присмотреться, становилось совершенно ясно, что каждый сознательный член общества исполняет свой индивидуальный марлезонский балет, не имеющий ничего общего ни с единодушием масс, ни с замаринованной музычкой из репродукторов.

* * *

Айсмаус очень редко соизволял совещаться с подданными. Ему было не до совещаний. Да и кто из уважающих себя богов совещается, скажите на милость? Не совещался ни за какие коврижки и Его Величайшество. Только одним пасмурным утром он услышал из ряда вон выходящее ликование на ближайшей к маяку улице на самой околице поселка.

Великий и Ужасный стремглав вылетел посмотреть на толпу местечкового плебса под громкоговорителями. Вылетел больше из-за скуки. И его немного шокировало услышанное:

— ...усилий обороны Острова-ковчеха. Уничтожена вражеская эскадра из пяти десятков военных кораблей, включая

авианосную группу. Смертоносный ураган и девятибалльный локальный шторм островной генерации, точно направленные в цель, похоронили агрессоров на морском дне. Так будет с каждым, решившим напасть на нашу священную землю! Наше дело правое! Победа будет за нами!

В воздух летели головные уборы, раздавались возбужденные голоса и радостные восклицания. Спасенный люд ликовал неподдельно. В иных обстоятельствах Великий и Ужасный и сам бы не опечалился. Однако услышанное о чуде предотвращенной угрозе нападения обескуражило его. И он был просто вынужден скоропалительно назначить срочное совещание. А проще говоря, вызвать высокое островное начальство к себе «на ковер».

— Почему, я вас спрашиваю, мне не доложили о движении целого вражеского флота к нашим берегам? — начал он чехвостишь Агату, Черного Человека, Тею и Флудика, представших перед Величайшеством с лицами нашкодивших подростков. — К тому же, с какого бодуна об этом трезвонят на улицах? Это же сведения из-под грифа «совершенно секретно»! Разве не так?!

Великий и Ужасный раскричался не на шутку. Он блаженно прикрывал глаза и взмывал к потолку, оставляя за собой широкий хвост голубых искр от нимба, как комета. Правду сказать, крик у Божественного получался весьма посредственный и не вполне грозный. Но присутствующие все равно прижмуривались и втягивали головы в плечи с перепугу, учитывая присутствие цербера Пыжика, злобно щелкающего обоими клювами.

Раз двадцать сильно раздухарившийся Айсмаус назвал соратников бесполезным человеческим дерьмом и раз десять пустоголовыми динозаврами, а также бессчетное количество раз — рукожопыми и кривомозгими наглыми мартышками.

Неоднократно божество порывалось свистнуть, но великодушно передумывало. Боялись все, даже Агата. Она-то, конечно, могла бы убедить кого угодно в чем угодно. Только в данной обстановке никто ее не слышал бы. Боялись все, а обиделась одна Тея. Нужно заметить, что обижаться принцесса начала с первой же секунды этой унижительной аудиенции. А теперь она

и вообще не выдержала, свесила лысенькую головку и заплакала горячими слезами. Каменная улыбка Флудика приобрела злорадный оттенок при виде отчаянья жены. Но надобно отдать ему должное, он украдкой взял ее за руку, исполняя положенный ритуал искреннего участия.

— Так ведь не было же ничего такого, ни флота, ни тайфуна! — отважился он на крайнюю меру. — Это ж байка для плетеев, чтоб радости полные штаны. И чтоб помнили, кто их защищает и кормит.

Кранцер замер надолго, плюхнувшись на свой потертый трон. В наступившем безмолвии казалось, что все разом умерли.

— Так это еще и вранье! Ах вы паршивцы! Какой изошренный ум такое придумывает?! — сказал Великий и Ужасный, моментально угомонившись.

Топчущим ковер сдалось, что он даже слегка восхищен легендой о морской битве близ Острова.

— Можете не отвечать. Маленькая Тея постаралась! Ну ты иезуитка петрифицированная!

Атмосфера явно разрядилась.

— Ну а остальные? Почему не предупредили?

— Так подобные нарративы запускаются практически ежедневно. Пропаганда, — призналась хрипло Агата. — Мы вас никогда не беспокоим. Не стоит вашего внимания.

— Информбюро вы недоделанное, вот вы кто такие! Пользы от вас ни в жопе, ни в голове. Ну всё, всё. Простили и прощены! — весело заключил Великий и Ужасный.

Было видно, что он немного утомлен.

Четверо смелых так спешили сбежать с «ковра», что столпились в двери, мешая пройти друг другу. Они неуклюже толкались, пока Чече не шагнул назад, уступая дорогу Агате. Но первыми выскочили Флудик с Теей, снося всех на своем пути: и слуг, и охрану.

А Великий и Ужасный издевательски тоненько хихикал им вслед.

Из ряда вон резкая смена настроения Айсмауса сильно насторожила Че. Премьер-министр оглянулся, прежде чем поки-

нуть залу, но кроме дурацкой гримасы на лице божества ничего не увидел. Только вот нимб искрил необычно разноцветно, напоминая дешевый цирковой фейерверк.

* * *

Пока совсем не завьюжило на Острове-ковчеге и в акватории, кабинет министров, с позволения сказать, собирался на открытом воздухе, в роще на бывшей аллее скульптур.

Некоторые министры вспоминали свое недавнее прошлое и громоздились на старые постаменты, уже изрядно разрушенные.

— Удивительно, как все приходит в упадок без тепла и заботы, — грустно заметила Девушка (уже без весла), притрагиваясь к трещине на поверхности своего пьедестала.

А мы заметим, что никакого ключевого поста она в кабмине не занимала, просто вела протоколы. Образ жизни у нее стал такой — «секретарша».

Премьер привалился боком к стволу ближайшего дерева в ожидании, пока соберется кворум. Время тянулось медленно, словно давая Черному Человеку еще раз поразмыслить над тем, что стоит сообщать коллегам, а что следует оставить за скобками.

Механизатор, приобретший светский лоск и отпустивший модную бородку, потирал руки, как перед заключением жирного строительного контракта, входящего в сферу его влияния.

Колхозница почти не изменилась и в полной мере олицетворяла своим дородным обликом круг интересов министра угодий, животноводства и промыслов. Ее улыбочивая румяная физиономия выражала удовлетворенность.

И вообще, все были как будто всем довольны: должностями, бытом, достатком, самочувствием. Один лишь Пионер пригорюнился на ближнем давно не выдавшем извести камне. Должно сказать, после позорного заключения с последующим искуплением и откупом его восстановили в кресле министра финансов — кое-кто выполнил обещание. Но порой ему ста-

новилося так стыдно и горько, что хотелось умереть. И теперь, сидя на подножии, где простоял долгие месяцы в почти недвижимом состоянии, он жалел, что не умер тогда, не развалился на куски и не превратился в кучку белой пыли. Все это легко читалось в его глазах. Хотя никому не было до этого дела.

Последней подтянулась Агата, неся на изящных плечах тяжелую ношу главы безопасности Острова. Она шла босая, ритмично позвякивая золотыми браслетами на щиколотках. Присоединилась и кивнула Чече. Тот обвел взглядом министров. Его поразила внезапная мысль о мнимости и бессмысленности происходящего. Но, собравшись с духом, он открыл заседание:

— Ее Святейшество Преподобная Тея предупредила, что настроения в нашем народе весьма бунтарские, хоть это и не заметно сразу. Брожение и бухтение фиксируется особенно в среде бродяжничающих элементов, а также безработные много говорят нелояльного.

— Погляди-ка на них! — всплеснула пухлыми руками Колхозница.

— Неблагодарные!

— Пускай спасибо скажут, что их вылечили, спасли и оставили жить в раю.

— В святилище!

— В богоспасаемом краю!

Это Девушка и Колхозница вторили друг другу.

Так могло бы продолжаться сколь угодно долго. Пионер задумался, Агата раскачивала ногами, свесив их с бревна, а ее пятки задевали мягкий ласковый валежник. Чече смотрел в сторону и тоже думал о своем. Он так задумался, что чуть не вступил в диалог с бубнящим барабанным духом.

Но тут слово взял, как самый смысленый, Механизатор:

— Мы не знаем, что тут можно поделывать. Мы не такие умные. Пока. Наши тела еще не рассыпались во прах и вся жизненная и нервная энергия не целеустремилась в голову, как у Его Величайшей Божественности. Вот когда это наконец случится...

— Бред! — вспылал Че.

— А спецпайки сегодня будут? — невпопад спросила Колхозница.

— Обещали осетрину и паюсную икру, — размечталась Девушка (уже без весла).

— Все свободны! Раз ни у кого нет мнения по важному вопросу. Получайте пайки! — вскричал Чече гневно.

А министры приняли его приказ за чистую монету и лениво потянулись восвояси, переговариваясь и чему-то радуясь. Даже Пионер слез с камня.

— Титан уже откололся от ледового континента и мы идем ему навстречу, — вполголоса произнесла Агата в спины уходящим.

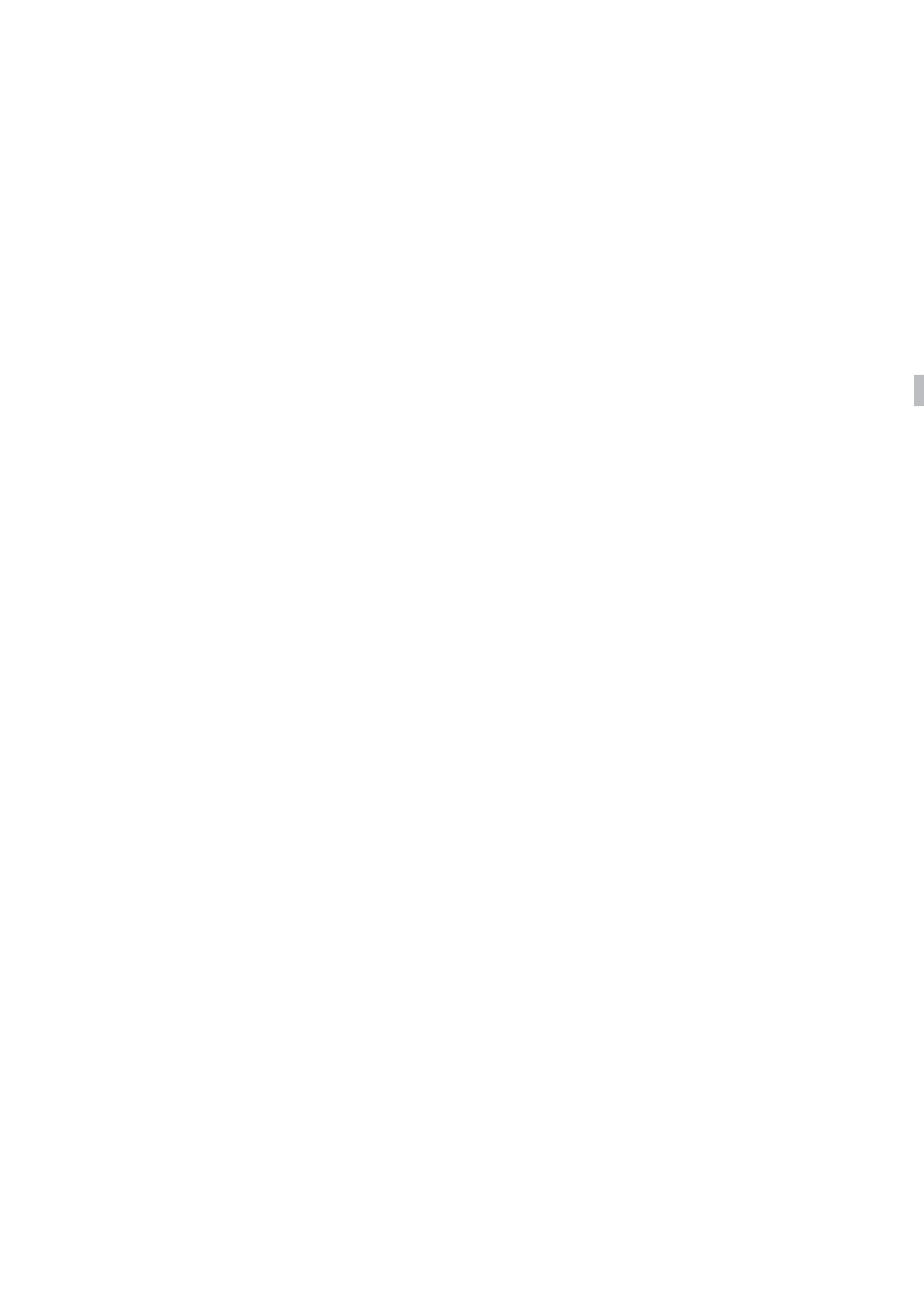
Никто не обратил на ее слова ни малейшего внимания. А зря!

Глава 17

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ ВСЕГДА ВДВОЕМ

После выволочки у Великого и Ужасного принцесса долго приходила в себя. Одинокая и гордая, она обижалась и рыдала, никого не подпуская на пушечный выстрел. Впрочем, никто особенно и не рвался.

Проходили дни, а Преподобная дулась на весь мир, даже произнося свои высокопарные проповеди. Флудик приходилось настоятельно покашливать, если она очень уж увлекалась в религиозном рвении.

Со временем буря страстей Теи отнюдь не улеглась. Обида переросла в лютую злость. В тщетных попытках ее утолить Преподобная методично отыскивала козлов отпущения и по обыкновению жестоко карала.

На «Циклопе» устали принимать и размещать новых пациентов с новыми психиатрическими диагнозами, сплошь представляющими угрозу для общества. Из-за множества тесных вонючих клеток палуба китобойца стала похожа на зверинец нищего бродячего цирка.

Но самого изощренного наказания, по мнению Ее Святейшества, заслуживали свидетели ее унижения Его Величайшеством. Однако не все были равны в планах ее мести. Агаты она опасалась из-за возможных последствий их конфликта, последствий мистически-окультиного толка. Тея была хитра и осторожна, но подвержена сверхценным идеям, до безумия, до фанатизма подвержена. И в колдовство разного рода она верила тоже с присущей оголтелостью. Посему босоногая ведьма Агата пока отпадала как объект мести. Флудик же мог еще пригодиться, да и муж он все-таки. Незыблемые устои брака и прочее, прочее...

Оставался Черный Человек. Вот кто безоговорочно подходил. Вот кто был достаточно беззащитен и благороден, да к

тому же вполне себе знающ, сведущ и обременен. И она с маниакальным прилежанием принялась устраивать свою встречу тет-а-тет с Премьер-министром. Трепетала, как перед первым свиданием трепещет влюбленная девица, готовила фразы и доводы. Одним словом, предвкушала возмездие.

— До меня дошли достоверные слухи, что вы греховно сожительствуете без бракосочетания, — процедила Тея сквозь зубы, отвернувшись от Чече.

— Правда? — хмыкнул он, не придавая особого значения этому странному рандеву.

— Сведения, сообщаемые мне, всегда наиболее достоверны. Верьте слову. И примите к сведению, — отчеканила она, едва шевеля сухими бледными губами.

— Не думаю, что должен отчитываться о нюансах моей личной жизни, — немного напрягся Премьер-министр.

Больше всего вызывало дискомфорт то, что Тея упорно не желала смотреть на него. Он поискал ее взгляда, но безуспешно.

— Я бы на вашем месте задумалась о дальнейшей судьбе девушки. Кстати, ее поведение тоже далеко не безупречно.

— Что это значит?

— Это значит, что я намерена поставить на вид! Чтоб остальным не повадно было идти против традиций и устоев!

— Помилуйте! Какие тут на острове устои? Когда они успели устояться? — опрометчиво засмеялся Чече.

— А религия?! Осмелитесь утверждать, что и ее, нашей святой веры, тоже нет?! — злобно зыркнула на него Тея.

— Нет, нет, религия, конечно, есть. Руки прочь от религии и веряи. Но она существует лишь для глубоко верующих. Для остальных — это сплошной бред. В том числе и для меня. Прошу прощения за безжалостную правду.

Чече был готов пуститься в теософскую полемику, но осекся, нечаянно глянув в глаза принцессе. Холодок пробежал по его спине от ее взгляда.

— Учтите, я по долгу службы назначу день суда над Юнгой за аморалку. И экспертизу назначу. И поверьте, ее признают невменяемой. Рассудите сами, какая уважающая себя женщи-

на станет тайно сожительствовать с очень странным мужчиной вдвое старше себя? Это же во все времена моветон! Мезальянс! Или она через вас рвется к власти? Ее замечали в квартале безработных. Она толкала там пламенные речи на тему социальной справедливости. Она ко всем прелестям разврата еще и бунтарка. Ее следует упечь! — Тея с таким жаром говорила, что ее белые щеки слегка порозовели.

Че слушал молча, не перебивал. Потом так же молча поклонился и вышел вон.

Он быстро, насколько мог при своей хромоте, направился к маяку. В голове крутилась единственная мысль: «Нужно ее опередить, непременно нужно ее опередить!» К огромному счастью, он застал любимую в подвале.

— Собирайся скорее! Будем тебя прятать! — воскликнул Че с порога.

— Могу вернуться в грот, — с полуслова поняла его Юнга.

— Кто еще знает о твоей пещере?

— Пионер. Но он не выдаст.

— Видели мы, как он честен, — усомнился Че.

— Обманет и на сей раз, — заверила она.

— Ну, если ты абсолютно убеждена...

— Все равно больше негде приткнуться.

— Это вопрос жизни и смерти. Твоей. А значит, и моей, — сказал Че и сам удивился сказанному.

Юнга схватила свои скромные пожитки в старом вещмешке, засунула в карман большой пожелтевший зуб кашалота, подарок Модеста, и на долгую минуту повисла на шее Черного Человека.

— Ты же будешь ко мне приходить? Хоть изредка? — со слезой в голосе спросила она.

— Я очень сильно постараюсь. Если будет безопасно, — пообещал Че.

Она выскочила из подвала, оставив его в печали и сильной тревоге.

* * *

Когда след Юнги простыл и Премьер-министр Островаковчега удостоверился в ее благополучном исчезновении, стало возможным предпринять какие-то шаги. И Чече запросился на прием к Великому и Ужасному.

Весь в тоске и страхе, он явился в тронную залу с прошением и жалобой, но без особых надежд.

— Так и сказанула — «упечь надо»? Вот какая негодяйка наша преподобная сектантка! — загоготал Айсмаус, услышав сбивчивый рассказ Че. — А признайся, было у вас то-это самое, трали-вали? Было?

— Нет, до этого еще не дошло, — смутился Чече.

— Ты старый девственник! Вот в чем все дело! Я давно подзревал! Слушай, но это даже как-то несуразно выглядит. Вам аморалку шьют, а вы целомудренней меня, выходит? — не прекращал издевок Кранцер.

— Я рад, что развлек Ваше Величайшество, — буркнул раздосадованно Чече.

— Да брось дуться, не бойсь, я принцесску утихомирю, — величаво пообещал Великий и Ужасный откуда-то сверху.

У Чече немного отлегло от сердца.

* * *

Смерти на Острове старались хранить в строжайшей тайне. Сначала труп увозила неотложка под видом реанимационных мероприятий. Мертвеца интубировали, в вену втыкали капельницу, даже укрывали заботливо клетчатый пледиком. Дальше его везли на пристань вместо амбулатории и катером транспортировали на «Циклоп». Там команда из трех глухонемых верзил трудилась над погребением. Они безропотно зашивали тело несчастного в мешковину, накрепко привязывали к ногам груз и отправляли прямиком рыбам на корм. Ну и жирные мурены водились вокруг Острова!

Так вот, однажды утром, а случилось это как раз после бегства Юнги, неотложка тихо подъехала к маяку, хотя туда ее никто не вызывал. И трупов там пока не было. Но, вероятно, предвиделись, раз приняли меры. И видимо, недаром, потому что не долее как через четверть часа был учинен форменный погром в лаборатории Фон Дица боевиками из гвардии Преподобной Теи. Для того, чтобы превратить и без того ветхое помещение в руины, понадобилось всего четверо громил. Остальные курили косяк на пороге.

Посланцы смерти ушли не солоно хлебавши (не найдя ни Юнги, ни загадочного компромата, о котором спрашивали Че, а он лишь моргал и шмыгал носом в ответ). Чече вначале в испуге забился в дальний угол, держа трость наперевес, словно готовясь отражать нападение. Но ни черта он не отразил, а только плакал и тряс подбородком от бессилия. Даже через несколько часов он не мог опомниться. Барабанный дух тоже, кажется, сдрейфил и малодушно умолк в правом ухе.

Благочестивая и великодушная ведьма Агата пришла на выручку, чудесным образом почуяв неладное в лаборатории покойного папы. Она обула красные балетки, заперла за собой дверь, помогла Чече подняться на ноги, усадила его на уцелевший табурет, заварила крепкий чай, разгребла осколки и обломки незатейливого подвального комфорта, соорудила нечто вроде стола. Наблюдая за ее четкими и уверенными действиями, горемычный Премьер-министр стал понемногу успокаиваться. И к моменту ее ухода уже улыбался.

— Я бы осталась с тобой на ночь. Как ты понимаешь, я не боюсь никаких лысых остервенелых служительниц недоделанных культов. И к шитью дел по аморалке у меня стойкий репутационный иммунитет. Только вот вторую раскладушку безнадежно сломали. Подамся-ка я восвояси. Пока, Че. Будь.

И она скрылась за дверьми. Кстати, ни одна живая душа не знала, где ночует Агата. Об этом вдруг подумал Чече, провожая ее взглядом.

Впрочем, Агата пошла не спать, она направилась к Великому и Ужасному. Встретилась ли она с ним и какие разговоры

они вели, доподлинно не известно, а только утречком Айсмаус Кранцер пошел против своих привычек и призвал к себе Ее Святейшество Преподобную Тею.

— Мы очень ценим вклад, так сказать и тому подобное! Но ты это, солнышко... помирись, что ли, с Премьером-то. Неприличные дразги какие-то. Судачат на острове, — распекал Айсмаус Тею нехотя. — Юнга, она такая славная. Пусть себе их... Когда я еще не стал Богом, она выуживала меня из пучины вод морских. Тогда я от них сильно пьянел, шалел и помрачался в уме сильно. А она пловчиха хоть куда и акулы ее почему-то не трогают. Кто ее знает, может тоже колдует понемногу. Колданет внезапно, и амба! Гы-гы.

Было похоже, что хозяйина к такому несвойственному заступничеству принуждает пристально наблюдающий за процедурой Пыжик. А Тея сопела и коричневела от подавляемого гнева. Ее даже тошнило, и она иногда прикрывала рот ладошкой.

— Ну не могу же я репрессировать собственного Премьера! Это же подорвет! И он же нужен, в конце концов! Понимать надо! А ты на него свору своих отпетых псов натравила, важную лабораторию разгромили. Еще раз такое повторится, накажу. Так и знай!

Будто в подтверждение этих слов Пыжик жадно защелкал обоими клювами.

* * *

Ночи на Острове становились все холоднее. Порой под звездно-черным небом пролетали одинокие снежинки. Юнга ловила их языком, кутаясь в платок. Ей нравился едва осязаемый вкус севера. Казалось, что она еще может победить его — взять и слопать, как эту пустопорожнюю снежинку.

Выходила она из пещеры редко. Так велел Че. Он сильно волновался о ней и под покровом тьмы таскал снедь и другую всячину. Например, тюфяки и одеяла, найденные в пыльных закромах маяка, парафиновые свечи, посуду и сладости. Все это нужно было добывать с соблюдением строжайшей секрет-

ности, как вы понимаете. Но наш байронически-хромоногий премьер прилагал все старания. Однажды он приволок какое-то странное растение в кривобоком горшке. Оно было серо-бурого цвета и напоминало кусок хозяйственного мыла неправильной формы.

— Суккулент. Агата оставила в лаборатории. Ухода не требует, я проверял, — пояснил он, сунув горшок в руки Юнги.

— Что я буду с ним делать? — сияя, поинтересовалась девушка.

— Для интерьера, — буркнул Че смущенно.

В дальнем тупиковом закутке грота было на самом деле уютно и даже тепло и сухо. Юнга умела поддерживать огонь в буржуйке и жить, как первобытные люди.

Чече был не то чтобы удивлен, но точно не огорчен этим. Он сел на камень, застеленный старым кудлатым тулупом, и хлебал горячий чай из кружки без ручки. Юнга подвигала к нему сухарики и карамельки, гладила по голове и плечам и вздыхала. Че вздыхал тоже, но старался это делать как можно незаметнее. Ведь у нее и так житье было теперь не сахар.

А вообще, глядя со стороны можно было подумать, что чету на пикнике застал ливень и заставил перебазироваться в пещеру со всем своим туристским скарбом и инвентарем. К тому же они по большей части молчали, потому что некоторые супруги, особенно любящие, разговаривают без слов.

Потом они отдохали на горе тюфяков, застеленных одеялами и овечьими шкурами. Лежали рядом и смотрели на каменный свод пещеры, поблескивающий от бликов пламени очага и свечей. В одну из таких обворожительных ночей в этом трювантовом гроте под шепот прибоя снаружи — осуществилась их любовь. И это было так взрывоопасно, что оба страшно испугались в итоге. И снова лежали молча в изнеможении, боясь шевельнуться и взглянуть друг на друга. Но потом незаметно заснули, а проснувшись, не почувствовали ничего, кроме обжигающего счастья.

— Ты тоже?..

— Я тоже!..

Больше они в тот день не сказали ни слова, хотя провели его целиком вместе вопреки обыкновению. Крепко обнявшись, брели они по берегу, забыв об осторожности. Целовались до трещин на обветренных губах.

На закате Юнга ловко поймала рыбу и зажарила ее на огне. Они ели руками, продолжая целоваться при первой физической возможности, что было запредельно приятно, хотя с рыбным привкусом, и достаточно скользко из-за жира. Юнга безмолвно и безмятежно улыбалась. И только перед рассветом, когда Че засобирался на службу, она немного охрипшим от долгого молчания голосом произнесла:

— Не исчезай надолго, а то я буду хандрить.

Он только поцеловал в ответ. Она запомнила именно этот поцелуй, в ужасе подумав, что он может быть последним.

* * *

Как ни странно, Тея немного утихомирилась после беседы у Его Величайшества. Вернее, после его тонкого урезонивающего монолога.

По пути от маяка во дворец Преподобная все еще испуленно твердила себе под нос:

— Убью, уничтожу всех гадов! Вместе с их девками, ползучими камнями и летучими мышами! И колдовство истреблю под корень! Проклятый остров!

Это клочья гнева все еще бушевали в ней. Но окончательное отрезвление не замедлило стереть напрочь гнев, оно пришло внезапно и больно посредством речи диктора из ближайшего громкоговорителя. Заметим, что голос его слегка вибрировал.

— Необычайный подвиг совершили наши операторы энергетической машины Гип и Гэп под чутким и компетентным руководством нашего незаменимого и гениального Премьер-министра. Этой ночью была отбита атака на Остров целого роя ударных дронов-камикадзе, способных нанести неисправимый ущерб. Но, к счастью, у нас есть оружие и люди, виртуозно владеющие этим оружием! Слава героям! Слава Острову-ковчегу!

Толпа по обыкновению бурно возрадовалась.

«Сволочи! Как фейки свои бездарные, так первым делом суют мне на подпись, а когда и правда была попытка нападения, меня можно проигнорировать!» — подумала Тея.

Но вместе с праведным возмущением к ней пришло понимание бесперспективности и даже вреда от преследования Премьер-министра.

— Так мы будем сегодня арестовывать Черного Человека? Я сейчас был на отмели у машины, там отлив и Премьер там, возится со своими малахольными придурками, что-то у них с радаром, кажется, после веселенькой ночи. Можно без шума и пыли брать, — сообщил ей Флудик с порога.

— Опасно переть против самого Премьера. Никогда и не планировала его задерживать. В нем вся наша надежда. Разве нет? Разве не он сегодня отразил атаку каких-то сраных дронов? Мне, кстати, ни одна протокольная морда из канцелярии не удосужилась доложить об этом. Узнала из репродуктора, проходя случайно мимо во время трансляции, — елеиным голоском произнесла принцесса, стараясь глубоко и медленно дышать.

Флудик пожал плечами. Всем своим лощеным видом он демонстрировал полнейшее безразличие к злободневной островной политике. В другое время капитан получил бы за это нагоняй от благоверной, но теперь ей было не до него. Ее мысли унеслись далеко к воображаемой шахматной доске, где в произвольном порядке были расставлены бело-черные фигуры: Айсмаус, Агата, Чече и прочие персонажи, менее значимые, но все-таки могущие повлиять на ход истории, сочиняемой Ее Святейшеством.

Глава 18

ВОЙНА СУПРОТИВ МИРА, ИЛИ КАЖДАЯ ПОГОДА — БЛАГОДАТЬ

Шапочка из фольги трудоголика Ямайчика перестала функционировать. По его личному и совершенно безапелляционному утверждению. С ним случилась спонтанная истерика по данному поводу. Он даже запел протяжно и тоскливо, как в прежние «циклоповские» времена. Пришлось в срочнейшем порядке просить Гипа сделать защитный шлем, за что он взялся незамедлительно.

Но в тот же миг его сильно обескуражил резонный вопрос Гэпа — от чего, по мнению радиста, должен таковой шлем защищать? Обратились к Агате, но она только засмеялась демонически. Тогда решились побеспокоить Преподобную, которая при отсутствии присутствия раздраженно пригрозила всей компании арестом. Наконец спросили у Психиатра и без проволочек получили розовые сильнодействующие пилюли от нервов. Ответил же на вопрос Черный Человек:

— Сделайте шлем из легкого металла поудобнее, чтобы он не мешал наушникам и вертеть головой. На макушку громоотвод не забудьте вкрутить — мало ли что. И все. Поможет. Считайте это индивидуальной спецодеждой для незаменимого сотрудника.

Ответ частично удовлетворил братьев по разуму и уже к вечеру шлем для Ямайчика был готов. Элегантный и очень стильный. Просто-таки просился на открытку с рекламой Острова, если бы такие существовали — как демонстрация новейших технологий.

Напялив шлем из тусклого белого металла, Ямайчик даже несколько переменялся. Почти неуловимо: немного приосанился и чуточку повыше задрал подбородок. Но по кокетливому взгляду из-под обновки становилось понятно, что он считает себя неотразимым. Чече мимолетом подумалось, как бы он не заважничал вконец.

Случилось это, прямо скажем, малозначительное событие с изготовлением нового шлема для всеостровного ньюсмейкера аккурат накануне новостей, важность которых трудно было переоценить.

Так вот, одним ранним студеным утром Ямайчик резво носился по Острову в поисках Чече. Народа в свободном доступе было немного. Только работники сферы снабжения копошились у лавок и лотков с продуктами питания. Да еще дворники ленились угрюмо, но мели. И Премьер-министр, которого с ночи и след простыл, никак не находился. Зато Ямайчику встретила Агата.

— Мировая война! Война! — выпалил он прямо ей в лицо, не выдержав испытания совершенной секретностью сведений. — Запад и Восток объявили войну друг другу.

— Ну и что? — хмыкнула колдунья. — Будем скоро барыши считать. Всем понадобится и панацея наша, с позволения сказать, и климатические раптусы.

— Так она за сферы влияния... Колониальная война, однако, — шепотом добавил Ямайчик.

— А где ты видел другие войны? Вечно суть одна и та же.

— Так сфера влияния — это мы! — ужаснулся радист своим же словам.

— Кто сказал? — напряглась Агата.

— Все! Все об этом только и говорят. Почти всю ночь! На весь эфир, черт его дери!

— Ну конечно! — хлопнула себя по лбу колдунья. — Мы же в этом веке самый лакомый ломоть.

— Большая битва шла несколько часов. В восточной части океана. Потоплено несметное количество кораблей и даже авианосцев. Запад пока одержал победу. Но Восток превосходит по потенциалу! — Ямайчик аж запыхался.

— Информацию проверял? — сдвинула брови Агата.

— Верифицировал, сравнивал, анализировал.

— Хорошо. Пока они дерутся, наши шансы не равны нулю. Я сама найду Премьера. Возвращайся в рубку. Ты нужен там.

Радист замылся в сомнениях.

— Да брось, я же все-таки глава безопасности, как-никак, — успокоила она, уже направляясь к пляжу и тровантовому гроту.

* * *

Весть о мировой войне из-за Острова-ковчеха взбудоражила и всколыхнула. Каждый из власть имущих видел ближайшее будущее по-своему.

Айсмаус если и переживал, то глубоко в себе: все так же носился над бухтой с Пыжиком и другими кажанами, нырял, тайно принимал ванны из донорской крови с целью высочайшего оздоровления.

Агата танцевала с тровантами пуще прежнего. Иногда только она тихо приходила к гроту в часы, когда у Юнги бывал Че. Она деликатно покашливала, и услужливое эхо доносило эти звуки до уютного тупика в глубине пещеры.

Черный Человек выходил к ней и они подолгу советовались, как быть дальше. Больше всего Премьер-министра занимали проблемы ускорения движения Острова. Он ума не мог приложить, как выбраться им всем из западни с генерацией климатических раптусов.

— Теперь вот война еще. Стали притчей и сами в том виноваты, — нередко упрекал он сам себя. — Моряки с фрегата говорят, что никогда не лежали в таком странном дрейфе. То и дело им приходится поднимать паруса и догонять Остров.

Агата слушала и задумчиво тасовала свои таро.

Активно действовала только Преподобная Тея. Ее Святейшество неусыпно трудилась над созданием собственного войска. Она собирала паству и призывала проснуться в минуту опасности. Молодые и относительно сильные должны были явиться на сборный пункт и заключить контракт на оборону Острова-ковчеха.

— В этот тревожный час, когда враги окружают нас плотным кольцом, которое день ото дня все плотнее сжимается, мы все должны встать плечом к плечу на защиту святого дома.

И помните, павшие в бою первыми избавятся от своего брэнного тела и присоединятся к небесному воинству головачей! — Тея вещала, но чепчики с другими уборами в воздух летели все реже и реже. Народ все чаще безмолвствовал. И чем страшнее картину рисовала Ее Святейшество, тем молчаливее становилась паства.

Посему было принято решение о найме преторианской армии. Компактной и маневренной, состоящей из морских пехотинцев частных военных компаний. Сказано — сделано.

Как-то утречком после обстоятельного завтрака капитан Флудик препроводил августейшую супругу на пристань встречать иностранный легион. Над делегацией кружил бесшабашно улюлюкающий Великий и Ужасный. К пирсу должен был пришвартоваться катер с воинством на борту. Но по непонятной причине катер этот промахнулся с пунктом прибытия и бросил якорь неподалеку от тровантового пляжа. Солдатам пришлось прыгать в воду и добираться до берега вплавь. Разумеется, это было им вполне по плечу несмотря на тяжелую амуницию и экипировку.

Преторианцев было всего тридцать три. Они вышли из пучины вод, как из толщи времен, нарядные и огромные в сверкающих на солнышке касках. Глаза блестели в прорезях черных масок. На ярких шевронах был изображен двуглавый змей с крыльями и мечами в лапах. Красивый и с виду доблестный. По выраженной генной мутации змей был вылитый Пыжик, только с чешуйчатым хвостом.

К воякам со всех ног бежали встречающие во главе с Теей и Флудиком. Недоразумение обернулось позорным срывом церемонии. Богатыри сосредоточенно вытряхивали воду из обуви, а перед ними в растерянности остановилось униженно задохнувшееся от вынужденного кросса начальство.

О речах и прочих церемониальных штуках не могло быть и речи. Тея хватала ртом воздух — то ли хотела что-то сказать, то ли просто никак не могла отдышаться. Флудик в сердцах пинал ногами мелких тровантов и ойкал от боли. А Кранцер над их головами гоготал и выкрикивал что-то оскорбительное.

Только Черный Человек в сопровождении Агаты откуда ни возьмись появился на пляже и сказал короткое:

— Добро пожаловать на Остров-ковчег.

Чем немного разрядил обстановку. Тея пронзила его гневным взглядом. А омытые с макушки до пят преторианцы невозмутимо последовали за хромым Премьером и босой колдуньей к месту дислокации, оставив пляжную делегацию в расстроенных чувствах.

— Интересно, кто командир? — прошептала Агата на ходу, не поворачивая головы.

— Понятия не имею. Они одинаковы, как клецки в супе. А лиц не видно, — тоже шепотом пожаловался Чече.

— Толку-то от них, как считаешь?

— Слишком мало для... для чего угодно мало.

— Пожалуй, для охраны голомозгой фанатички достаточно.

— Разве что...

Черный Человек несколько раз оглядывался. Нечто неумовимо и трепетно знакомое чудилось ему в катере, который мерно покачивали волны бухты. Че морщил лоб, стараясь припомнить, но память глумилась, приводя усталый ум в замешательство.

* * *

Военные новости в дальнейшем не слишком обременяли наивные умы островитян. Репродукторы выкрикивали сводки боев. Верх брала то одна, то другая сторона мирового конфликта. При регулярном оглашении количества погибших слушатели лишь пожимали плечами и порой вздыхали, слегка печалась. Но их больше занимала растущая дороговизна товаров народного потребления и сложности с импортом. Ощущался уже дефицит отдельных артикулов из продуктового и промышленного ассортимента. Копить на отпуск и на старость становилось затруднительно. Да что там говорить, практически невозможно. Инфляция и рост цен, топливный и сырьевой кризис — вот основные темы нерадостных бесед

свободных граждан Острова-ковчеха помимо, разумеется, ухудшающегося климата.

А природа и впрямь деградировала катастрофически быстро. Уже не раз выпадали снега, шли холодные хрустальные ливни. Пришлось в пожарном порядке закупать в северных странах партии меха и шерстяных тканей, а также уголь и мазут на отопление.

— Природа не предусматривает плохой погоды, зато балует нас разнообразием, того и гляди, северное сияние жажнет, — увещевала Агата Чече.

А он и не собирался протестовать. Он только все время хмурился, думая о беспризорности Юнги.

— А вот война меня сильно тревожит. К чему бы это, а? И Титан тревожит. Нам не миновать с ним встречи.

— Титан... Что за зверь такой? Сама понятия не имеешь. Кому не миновать встречи, так это тебе — с Психиатром. Либо для лечения психоза, либо для заключения в клетку, — с грустью предрекал Чече, хотя функция предрекать принадлежала скорее колдунье.

— Самое неприятное в нашем теперешнем бытии — совершенное бессилие. А еще говорят, что мы самые влиятельные люди на Острове, — констатировала она, заглядывая по обыкновению в таро.

— Черта с два! — коротко подтверждал Премьер.

А война шла себе где-то там, за множеством океанских горизонтов, сильно, но отдаленно влияла на Остров, меняла уклад и характеры не в лучшую сторону. Короче говоря, война — дрянь, и погода — дрянь, тут и к попу не ходи. А вместо попа на все случаи жизни — Ее Святейшество. И у нее характер тяжелый. Сам Великий и Ужасный часто не связывается. И пугающие безликие преторианцы понаехали, шныряют тут и там, скрываются от них негде, честное слово. Такое впечатление, что их не 33, а сто тысяч 33. Все одинаковые, как на подбор, и абсолютно без командира. Будто управляет ими какой-нибудь искусственный интеллект на расстоянии. Правда, по-своему бравый капитан Флудик несколько раз пытался отдавать им распоряжения, но

абсолютно безуспешно, только оскандалился публично. Мещане хихикали по переулкам, перешептываясь. Никто из начальства не вызывал у народа такое благодушное презрение, как наш флибустьер на пенсии. Но если взять преторианцев, то оные вызывали трепет и почтение. Такой трепет и такое почтение, что даже Его Величайшество расстраивался:

— Они сами люди не местные, а все разом в главари норовят! Кто их просит? — визжал он каждый раз после очередного столкновения с безмолвным патрулем.

Дело в том, что наемники, похоже, не понимали в принципе, что это за предмет снует над ними, да еще с прибаутками очень неоднозначного содержания. Стражи хватали, что попало под руку, и метали в Айсмауса. Надо признать, швырялись они довольно метко. Великий и Ужасный едва успевал уворачиваться. И это на глазах изумленной публики. Зачем только он стал появляться в дневные часы над поселком? Соскучился, наверное. Однако журить его за нанесенный самому себе как божеству репутационный ущерб было некому. Но самое удивительное было то, что он не спешил свистеть в сторону патрулей. Казалось, даже Пыжик недоумевал, воззрившись на хозяина не мигая.

Пока преторианцы безнаказанно сражались с Его Величайшеством, предпринимая все новые попытки сбить его на бреющем дырявым сапогом с помойки, принцесса Тея ломала себе голову, как выкручиваться из ситуации.

— Новая беда обрушилась на нас! Пока Его Божественное Величайшество, предтеча и прародитель всего сущего, неустанно принимает молитвы преданных верян о спасении Острова-ковчега от напастей, подлый искуситель, исчадие преисподней, имя которого кануло в Лету, вероломно принял облик Великого и Ужасного, чтобы запутать нас и дискредитировать в наших глазах нашего Бога! Пришелец надел личину и принялся озорничать и оскорблять, соблазнять и совращать. Но воины света ведут бой и одержат победу над силами зла! Так и знайте! — провозгласила она с кафедры храма. Впрочем, Великому и Ужасному она так ничего и не сказала.

Одна лишь Агата, хоть и небезосновательно опасаясь попасть под горячую голову Айсмауса и под смертоносные клювы Пыжика, рискнула и бросилась, с позволения сказать, в омут очертя голову:

— Нужно прекратить эту нелепую игру в стритбол с преторианцами. Они же глупы так же, как и сильны. Мы чрезвычайно беспокоимся за вас и просим сжалиться над вашими верноподданными. Вы единственная надежда человечества, единственное живое подлинное чудо из всех чудес света. Тому доказательство — сверхъестественная энергия Острова, которая без вас — ничто.

Взгляд Айсмауса Кранцера теплел с каждым ее вкрадчивым словом, а уголки губ приподнялись блаженно. Совсем скоро стало понятно, что с рисковыми полетами покончено.

* * *

— Часто вспоминал вас, дорогой капитан «Наяды», и очень сожалел, — признался сходу Чече, едва завидев старого знакомого на причале у пришвартованного катера.

— Бог с вами, сударь, нельзя сожалеть вечно, — улыбнулся капитан, самодовольно погладив свой живот.

— Как мне не сожалеть, если я так и не узнал ваше имя?

Здесь Чече скривился мученически, потому что барабанный дух спонтанно разразился в ухе потоком площадной брани.

— Пустое! — благодушно ответил шкипер, отнеся гримасу собеседника за выражение крайнего сожаления. — Мое имя не имеет ни малейшего значения.

— А что имеет? — заинтересовался Чече, обрадованный молчанием духа.

— То, что у вас здесь рай, подлинный рай. И нет войны.

— А там, откуда вы прибыли, она...

— Там сущий ад. Миллионы павших. Целые страны в огне. Война пошла супротив всего мира. Не сыскать уголка, где бы не поселилось горе. Кроме вашего Острова-ковчега, конечно, — признался капитан «Наяды».

— Оставайтесь здесь...

— Звучит сомнительно, — подметил капитан.

— Наверное потому, что мы, кажется, в эпицентре этого мирового тайфуна. Просто здесь еще не чувствуется в полной мере вкус катастрофы.

— Все познается в сравнении. Как по мне, то уже чувствуется.

Чече приуныл.

— Так что бороздить моря гораздо спокойнее. Не считите за глупость. Мобильность, знаете ли, дает кое-какую свободу для маневра и бегства. — После такого признания капитан «Наяды» недолго помолчал. — Могу захватить вас с собой по старой памяти, как бывшего владельца моего судна.

— Благодарю, но вынужден отказаться.

— Понимаю.

— Кстати, какими судьбами вы у нас? Я забыл сразу спросить. Память подводит. Сосредоточиться бывает трудно...

— Отдыхаем в порту покуда. Команда на местные экскурсии ходит. Достопримечательности тут у вас, чудеса просто какие-то. А недавно халтурили в вашей акватории — доставили к берегу доблестных легионеров.

— Так это вы искупали их хорошенько? — засмеялся Чече.

— Хотелось прополоскать и охладить мозги хоть кому-то из вояк. Развелось их теперь, как саранчи.

С тем капитан вежливо откланялся, возвращаясь на старую «Наяду».

Черный Человек смотрел на ржавое суденышко и дивился его выносливости и живучести.

Через день-другой причал опустел, обрекая Че и впредь принадлежать Острову-ковчегу.

* * *

На Острове-ковчеге имелось в наличии всё или почти всё — вплоть до панацеи и климатического оружия. А об оригинальной и аутентичной религии с самым невероятным че-

ловеко-головастым божеством нечего и говорить. А тут еще и северное сияние осветило небо однажды ночью. (Агата давно о нем упоминала — оказалось, что не в шутку.) Сияние было огромным, сине-зеленым с розовым отливом по краю бездны. Словно боги выставили на всеобщее обозрение свое волшебное зеркало, в котором ничего не отражалось, а лишь мерцали огни давно погибших цивилизаций да пробегали мимолетные бесовские тени без формы и цели.

Народ вывалил из домов, коттеджей и бараков. Даже бродяги выползли из-за мусорных баков. Все глазели на северное сияние. Оно одаривало созерцателей потусторонней красотой, но и внушало смутную тревогу.

Чече как раз вывел Юнгу на ночную прогулку, как повелось у них с недавних пор. Они легко, но умопомрачительно соприкасались губами, когда вдруг берег и скалы озарились мягким светом, а трованты зашуршали вокруг недоуменно. Возлюбленные держались за руки, задрав головы. Очарованно любясь и страшась одновременно, они не сразу заметили цыганку у большого, вибрирующего всей каменной кожей трованта неподалеку.

— Ты уже не ходишь босиком? — бросил Че, всем своим видом давая понять, что устал прятаться.

— Ужасно жмут и натирают эти модные лапти. Но пятки мерзнут, пришлось напялить, — пояснила Агата дружелюбно.

— Дожили, — кивнул Че на сияние вверх.

— Я же предупреждала. А еще Титан по курсу, не забывай, — хохотнула ведьма.

И добавила, чуть погодя:

— Перед этим все теряет смысл. Наслаждайтесь, пока можно.

И она ушла, ласково поглаживая по пути бока встревоженных камней. Лишь однажды обернулась и крикнула со смешком:

— Если захотите поспорить или поругаться, обращайтесь!

Юнга и Че больше не боялись разоблачения с ее стороны. Сияние смахнуло одни страхи, но безжалостно наваяло другие.

Глава 19

СТАВОК БОЛЬШЕ НЕТ

Приближенные к Его Величайшеству стали все чаще замечать некоторые изменения в поведении владыки мира. Началось с того, что он погрузился чрезвычайно и перестал принимать в тронном зале. И выставил Пыжика в прихожую. Конечно, кажану-мутанту по большому счету было абсолютно все равно, где сидеть и пялиться в стену. Обслуга, испугавшись сперва таким нововведением, вздохнула с облегчением, когда Пыжик стал брать куски мяса с рук у кого попало. Впрочем, что тут удивительного? Ведь каждая живая тварь понимает инстинктивно, что еда есть еда и грех отказываться от нее по весьма иллюзорным причинам типа обид или тоски по хозяину (который, кстати сказать, находился прямо за дверью). И Пыжик прослыл не только кровожадным, но и умным. Возможно, заслуженно.

Но вернемся к Великому и Ужасному. После выдворения друга за черту оседлости он первым делом отказался от кровавых ванн. Дескать, скользко ему, мокро и прочее. Никто — ни Чече, ни Тея, ни даже Агата со всем своим даром убеждения — не смогли его уговорить. Поэтому он быстро осунулся, потемнел и сморщился, как урюк.

Агата качала головой, глядя в карточный расклад. Премьер-министр вздыхал и нервно царапал рукоять трости, а Тея просто рыдала. Они обивали порог Айсмауса по очереди и все вместе, но по-прежнему безуспешно.

— Нет, сугубо с научной точки зрения это интересно, сколько он так протянет, — бормотал несуразное Чече.

— И с мистической точки зрения тоже интересно, — вторила ему колдунья.

Тея вновь лила горючие слезы. Ей было по-настоящему страшно. Особенно при взгляде на Божественного. Одно об-

стоятельство приводило ее в ужас: по мере того, как Айсмауса Кранцера постепенно покидал здравый смысл, его лицо становилось все более одухотворенным.

Показывать его в таком виде народу было опасно. Посему объявили прямо из громкоговорителей, что Его Величайшество готовится к волшебному перемещению в небесную обитель, чтобы оттуда защищать и опекать свой возлюбленный народ. Эту нелепую отмазку придумала впопыхах Преподобная, а отдав распоряжение довести новость до сведения паствы, зарыдала с новой силой.

Поверила ли в такую несусветную чушь общественность, было доподлинно неизвестно. Только вот доходили слухи, что на Острове неспокойно. И что судачат о скором наступлении долгой полярной ночи со всеми вытекающими последствиями, которые вполне совпадали с представлениями о конце света на отдельно взятом Острове.

Начальство встревожилось не на шутку, а казалось, что больше некуда.

— Могут взбунтоваться. Типа, мы ничего не делаем, чтобы остров остановить, — предположил Флудик.

— Нет, для бунта нужны главари, а буйные все на «Циклопе» или и того подальше, — опровергла Агата, но ее тон давал повод к сомнениям.

Чече закусил губу.

— Правда, у меня есть идея, отвлекающий маневр, — забросил удочку капитан и выжидательно воззрился на коллег.

— Говори! — Тея бросилась к нему, словно собираясь заключить в объятия. Но ничего подобного не произошло.

— Организуем тотализатор, букмекерскую контору. Сделаем ставку на азарт, так сказать. Некоторые очень падки, я вам доложу..

— Хорошая мысль, — с отсутствующим видом пробормотал Чече, все еще погруженный в собственные мысли.

— Да, нужно пробовать, выиграем время, — подхватили все. Даже таро не противоречили подобному решению.

— Где ты бываешь? Тебя не было днем! И это уже не впервые! Мы же договорились, что ты не станешь рисковать! Ради нас! — вскричал Че Юнге, вбегая в грот, если его торопливую ковыляющую походку можно было назвать бегом.

— Я пока не в заключении, — сухо ответила Юнга, что подействовало на Че как холодный душ. — Не стану скрывать, я бываю в поселке. Мы готовим восстание.

Ее признание возымело эффект разорвавшейся бомбы. Чече стал пунцовым, сердце забилося в висках, а барабанный дух с выраженным сарказмом акцентировал внимание на беспрецедентном своеволии возлюбленной.

— Какого черта! — вскричал Че, потрясая тростью.

— Но власть же ничего не делает, чтобы предотвратить катастрофу. Надеюсь, ты не станешь спорить по данному поводу. Вы импотенты и тираны. Сумей признать. Вы не можете, а мы не хотим. Типичная революционная ситуация, — спокойно объяснила Юнга.

Че обессиленно опустил на камень, по его лбу заструился пот.

— Прошу тебя присоединиться к нам. Ты честный, ты просто не сможешь пойти против своей совести. Иначе я бы тебя не полюбила.

— Пойми, я не могу, — прошептал Че.

— Брось эту ведьму Тею с ее ухищрениями и преступлениями. Посадим ее в клетку на «Циклопе», а сами остановим машину или просто перестанем посылать бури и ураганы. Остров остановится. Будем жить счастливо.

— Ты сама не понимаешь, что говоришь.

— Так говорю не только я.

— И много вас? Хотя сколько бы ни было, это форменное самоубийство!

— Мы не боимся смерти. Лучше умереть, чем так жить.

— Кто тебе такое внушил? Какой добрейший человек?

— Да, добрейший. И умнейший!

— Кажется, у меня появился соперник, — грустно ухмыльнулся Че.

— Не бойся, не соперник. Это Пионер, почти ребенок, — поспешила уверить Че в своей верности Юнга.

— Ах он зараза! Бунтовщик! Тут и без того проблем полно! — Чече схватился за голову. — Преторианцы вас переловят и передушат, как цыплят, в один миг. Да у вас и оружия-то нет.

— Есть кое-что.

— Да ладно!

— Не сомневайся.

Чече подумал немного, потирая лоб.

— Что же мне делать, дорогая? — наконец простонал он.

— Тебе придется выбирать. Как пить дать, придется.

Он с ужасом взглянул на нее. И с мольбой. Но Юнга осталась твердой, как сухой пармезан. Ей было легко — ее выбор был уже сделан. И за нее его сделали гонители-угнетатели и Пионер со своей справедливостью, которая прельщала и заманивала пуше всяких сокровищ.

— Ты будешь главным. Без храмов и разных богов. Одному тебе под силу спасти нас.

— Почему ты так уверена?

— Потому что иначе мы погибнем.

— Неминуемо...

Он заплакал и порывисто спрятал мокрое от слез лицо на груди у Юнги.

— Мужчины тоже могут поплакать, если нужно, — разрешила она, обнимая.

Но Че был безутешен.

* * *

Нужно отметить, что открытие букмекерской конторы близ главного храма население встретило с небывалым энтузиазмом. Флудик временно сам возглавил организацию и энергично взялся за дело. Он восседал в центре большого офиса в антикварном кресле (куда более ценном, чем так называемый

трон Айсмауса) и отдавал ценные указания. Клерки быстро научились манипулировать, оформлять сделки, мухлевать. И считать барыши. Казалось, жизнь на Острове обрела новый смысл.

Народ кучковался у дверей конторы сутками. Обсуждали шансы и делали прогнозы. Каждый час из конторы выходил служащий с громкоговорителем и давал сводку. Эмоции толпы бывали вялыми или бурными. В зависимости... Порой даже в ход шли летающие головные уборы по доброй островной традиции. Но и возгласы разочарования тоже были нередки. И даже крики отчаянья. Страсти, что поделать.

Но вернемся в начало. Первые ставки на тотализаторе делали на погоду. А конкретно — на вероятность сильной грозы в течение трех дней. Флудик сказал, что это так, для разгона. Наконец-то его стали слушать, раскрыв рты. А внимая новому пророку, стали ждать грозы, обивая порог конторы и хватая за лацканы и рукавники пробегающих клерков.

Напряжение росло с течением времени. К исходу третьего дня многие изнемогали от безысходности. Однако вскоре небо нахмурилось и густо почернело. Собиралась гроза!

Делавшие ставки бросились на берег, чтобы лучше видеть. Они топтались на песке близко друг к другу и ежились от холода. Они безотрывно смотрели вверх, а когда громыхнуло и черноту пронзила первая вспышка, просто оцепенели. Где-то в море наверняка пошел ливень. А над пляжем ослепительно сверкало. Разряды вспарывали небо и гасли, от чего толпа игроков вздрагивала и мелко тряслась.

Так продолжалось, пока молния не влупила совсем рядом, прямо в берег. Песок брызнул в небеса, взгривился и с невообразимо оглушительным хрустом застыл причудливым гребнем по ту сторону баланса.

Игроки стояли, как контуженные. Никто не смел шевельнуться. Да что там говорить, они и дышали-то через раз. Ведь побывали на самом краю гибели. Прошло не менее получаса, пока некоторые начали приходить в себя и восклицать что-то нечленораздельное по поводу выигрыша или проигрыша.

Молния — молнией, а ставки — ставками. И подались получить свое у букмекеров, правда, опасливо оглядываясь на ново-явленный арт-объект из плавленного песка.

Флудик сбегал посмотреть на скульптуру небесного производства и потирал руки, предвкушая прибыли от последующих сделок и матчей.

— Во-первых, это красиво!

Флудик оправдывал свое радостное возбуждение перед супругой, но та лишь хмыкала, совершенно не вникая в деловые интересы мужа, хотя всегда признавала бесспорную пользу данного проекта.

* * *

Если вы вздохнули с облегчением и думаете, что все закончилось благополучно с этой грозой на кону, то глубоко ошибаетесь. Были и другие последствия удара молний. Кстати, уже не созидательные, а разрушительные.

Один из ночных разрядов поразил башню маяка. Древний шпиль на самой верхушке купола треснул пополам и с грохотом сверзился. Его обломки угодили прямехонько на безызвестный колодец и безнадежно сломали журавль. Похоже, с колодцем было покончено, что мгновенно превратилось в притчу и дурную примету для Острова.

Так от той несусветной бури вместо одной старой архитектурной достопримечательности появилась другая, песочная.

Но и это еще не все. Учтите, что опосредовано молнии ударили и в несчастнейшего из земных богов Айсмауса Кранцера. Он получил стресс, от которого уже не мог оправиться. Теперь к его прежним причудам прибавилось упорное нежелание нырять в море.

Пришлось Черному Человеку засучить рукава и потрянуть стариной, восстанавливая рецептуру своего чудодейственного солюцио. Всегда правый барабанный дух присутствовал в ухе невнятным бормотаньем или монотонной шипучкой радиопомех, чем создавал бесполезный фон для изысканий.

Чече трудился сутками, спешил вспомнить пропись, чтобы во что бы то ни стало спасти гомункула, но в итоге у него вышло нечто новое, с добавками донорской крови и гуанового экстракта. Творить, так напропалую!

В тронной зале, наглухо закрытой теперь от аудиенций, водрузили ванну для омовений Великого и Ужасного. И установили круглосуточный пост неотложки у дверей. Итого у дверей Айсмауса было два поста — Пыжик в боевой готовности и фельдшер с докторским саквояжем и стетоскопом наперевес. Правду сказать, ни стетоскоп, ни саквояж в случае с такого рода ответственным пациентом пригодиться не могли, но антураж, как водится, создает настроение. И Чече против антуража возражений не выдвигал, а лишь просил в случае чего найти его в любое время суток.

Тем более что он постоянно находился под рукой, в своем подвале, так как грот на тровантовом пляже опустел. Его очаровательная обитательница куда-то исчезла — Че просто не застал ее там однажды ночью. И на следующую ночь. И на следующую... Много ночей подряд ходил Че в пещеру, но, разувверившись, бросил за отсутствием всяческого толку.

Он сильно помрачнел и все время вздрагивал в предчувствии новой беды. Впрочем, замечала это одна Агата, да и та больше молчала, насмотревшись в свои нелицеприятные карточные расклады.

А Великий и Ужасный в результате изошренных уговоров и увещеваний согласился погрузиться в купель к вящей радости уважаемой элиты.

После полуторачасовой ванны в густой и вязкой серо-буромалиновой жидкости голова вынырнула несколько посвежевшей, склонной к недолгой беседе и поискам своего потерянного пенсне.

Пенсне нашлось, беседа скоро утомила, и Айсмаус задремал на троне. Свита удалилась, тихонько затворив за собой дверь в сильной надежде на выздоровление владыки мира.

На следующее утро после начала реабилитации Великого и Ужасного в букмекерскую контору явился невысокий молодой человек, до бровей замотанный шарфом.

— Ставлю миллион на то, что на Острове скоро будет революция, — сказал он дежурному клерку. Тот поперхнулся булочкой, которую уплетал, закашлялся и не смог ничего ответить.

— Принимаем ставку и незамедлительно объявим игру! — воскликнул Флудик, посчитавший посетителя сумасшедшим. Но прежде чем упечь богатенького клиента на «Циклоп», решил сыграть ва-банк.

Быть посему. Приняли, объявили, оповестили.

— Делайте ваши ставки, господа, делайте ваши ставки! — кричали отовсюду глашатаи, которых привлекали в дни игрового ажиотажа. — Ставок больше нет! Ставок больше нет!

И что бы вы подумали обо всем этом? Совершенно справедливо! Революция произошла, и молодой человек выиграл.

— И ты выплатил ему причитающееся? В такое время?! Когда казна почти опустела и министр финансов исчез с большой суммой! — возмутилась Тея.

— Разумеется, выплатил в кратчайший срок! Нельзя давать повод к сплетне. Букмекерство, тотализатор, казино, вообще игровой бизнес слишком серьезное и честное дело, — сказал Флудик.

Он действительно выплатил выигрыш зачинщику турнира, который был настолько неосмотрителен, что позволил проследить за собой от конторы и до окраины поселка. И как только группы бунтовщиков с белыми повязками на руках, с битами и дымовыми шашками выдвинулись оттуда к уже захваченному час назад без единого выстрела главному храму, их переловили, как перепелов. А уже затем преторианцы окружили храм и революционеры сдались на волю властей. Следует отметить, что храм и занят-то ими был лишь из-за отсутствия там всяческой охраны. Да и сделать они ничего не успели, только разбросали вокруг храма листки прокламаций с воззваниями, ко-

торые никто не читал. Правда, при их задержании взорвались пара самодельных бомб, но по счастливой случайности никто не пострадал.

Их было всего несколько десятков. Молодые и не очень, мужчины и женщины. Пионер гордо шагал впереди со связанными за спиной руками. Следом так же гордо шла Юнга. Лицо ее было в копоти — это она взрывала бомбы.

Колонна арестованных прошла по улицам. Когда Юнга увидела Че с опущенными плечами, вдруг постаревшего и немогогающего, она улыбнулась и подмигнула ему. В его глазах читался сакраментальный вопрос. Но внезапно его взгляд психозно вспыхнул, он подался вперед, приблизившись к арестованным и охране вплотную. Кто-то из наемников сильно пихнул его локтем в живот. И тут он воспрянул, протяжно взвыл раненым волком, взмахнул своим тяжелым посохом, молниеносно разметал немногочисленную стражу и даже со всего размаху бабахнул по шлему одного из преторианцев. И откуда взялась такая прыть?

После этой спонтанной выходки Премьер-министра всё у всех вышло из-под контроля. Пленники освободились и резво бросились врассыпную, некоторые — к побережью. Страшная сумятица на улице не давала их преследовать. Преторианцы принялись ловить какого-то прихрамывающего мужика в темной одежде, приняв его по приметам за Черного Человека.

Вся эта неразбериха сильно способствовала вновь воссоздавшейся революционной ситуации. Конечно, для настоящего бунта с общественно-политическими последствиями революционеров было катастрофически мало и они были страшно далеки от народа, но кое-что они могли.

Бежав и скрывшись, они собрались на тровантовом пляже, ледяном и пустынном, закрытом от посторонних глаз скалами. Агата стояла в шлюпке, готовая передать руль Пионеру или Юнге.

— А ты что здесь забыла? — изумился Чече.

— А ты? — засмеялась Агата. — Та надоело все, хочется крови напиться.

Она сошла на берег, отдала конец от шлюпки в руки Пионери и принялась собирать в подол маленьких тровантов. Набрал их порядочно, погрузила на дно шлюпки:

— Учтите, это не для балласта. Работают как гранаты, взрываются при броске в воду, возможно, пригодятся, — сказала она.

Пионер, Юнга и еще несколько бунтарей сели в шлюпку и отчалили. Че бросил конец Юнге, она ловко поймала и крикнула:

— Надеюсь, нам удастся освободить репрессированных. Захватим «Циклоп» и вернемся с подкреплением. Еще ничего не кончилось. Жди меня дома, мой Че! Будем жить!

«Дома», — сказала она... На глаза Че навернулись слезы.

Застрекотал мотор, шлюпка начала удаляться. Че печально улыбался и медленно махал рукой. Они стояли вдвоем с Агатой.

— Пойдем отсюда, пока нас не замели. А то окажемся на «Циклопе» раньше ребят и в другом качестве. Тебя-то уж точно безликие заметили, бешеный ты мой. Уж такого я от тебя никак не ожидала. Поистине, любовь творит чудеса.

— Творит, сам в шоке, — поддакнул Агате Чече.

За разговорами они не сразу заметили катер, идущий наперерез шлюпке.

— Проклятые преторианцы! Выследили-таки! — вскричала Агата.

Она вынула из кармана тулупа широкую резиновую ленту.

— Используем пращу, как наши предки, как мальш Давид победил великана, помнишь? — задорно сказала она, нашла самый маленький тровант, зарядила им пращу, закрутила над головой и метнула. Тровант засвистел над морем, плюхнулся в воду перед носом катера и ярко взорвался, обдав ледяной водой наемников на борту. Последовали десятки таких выстрелов. Взрывы какое-то время не позволяли катеру приблизиться к шлюпке. Чече подавал тровантов Агате, та метала.

— Какие хорошие камушки, — приговаривал Че, малость приободрившись.

— Я же говорила, что они пригодятся, — торжествовала колдунья.

Но праздновать победу не было причин: с катера открыли смертоносный огонь по шлюпке. Немного не дотянув до «Циклопа», шлюпка получила пробоину и дала сильный крен. Оттуда доносились крики, что-то загорелось и дымило, кто-то с пронзительными воплями падал за борт. Все стремительно шло к фиаско. А тут и с «Циклопа» начали стрелять. С высоты было легко целиться. У бунтарей не было шансов.

Агата и Чече застыли на берегу среди тровантов каменными изваяниями. Они смотрели на неравный морской бой, смотрели бессильно на то, как медленно, но неотвратно уходит на дно шлюпка. И Че показалось, что он увидел желаемое — Юнга махнула ему рукой. Конечно, это видение было продуктом полубредового состояния, но он мог поклясться, что видел ее улыбающееся лицо и рыжие волосы. В последний раз.

Трованты тихонько шептались о чем-то у ног. Все шло своим чередом — смеркалось, холодало, летела со звездных небес ледяная крупка, ветер с моря обжигал. Прошло много часов с момента погружения революционной шлюпки, как героической субмарины. Море безропотно сомкнулось над ней, отменяя все отпевания и похороны разом. А Че все стоял и смотрел. Давно уже Агата с тяжелым вздохом похлопала его по плечу и поцеловала в лоб, чего он почти не заметил. Она ушла, не в состоянии увлечь и его с тровантового берега в тепло хотя бы подвала под маяком.

И лишь ближе к рассвету он побрел прочь.

* * *

Агату арестовали на следующий день. Она хохотала в лица, закрытые масками. Ее били в живот носками сапог, поставили фингал под правым глазом, что придало ей лихой вид. Ее провели по поселку в одном платье и босиком. Но обидней всего было то, что у нее отняли трубку и табак.

На улицах собрался народ. Людям было невдомек, почему главную по безопасности Острова ведут в кандалах? А она, видя это, смеялась и громко говорила:

— Думаете, я последняя? Или первая? Преподобная все время убивает неугодных. Она запудрила вам мозги! А ведь мы близки к катастрофе. Титан уже близко! У нас даже денег больше нет. Нам перестали платить за тайфуны и смерчи, которые мы отпускаем на мир пачками. Покупатели за океанами быстро смекнули, что можно брать все бесплатно. Запад и Восток уже даже заморозили военные действия. Потому что мы им больше не интересны! А мы даже не осмеливаемся остановить машину! Всего этого вам не скажут. А вместо правды навесят лапши на уши про великий народ Головачей и прочую муру.

Следом за ведьмой тащилась горстка зевак. Но остальные прохожие старались не вникать в слова Агаты и, равнодушно отворачиваясь, торопливо возвращались к своим бытовым делишкам.

Чече всего этого не видел. Ранним утром он вернулся на пляж и уселся на камень горевать. В горе каждый одинок, особенно шизофреник с так некстати умолкнувшим духом в ухе, шизофреник, ожививший отрезанную голову и подставивший этим целый мир под удар. Мусоля в мыслях эту тему, стараясь не вспоминать гибель Юнги и уговаривая себя, что ему лучше все-таки быть одному, он ронял слезы на песок, бродил по пляжу, долго простаивал у больших трювантов, словно прося у них поддержки. Потом положил ладони на ледяной гребень песка, родившийся от молнии. Это прикосновение опалило кожу. Чече отдернул руки, как от огня.

Так прошел день. Вечером он поплелся к ангару и машине. Гип и Гэп работали.

— Сбавлять обороты не планируем? — спросил Гип.

— Пока нет. Но я думаю над этим. Дайте мне еще денек, я разберусь, — ответил Чече.

Гэп покачал головой, глядя на него сочувственно.

Чече что-то пробормотал на прощание и поплелся восвояси.

— Нужно сделать ставку, что эта подлая ведьма завтра же сдаст сообщника, — процедила сквозь зубы Преподобная.

— Ставку-то принять можно. Только никакого смысла не вижу. Сообщника-то преторианцы грохнули сразу же. Тупицы, — возразил Флудик.

— Ты и вправду думаешь, что напал на стражу тот хроменький бедняга?

— А то кто же?

— Конечно же наш драгоценный Премьер. Его многие узнали.

— Ну и толку? Сама же говорила, что нельзя преследовать самого Премьера. Разделаемся с цыганкой, и дело в шляпе. А этот и за портфель не держится, витает себе в облаках, зелья калапуцает свои. Можешь сместить его, он этого даже не заметит. Нет, кажется, он не опасен для нас.

— Ты прав. К тому же если кто и может разобраться с этой треклятой машиной, то только этот треклятый Чече, — резюмировала Тея.

— Агату не отправляли на «Циклоп», заперли пока в цокольном этаже храма, — доложил капитан.

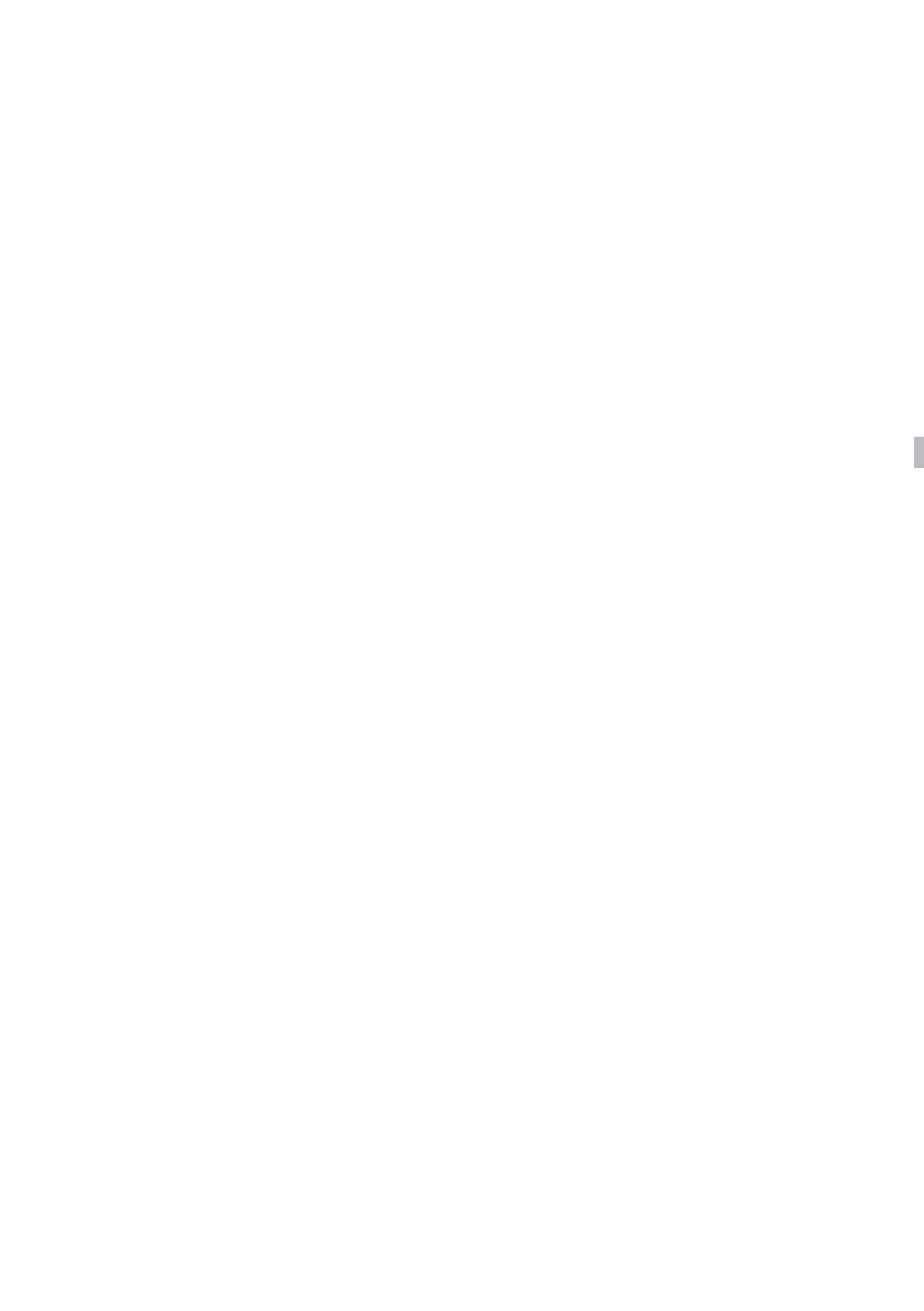
— Правильно. Сделаем из суда над ней шоу. Народ соскучился по зрелищам. Тем более, что с хлебом сейчас напряженка.

— Когда суд?

— Так завтра и устроим. Прямо в храме. Вели глашатаям с утра оповестить народ.

Флудик почтительно приложился к августейшей ручке и, пятясь, удалился.

Тея осталась одна. Она разделась и легла в постель. Ей снился Черный Человек. Он втирал в ее пергаментную кожу гуановое снадобье и зловеще хохотал. Потом он превращался в ведьму Агату, которая тоже хохотала. И над ними все время кружила летающая голова как призрак смерти и возмездия.

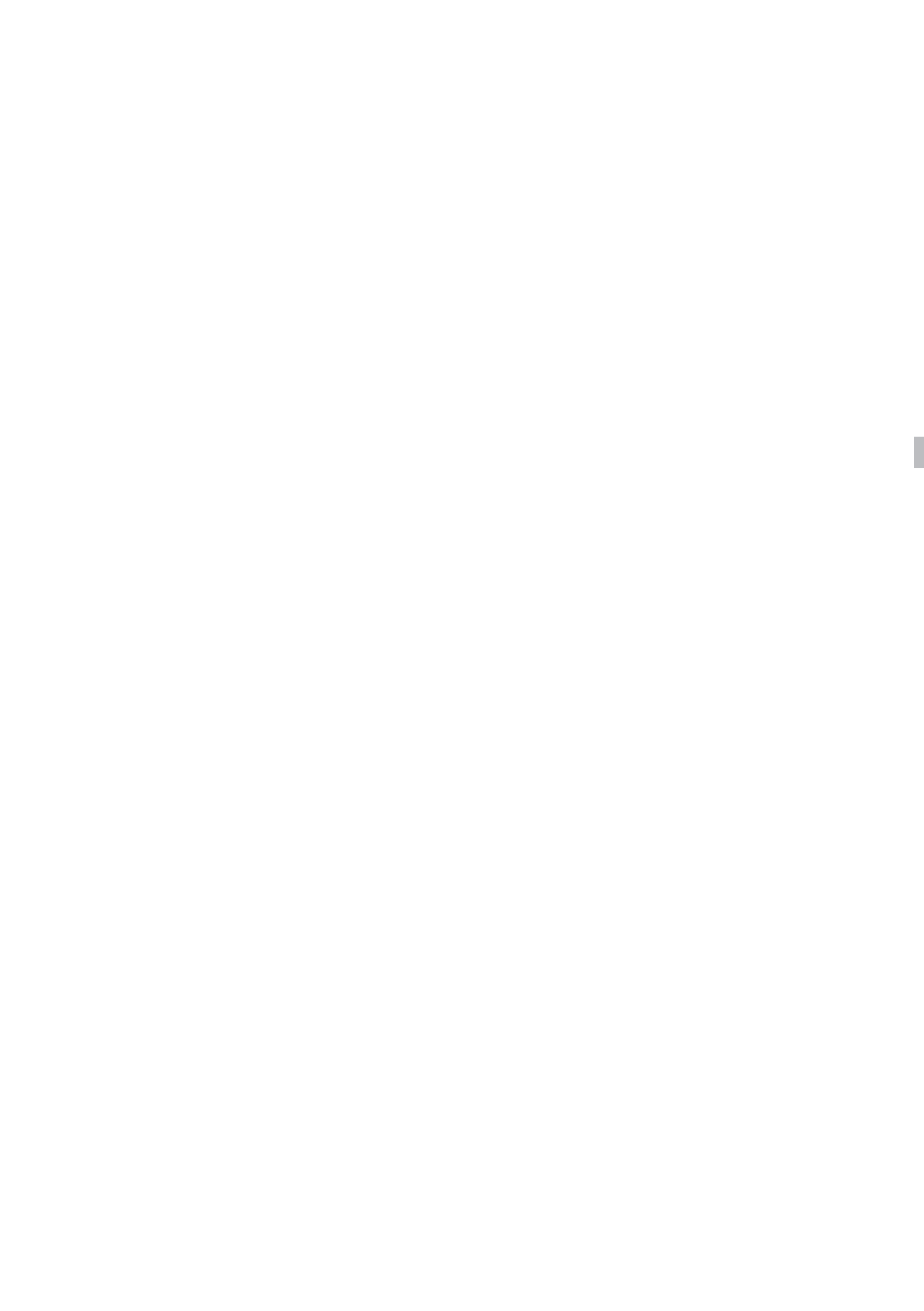

Глава 20

ШИЗОФРЕНИЯ НА МАРШЕ

Премьер-министра постепенно отстранили от дел. Впрочем, и поделом, потому что он делами совсем перестал заниматься. Никого не слушал и ни с кем не беседовал. Даже барабанный дух со своей тарабарщиной больше его не задевал.

Изредка Чече появлялся безмолвной тенью у ангара с машиной Дица. Он наблюдал прилив и отлив. Гип и Гэп встревоженно наблюдали за ним, но не видели того, что видел он. А видел он Юнгу. Она стояла над морем, над пляжем, над желтой дорогой в никуда. И дрожала, как дрожат голограммы — не от холода или страха, они дрожат от избытка энергии. И вот тогда Че вдруг осенило, он резко обернулся к молчаливым братьям и воскликнул:

— Остановите машину!

Секунду Гип и Гэп не трогались с места, а потом бросились выполнять долгожданное приказание.

Разумеется, машина Фон Дица была остановлена гораздо проще и быстрее, чем запущена когда-то. Гип опустил рубильник на щитке, и дело с концом. Что-то громко шелкнуло, из щитка пошел миниатюрный дымок и вылетела искорка, как прощание с нимбом божества. Гении выдохнули и пожали друг другу руки.

А Чече вновь вперился в даль, где все так же маячила безмолвная Юнга. И она по-прежнему дрожала.

И если вы надеетесь, что после остановки машины Остров остановился — черта с два! Ковчег пошел ранее намеченным курсом еще быстрее. Правда, это выяснилось позже. А пока Че, таяжко вздыхая, побрел в поселок.

Ему непременно нужно было взглянуть на Айсмауса. По пути к маяку Чече представил себе картину, где изображение живо пририсовало все детали тронной залы.

У Великого и Ужасного действительно исчез нимб. Но не взирая на это гомункул находился в чрезвычайном возбуждении и летал под потолком стремительно и криво, рискуя перевернуться в воздухе.

— Постарайся уgomониться, возьми себя в руки, — сказал Че и осекся, испугавшись собственной фамильярности.

— В руки, ты говоришь? — бросил гомункул свысока.

Че перевел дух и немного успокоился, вспомнив, что это всего лишь некое видение, сон наяву. Такое бывало с ним и раньше, можно расслабиться.

— Фигура речи, прости, — примирительно сказал Чече. — Я сейчас пойду приготовить тебе ванну. Станет получше.

— Не утруждайся, бывший Премьер-министр, — засмеялся злобно Айсмаус. — Ты уже сделал все, что мог. Ты искалечил меня всеми способами. Даже нимба лишил. Предатель!

Кранцер демонстративно сложил губы для свиста. Че зажмурился в ужасе, забившись в угол залы, за скамью для посетителей. Он затряс головой, чтобы сбросить морок видения. И вроде бы пришел в себя. Однако медленно открыв глаза, обнаружил себя вжавшимся в угол за скамьей. Только Айсмаус уже не собирался свистеть.

— А-а, испугался? То-то же! Иди, готовь свое снадобье, нырну, так и быть, — великодушно пообещал Великий и Ужасный, лишившийся нимба.

* * *

Сопровождаемый призраком Юнги, терзаемый виной и горем, Черный Человек искал повсюду Агату. Пока ему не сказали, что она арестована. Он три раза переспросил, дважды больно сам себя ущипнул и только тогда поверил этой сокрушительной новости.

Справедливости ради следует признать, что бывшего премьера беспрепятственно пускали для свиданий с заключенной колдуньей, словно и не замечали вовсе, словно это фантом шатался в окрестностях храма и спускался в его подвалы. Он тихо

проходил мимо охраны, лишь слегка шурша полами пальто да постукивая посохом. Останавливался фантом Черного Человека перед решеткой камеры Агаты и подолгу простаивал неподвижно.

Обычно она сидела по-турецки на нарах и вела с ним размеренную беседу.

— Я благодарна за трубку и табак. И что остановил машину. Это поступок, — сказала она как-то. — А курево — одно удовольствие перед смертью. Но все мы скоро того. Ты же уже догадался?

— Тебя казнят. Я слышал. Все говорят.

— Лучше бы о себе заботились. А казнить, конечно, казнят, куда не денутся. Что же им еще делать? На то они и окультуренные правители. Но переживать особо не о чем. Лучше ужасный конец. Просто нужно дотянуть, чтобы красиво и с достоинством, понимаешь?

— Ты всегда такой была? Я не припомню.

— Какой была, такая и есть. Ведьмы не меняются, — улыбнулась она.

— Айсмаус буяннить начал. Свистит, гад. Уже всю прислугу истребил. Не ровен час, станет вылетать наружу.. Он же утратил свою божественность и сильно расстроен, просто рехнулся совсем. Мне приходится ходить перебежками по закоулкам.

— Перечти записи папы. Помнишь ту, зашифрованную?

— Как не помнить? У меня, конечно, галлюцинации возобновились, но я еще частично в строю.

Чече никогда не помнил детали разговоров с Агатой. Да и сосчитать, сколько было этих посещений, он был не в состоянии. Как будто нездешний разговор их длился бесконечно.

* * *

— Давай казним ее еще до завтрашнего рассвета, — предложила Тея. — Плевать на запланированное шоу, плевать на плеев с их плебейскими нуждами.

— Обычно приговоренных казнят на рассвете, — возразил безразлично Флудик, рассматривая свои ногти.

— А мы не дадим ей увидеть последний в ее жизни рассвет! Раньше ведьм сжигали на кострах, и правильно делали. А мы утопим, мы же морская держава все-таки. Говорят, это тоже мучительная смерть.

— Ты такая жестокая, без сантиментов, мне это так нравится! — искренне восхитился супруг.

— Я всегда отличалась от других. Психотерапевт отмечал высокий уровень интеллекта. Папа гордился мной.

— Хотелось бы мне с ним встретиться, — позволил себе намек капитан. — Сейчас отдам нужные распоряжения. Ночью будет казнь.

Ночная мгла стусилась необычайно. Остров был еще погружен в сон, когда вывели Агату. Предписано было доставить заключенную на катере на «Циклоп» и осуществить захоронение на глубине заживо, а проще говоря, утопить, бросив связанной и с камнями на ногах за борт. Похоронная команда в полной готовности ждала с вечера.

Черный Человек стоял у самых дверей храма, и когда она проходила мимо, протянул руку и дотронулся до ее плеча. Она улыbnулась ему и произнесла:

— Я люблю тебя, Че.

— Я слабак, — повторил он чужим голосом слова барабанного духа, звучащего в ухе с гулким эхом.

— Любят не за силу, любят за страсть! И помни о Титане.

Похоже, это были ее последние слова.

Когда процессия скрылась за углом, Че поковылял сам не зная куда. Примерно через час он явственно услышал всплеск, которого не мог услышать. Барабанный дух громко и демонстративно вздохнул и констатировал, что Агата канула в море. Черный Человек невольно ускорил шаг и вскоре почти бежал, остервенело ударяя своим посохом оземь.

Было все еще темно — глаз выколи, хотя должен был уже давно наступить рассвет. Но Че не ждал рассвета, а метался по Острову. Ему, хронически путающему сон и явь, остро захотелось домой,

но отсутствие образа дома в сознании — расстраивало вплоть до отчаянья. Душа болела, как нарыв, из которого только что выдавили весь гной. Чече продолжал бесцельно мчаться. Время от времени он со всей силой бил себя в грудь рукоятью трости, получалось больно и гулко. Тогда он хлопал рукой по правому уху, надеясь выбить оттуда духовые радиопомехи.

А еще он беспрерывно повторял:

— Я убил их обеих. Я их обеих потерял.

В носогубных складках уже навечно засела глухая скорбь. Он яростно сжимал кулаки, и ногти впивались в ладони, пуская кровь, хорошую приманку для кажанов.

А рассвет все не наступал.

Итак, в это крошечное утро солнце для Острова-ковчег не встало.

Люди постепенно просыпались, в сильном волнении выходили из домов и зачарованно смотрели в темень небес. Наверное, даже ярые атеисты в те часы истово молились какому-то избранному богу.

* * *

Полярная ночь заставила островитян серьезно задуматься о будущем. Люди в тревоге собирались на улицах, обивали пороги начальства с петициями и прошениями, стараясь решать по мере сил насущные проблемы.

Текучая и плаксивая толпа постоянно стояла перед храмом, где все реже и короче были проповеди Преподобной. И чем категоричней и нелепее они были, тем труднее было их понять обывателям, которые бестолково слушали, пугались еще больше, и каждый пребывал в смутном подозрении по поводу собственной глупости. Однако никто не смел высказать свои сомнения вслух. И мнение их сводилось к ожидаемому: все это мудрено разобрать и сказано не для нашего холопского ума. Но чему удивляться? На то они и обыватели. После проповеди обычно на лицах мещан было написано полнейшее недоумение, граничащее с тихим помешательством.

К тому же сложности быта накладывали свой отпечаток.

Теперь по улицам ходили с факелами, а в домах горели свечи. Во дворах разводили костры и жгли мусор в бочках от мазута. На вольном пляшущем огне готовили еду.

Охотники жаловались на резкое уменьшение количества дичи из-за ухудшения климата и банального истребления. Силки и капканы зачастую оставались пусты. А также отмечался дефицит патронов, особенно для дробовика. А вы попробуйте метко стрелнуть во время полярной ночи без тепловизора. Половину боеприпасов выпустишь в белый свет, как в копеечку. Приходилось совершенствоваться нон-стоп. Охотников, приносящих добычу вопреки неодолимым трудностям, провозглашали народными героями и подолгу качали на руках, подбрасывая и почти всегда ловя.

* * *

Да, жизнь на острове сильно осложнилась. И вскоре сбылись опасения Чече по поводу Айсмауса. Окончательно помешавшийся гомункул начал-таки вылетать с кажанами из башни маяка на смертоносные рейды. Он свистел, как безумный, а Пыжик с соратниками бросался на невезучих прохожих. Горячая человеческая кровь брызгала в перекошенное лицо Великого и Ужасного, который, казалось, всерьез взялся за подтверждение своего титула.

Растерзанные граждане лежали прямо на улицах и даже за околицами. Кровяные лужи замерзали и сверкали в лунном свете самоцветами. Ужас и впрямь овладевал Островом. Но Преподобная Тея, надежда верянь, молчала, а если ее напрямик спрашивали, отвечала лаконично, что это, мол, кара богов и что, мол, заслужили своим попустительством, теперь, мол, терпите и молитесь. И не слушала никаких робких аргументов про утраченный нимб и несусветную жестокость Его Величайшества.

Учитывая все это, Черному Человеку пришлось все же обратиться к расшифровке сакральных манускриптов Фон Дица,

где гений описывал спасение острова от взбесившегося божества посредством хирургии.

— Техника похожа на лоботомию, пересекаем магистральные, так-так... — бормотал Чече.

Он перечитывал рукопись в сотый раз, но буквы, написанные рукой Агаты, и рисунки на стене подвала расплывались и сон валил его с ног.

Сновидения были так реалистичны, что Че даже посмеивался про себя. Ему снилось, что он подговорил Гипа и Гэпа, оставшихся практически не у дел, изловить жестокое божество и принудительно прооперировать, ампутируя, так сказать, ту самую безудержную и беспричинную жестокость.

Соратники начали подготовку, не выбирая времени суток, тем более что разобрать, когда вечер, а когда день, было весьма затруднительно.

Первым долгом нужна была западня для Айсмауса, чтобы не улизнул. Сеть для ловли потерявшей голову головы нашли у рыбаков — они все равно теперь уже редко выходили на промысел, погодные условия не способствовали.

Гип соорудил метательный аппарат для сети типа арбалета, легкий и сподручный. Они с Гэпом притаились на крышах противоположных домов на узенькой улочке. Один должен был в нужный момент выстрелить заряженной сетью, а другой поймать ее край и завернуть в сторону летящего гомункула.

Ловить решили на живца, роль которого досталась Чече, который, как всегда, больше всех рисковал, что Айсмаус спонтанно свистнет.

И вот бывший премьер уже улепетывал по улице от злонамеренно низколетающего Кранцера и хлопающего крыльями Пыжика. Чече смеялся сквозь сон и чувствовал азарт погони и дикую волю. И было не совсем ясно, кто от кого спасается и кто на кого охотится.

Братья по разуму оказались на высоте людских возможностей и метнули сеть удачно с первого раза. Правда, туда попал вместе с Айсмаусом и Пыжик, визжа и кляясь во все стороны, но его гуманно освободили тотчас после усыпления

гомункула лошадиной дозой эфира. Старый дедовский способ не подвел.

Чече внимательно осмотрел Кранцера на операционном столе в темном подвале маяка при свечах и факелах. Нужно вспомнить, что такого пристального осмотра Айсмаусу давненько не производили, с того самого дня, когда он стал Великим и Ужасным. Да и кто ж рискнул бы?

Так вот, никаких повреждений, кроме свежих царапин на щеках и лбу, оставленных когтями бьющегося в сетке Пыжика, Чече у гомункула не заметил, что чрезвычайно обрадовало доктора даже во сне.

Пора было приступать к операции. Сон Чече становился все более явственным. Он замечал и цеплялся за все детали. Гип и Гэп ассистировали, подавали инструменты, которые наличествовали, к счастью, и были заботливо обеззаражены заранее.

У Чече мелькнула мысль, что неплохо бы записывать ходы операции в протокол, чтобы потом использовать наяву. Но эта мысль улетучилась с такой же скоростью, с какой и возникла.

Лоботомию через носовой ход по оригинальной методике Дица провели быстро и легко, будто давно набили на этом руку и поставили на поток. Всё происходило просто, как во сне ребенка.

Че почувствовал себя победителем, когда Айсмаус после более или менее энергичной пощечины очнулся, приоткрыл глаза и остановил на докторе пустой взгляд.

Чече снял перчатки и зажмурился. И внезапно проснулся. И обнаружил себя стоящим над операционным столом в подвале Дица. Лежащий головастый демон Айсмаус отсутствующе смотрел на него с этого стола.

— Снова бред какой-то, — пробормотал Чече. — Но хорошо, что это не совсем сон и что мы уже сделали это!

Братья мало что поняли, но победно улынулись.

* * *

После операции, целью которой было укрощение буйства Айсмауса, пациент стал заметно тише — ну просто ниже тра-

вы. Он все больше молчал, порой впадая в беспамятство, а повадками становился похож на бессловесного кота, который ластится к хозяину. Он подлетал к Чече и терся щекой о его щеку, издавая урчащие звуки. Скорее всего, повадку эту он невольно перенял некогда у своего почти одомашненного двуглавого кажана Пыжика.

А еще гомункул совершенно разучился свистеть. Иногда его сероватые губы сами собой складывались в трубочку, но свиста не получалось, словно он весь израсходовался и окончательно иссяк.

«Мне удалось сломать его свист, а заодно сломать и его волю», — порой упрекал себя Че, вступая в апатичную дискуссию с обвиняющим барабанным духом.

В остальное же время Черный Человек торжествовал. Торжествовал, как получалось — тихо и подавленно.

А Преподобная Тея пребывала в жуткой растерянности.

— Черт знает, что творится! Его Величайшество просто переродился по неведомой причине — толку от него теперь никакого. Кастрат умственный какой-то. Даже кажаны от него разлетелись. Мы тоже лузеры еще те! Преторианцы вот слиняли на последнем контейнеровозе. Из-за полярной ночи я сама не своя. И нищета проклятая осточертела. Ненавижу! — истерила она, хватая за грудки мужа, чего раньше за ней почти не водилось.

Она собрала свои драгоценности и наряды в большие кофры и держала их в спальне. А также приказала Флудиду подготовить фрегат к отплытию на всякий случай.

А капитан потирал ладони в предвкушении вполне возможного путешествия к цивилизованным берегам, к богатому и могущественному тестю. Поэтому он заблаговременно заполнил все трюмы «Некста» свежайшим гуано со скал в надежде продать его выгодно впоследствии. Правда, команда фрегата роптала из-за специфического запаха на судне от такого обилия дерьма. Но Флудик был непреклонен в своем коммерческом рвении.

Глава 21

КОНЕЦ КОНЦА СВЕТА — СЛЕЗЫ СКВОЗЬ СМЕХ

С недавних пор лунатические сновидения Чече приобрели новые качества. На протяжении всего сна он отчетливо понимал, что это не совсем сон, а вернее, совсем не сон. Однако быть абсолютно уверенным в этом он все-таки не решался. И допускал с высокой долей вероятности, что это все же сон. Так и гадал до самой развязки, что немного злило. Еще злила совершенная неопределенность в предпочтениях — чего же Чечелал? Чтобы сон был сном или оказался явью? Оставалось загадкой. Таблетки заканчивались, барбитураты не помогали, а только способствовали лунатической активности. К примеру, в финале одного из своих сновидческих путешествий Чечел обнаружил себя на краю высокой скалы, откуда собирался прыгнуть, чтобы попробовать летать на просторе вместе с Айсмаусом. Он даже допускал, что ему стоило тогда так разбить свою голову о камни, как тухлое яйцо, и закрыть затянувшийся гештальт. А когда он, не отважившись сделать шаг в пропасть, вернулся в тоске в поселок, сопровождаемый молчаливым гомункулом вместо верной болонки, ему встретился радист Ямайчик, который был всегда не прочь поболтать. За неимением других слушателей Чече поведал ему о злключениях во сне и наяву. Ямайчик, нужно воздать ему должное, слушал очень внимательно и сосредоточенно. Потом сдвинул брови и выдал:

— То есть вы утверждаете, что сон не есть сон, а не сон не есть не сон? Занятно... Это все равно как про сон сказать, что это несон, а про несон сказать, что это сон. Но если мы даже скажем про сон, что это несон, а про несон, что это сон, ничегошеньки же не изменится! — в восторге от собственной мудрости Ямайчик ободряюще похлопал Чечелу по плечу, вздернул давно не доенную бородку и заторопился дальше, на ходу поправляя свой шлем.

Глядя радисту и его ярко пылающему факелу вслед, Чече горестно подумал, что лучше ему никто ничего не объяснит про сон и про несон. Да и слушать бред на такую щекотливую тему от опального премьер-министра в отставке больше никто категорически не станет.

* * *

И вот наступил исторический момент, когда Ямайчик наконец расстался со своим любимым шлемом и сменил его на лохматую ушанку.

— Шлем перестал быть необходим, все равно машина Дица не работает, а основное излучение шло от нее, — со знанием темы объяснял он окружающим, хотя на самом деле мало кто вообще обращал на него внимание. Репродукторы давно замолчали. И новостями интересовались только Преподобная Тея и Чече по старой памяти. Да и новостей бывало с гулькин нос — мир позабыл о райском чудесном острове. На Острове—ковчеге стало темно и душно, как в желудке у кита.

И когда до радиста дошла весть о плавучей белой громадине на горизонте, он не поверил своим ушам.

— Вот видишь, как я был неправ. Нужно было не снимать защитный шлем, а шапку надеть сверху, — ворчал он в разговоре с наблюдателем с «Циклопа». — Теперь чудится бес знает что!

— Но я действительно вижу айсберг прямо по курсу. Титаническая штука. И мы сближаемся, — обыденным тоном прозвучало в эфире.

Наблюдатель был шутником и добавил после паузы:

— Если так пойдет, то вечером сольемся в экстазе.

Ямайчик на всякий случай нахлобучил все-таки свой шлем и побежал докладывать, хотя и сильно сомневался в необходимости данной манипуляции.

Черного Человека он застал в тронной зале маяка. В последнее время они с Айсмаусом обитали здесь вдвоем душа в душу.

Новость об айсберге Чече воспринял стоически:

— Вот он, обещанный Титан. Ну что ж, будем с нетерпением ждать нашего смертного часа.

— Какого такого смертного? — изумился, не понял и не поверил радист.

— Беги к Преподобной, просись кем угодно на фрегат. Я слышал, он под парусами и наверняка готов к бегству.

— Давайте со мной, доктор! Мы вместе — ого-го! — предложил радист с энтузиазмом без вектора.

— Я? — удивился Че. — Нет уж, благодарю. Капитан остается на корабле. Я же был премьером, я заварил всю кашу. Мое место здесь до конца. Я остаюсь...

Ямайчик не дослушал и стремглав понесся во дворец. Там уже выносили последние кофры и короба с барахлишком и барахлом.

— Возьмите меня с собой. Я могу.. Я могу.. — мямлил бледный Ямайчик. Давным-давно не доенная бородака истерично вздрагивала.

Но Тея только отвернулась, мимолетно ухмыльнувшись.

— Мне пригодятся верные люди. Беги на пристань и садись на катер, — шепнул ему Флудик.

У дворца на площади собрался народ с факелами. Они ждали очередной ободряющей речи Преподобной. И она вышла на балкон, вся в роскошных мехах и бриллиантах. И заговорила обычным пронзительным голосом:

— Когда-нибудь о нас будут слагать песни и легенды. Когда-нибудь выйдут в море корабли — салют ковчегу! взлетят самолеты — салют ковчегу! взмоют праздничные воздушные шары и фонтаны фейерверков — салют ковчегу! пойдут парады — салют ковчегу! взыграют музыки — салют ковчегу! И все в память о славном острове, где жил героический народ, жил и канул. И поверят человеки в головачей, святых и богов ковчеге. Но один мальчик где-то в захолустье, где царит голод и жажда и о справедливости никогда не слыхивали, наивно спросит: а был ли остров? Оплот и престол гуманизма и справедливости, свободы, равенства и братства? Был ли ковчег? Была ли священная надежда у жителей планеты? И впрямь — была ли?..

Флудик потерял терпение, схватил любимую за шиворот и потащил с балкона:

— Бежать надо! Хватит говорить! Пора отчаливать! Скорее! А речь ваша очень сильная! Лучшая ваша речь, моя дорогая! Вершина ораторского мастерства! Просто блеск!

И они растворились среди ошалевшей паствы, словно их никогда не было на Острове-ковчеге. Спустя пару минут по толпе прошел ропот — шептались о внезапном помешательстве Ее Святейшества, об ее в высшей степени странном сегодняшнем выступлении, о теплоте и шике меховой шубы и волшебном блеске алмазов во мраке ночи. «Куда это они так рванули?» — спросил кто-то задорно. Но голос повис в морозном воздухе и безнадежно растаял.

Судачили о многом и очень пространно, потому что население всегда чудесным образом неосознанно чувствует, что предполагать (а тем более бояться) стало совершенно нечего, а главное — абсолютно бессмысленно.

* * *

Оставим же в покое бранные чаянья несчастного народа Острова-ковчеге, история которого близится к сокрушительному апогею с крейсерской скоростью титана-айсберга, обещанного некогда ведьмой Агатой с чрезвычайно настойчивой любезностью. И явившегося с завидной пунктуальностью сегодня на горизонте.

Наступал последний вечер, что заметить по светилам было затруднительно из-за переменной облачности окаянной полярной ночи. Но внимательно отсчитывая времена суток по антикварным часам в башне маяка, Черный Человек доподлинно знал, когда наступит вечер. Да и когда наступит конец отдельно взятого конца света, он тоже точно знал. И ждал его со странным болезненно-злорадным нетерпением. Дрожа от этого нетерпения, он собирался отправиться на последнюю вечернюю прогулку в компании кроткого Айсмауса Кранцера, накрепко прикрученного к своему летательному подносу. На

Кранцере красовалась шерстяная спортивная шапочка, чтобы мозги не застудить.

Внезапно Чече почувствовал, что его начал одолевать сон. «Только не сейчас, лишь бы не заснуть», — пробормотал он, но громко и беспардонно всхрапнул прямо на ходу.

А приснилось ему следующее.

— Пройдемся, дружок, по райскому острову напоследок, — предложил Че своему задумчивому гомункулу.

Чече нацепил на лоб старый шахтерский фонарик, найденный среди хлама в подвале, — какой-никакой свет все-таки. Он укутал щеки Айсмауса мягким шарфом. Любимую трость Че оставил... Он не помнил, где оставил ее, и это его смутно тревожило. Раньше гомункул заявил бы со свирепым сарказмом, что хромота Че навеки утратила опору. Раньше, не сейчас...

Чече вздохнул и заковылял куда глаза глядят. Айсмаус последовал за ним по воздуху как воздушный шарик на веревочке, бесстрастный и послушный.

Кранцера по сложившемуся обыкновению сносило ветром. Он стоически выгребал, настезь разеваая варежку имбецильно-слюнявого рта по древнему наущению Дица. Ветер попадал в рот и гудел навывлет. Прежде Че пугала ветряная уязвимость гомункула, но только не теперь. Прошло время обоснованных и беспочвенных опасений, панических атак и страданий. Почила безвременно надежда. Забрехала свобода. А какая же свобода без скитаний? Ну хоть в черте ближних околиц.

Итак, они вновь пустились в неисповедимый путь.

Сон наполнял мысли Черного Человека всяческой дребеденью: обрывками воспоминаний, разговоров и страхов, фрагментами чужих жизней и несуразностей жизни собственной, даже строками пошловатых стихов, от которых обычно трудно отделаться. К тому же возникал целый ворох неразрешимых вопросов, из которых главным оставался вопрос о местонахождении благонравного народа Острова-ковчеха. Куда исчезли честные островитяне? Куда спрятались? В какой загадочной субстанции растворились? Их нигде не было ни видно, ни слышно. Поселок опустел и погрузился во тьму и тишь. Будто

не было никогда здесь солнечно и шумно, не бушевали страсти из-за сущих пустяков и не гибли невинные герои ни за грош на глазах бездушных толп.

Теперь синяя мгла поглотила остров. Но тусклый свет звезд освещал еще берег и скалы. И бывший прозектор и премьер в сопровождении бывшего божества направились туда.

С лицами одержимых они размеренно прогуливались на пляже вплоть до начала отсчета катастрофы — до невероятной мощи подземного толчка. Остров содрогнулся и космически загудел. Это громадина айсберга схлестнулась с ним краями. Берег затрясло. Прибой отхлынул и спрятался где-то неподалеку. Его было все еще слышно. Впрочем, быть может это шутил над Че его изнуренный слух.

Вскоре тремор земли внезапно унялся.

Наши путники вовсе не были потрясены. Чече взирал в загустелую мглу острова невозмутимо. А Кранцер только истошно замурлыкал, стараясь держаться поближе к плечу хозяина.

Кровожадные хаосорожденные стаи кажанов возопили где-то высоко в небесах, навек прощаясь с обителью и бытием.

С тровантового пляжа уже очень далеко были видны мерцающие огни уходящего фрегата «Некст». А темный силуэт китобойца «Циклоп» медленно опускался в море.

— Затопили нашего «Циклопа», — зачем-то сообщил Чече безучастному Айсмаусу с неизбывной грустью.

Тут бы пригодился пресловутый барабанный дух. Он уж точно смог бы разрядить гнетущую атмосферу какими-нибудь глупостями или прибаутками. Но злосчастный дух правого уха испарился, как не бывало.

Покидая пляж, Че оглядывался, наблюдая, как пенная вода заливаает берег тровантов, как безответно тонут живые камни, словно так предначертано. «Так природа захотела», — сказала бы рыжая Юнга. А колдунья Агата опять смеялась бы над неминуемой смертью.

Фонарик на лбу начал предательски тускнеть, и наш путешественник немного встревожился: не угодить бы ненароком в разломы почвы, которые могли образоваться при землетря-

сении такой силы. Но, по счастью, ничего подобного не случилось в этой финальной экскурсии по ковчегу.

Они довольно живо продвигались к маяку, давно и безвозвратно утратившему свой магический свет. Погасший мертвый фонарь! Вот что вечно было с этим маяком не так. Чече, глупец, до сих пор ничего не понимал. А ведь это было так просто! И только в этом последнем сне пришло озарение. Впрочем, для чего же еще людям дано засыпать и видеть сны, раскапывая сокровенные закрома своего спящего разума?

Пока они добрались до маяка, добрая половина острова была уже под водой. За скалами, аккуратно посерединке Вселенной, угловато белела неумолимо убийственная машина титана.

Чече постоял несколько минут у бывшего колодца, но море уже подступало к ногам. Подвал Дица затопило в первую очередь. Да и тронная зала Великого и Ужасного была уже преданием.

Черный Человек медленно поднялся на высокую башню маяка по старинной винтовой лестнице. Наяву он никогда здесь не ходил и рисковал свалиться на каждой шаткой ступени. Но сновидение всегда старалось подарить сновидцу счастливый исход. Немного запыхавшись, Чече вылез на купол и закрепился за ржавый железный парапет ремнем. Айсмаус невозмутимо летал над его головой. И совершенно не обращал внимания на прощальные чайчи вопли обреченных кажанов.

Че осмотрелся, держась руками за сломанный шпиль. Ледяное море уже лизало его сапоги. Остров полностью затонул, только крыша храма еще недолго торчала из воды. На поверхности плавали какие-то предметы, большие и маленькие. Некоторые слабо барахтались. Похоже, это тонули люди и звери, не смея нарушить криками благословенную тишину над канувшим ковчегом.

— История вечно повторяется, — сказал Че. — Вновь при потопе спаслись не те, кто достоин. Жизнь, Айсмаус, это череда роковых ошибок и поздних прозрений.

Вода уже подступила к самому подбородку. Он не чувствовал тела в ледяной воде, словно от него тоже отделилась голова. Голос хрипел и прерывался от адского холода.

— Эх, Кранцер, вот мы теперь с тобой наедине, как в нашей подсобке за прозекторской, помнишь? Ты мое творение, мое дитя, смысл и содержание моего существования, но через минуту я захлебнусь, а ты останешься с рыбами да китами. Ты сначала одичаешь вконец, а потом неминуемо погибнешь. Я хотел воплотить в тебе мечту, а не сумел сохранить даже память. Прощай же. Наконец ты станешь, как и хотел, настоящим богом. Потому что настоящему богу человек всегда бывает должен смерть — свою или чужую, людскую или ангельскую. И я остаюсь должным тебе смерть. До самой смерти. Я отправляюсь на поиски нового ковчега где-то там, в глубинах бессознательного.

Тут к нему внезапно пришло отчетливое радостное ощущение, что сон близок к завершению. Глаза широко распахнулись, Че шумно выдохнул и проснулся... И нашел себя по ноздри в ледяной воде, окоченевшим и обездвиженным, примерзшим к сломанному шпилью башни маяка, одиноко торчащему посреди океана. «Как прекрасно, что это был не сон!» — мелькнула суицидальная мысль и угасла. Че больше не видел своего гомункула — он больше ничего не видел и не слышал.

А совсем рядом все еще возвышалась вершина титана-айсберга, белеющая на фоне крошечной тьмы, в которой накрепко сомкнулись великие стихии небес и океана. И больше ничто не могло встать между ними.

*ЭЛЛА ЛЕУС
Украина, Одесса
2018–2024 гг.*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Инна Ковальчук</i>	Глава 11	
Парадигма свободы 4	Язык мой — враг мой	147
Роман	Глава 12	
ДРЕЙФ КОВЧЕГОВ 7	Тили-тили-тесто...	157
Глава 1	Глава 13	
Потоп на бедовую голову?	Полундра и чепчик	167
Потоп временно отменяется 17	Глава 14	
Глава 2	Мода на власть и мода на геройство	175
Желаю легкокрылой смерти 39	Глава 15	
Глава 3	Не высказанная вслух гипотеза к рассмотрению не принимается	185
Маяк, мор и майотены 55	Глава 16	
Глава 4	Вся путаница от информбюро и беспортфельных министров	193
Изъяны наизнанку 67	Глава 17	
Глава 5	Любовь и смерть всегда вдвоем	203
Зовите ее просто Тея 79	Глава 18	
Глава 6	Война супротив мира, или Каждая погода — благодать	215
Сначала продадим наше дерьмо 87	Глава 19	
Глава 7	Ставок больше нет	227
Доктор на больных не обижается 105	Глава 20	
Глава 8	Шизофрения на марше	243
Куплю дожди оптом 117	Глава 21	
Глава 9	Конец конца света — слезы сквозь смех	255
Дрейфуют все! 127		
Глава 10		
Не спать бы на радостях! 135		

«Дрейф ковчегів» — експериментальний роман, утопія й антиутопія, трагедія і фарс в одному органічному тексті.

Літературно-художнє видання

ЛЕУС Елла Володимирівна

ДРЕЙФ КОВЧЕГІВ

Роман

Російською мовою

Завідувачка редакції *Т. М. Забанова*
Дизайнер обкладинки *О. А. Кунтарас*
Коректор *І. В. Шепельська*

Формат 60x84/16. Ум. друк. арк. 15,58.
Тираж 50 прим. Зам. № 391 (60).

Видавництво і друкарня «Астропринт»
65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21
Тел.: (0482) 37-14-25, 33-07-17, (048) 7-855-855
e-mail: astro_print@ukr.net; www.astroprint.ua

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003 р.